

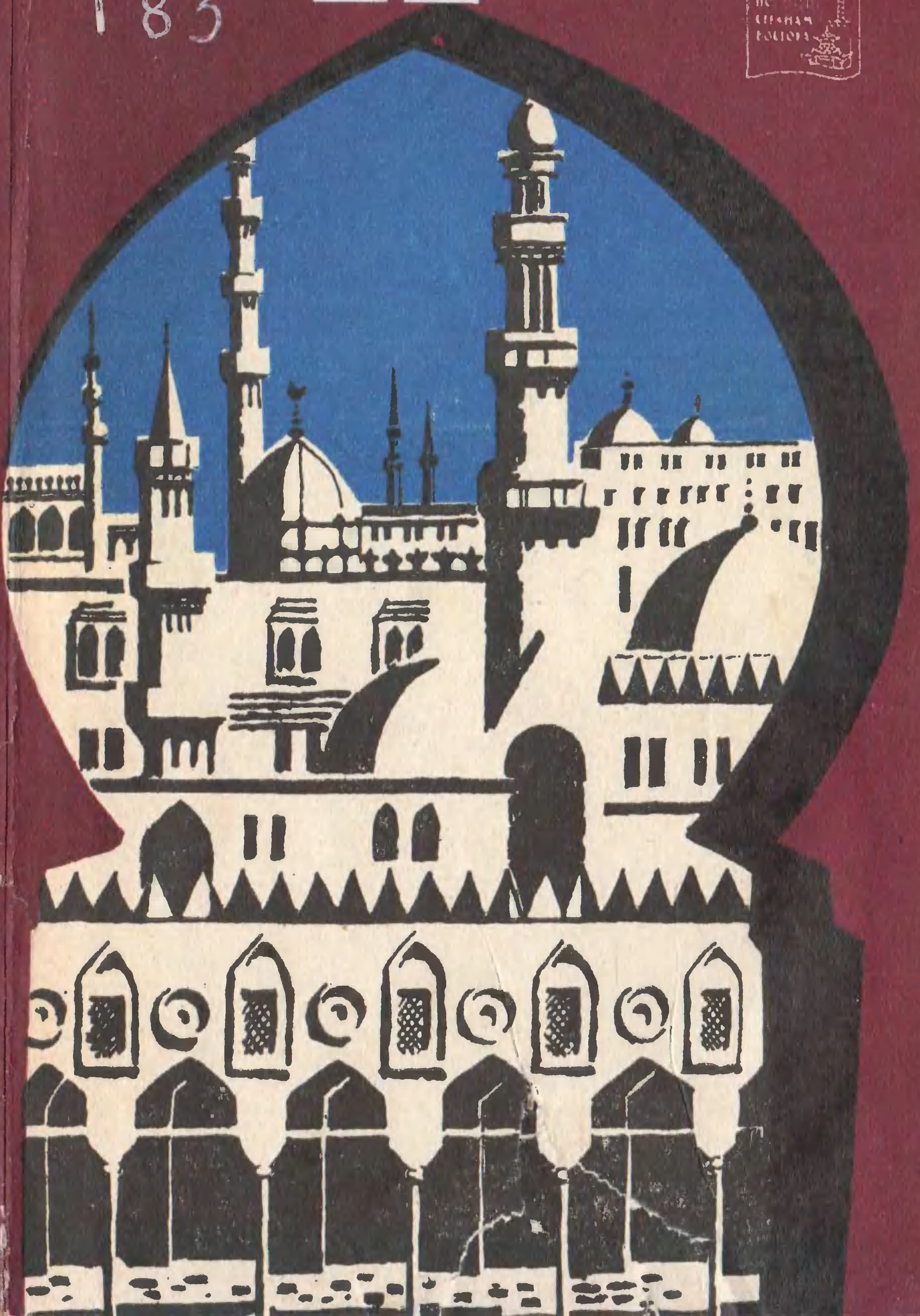
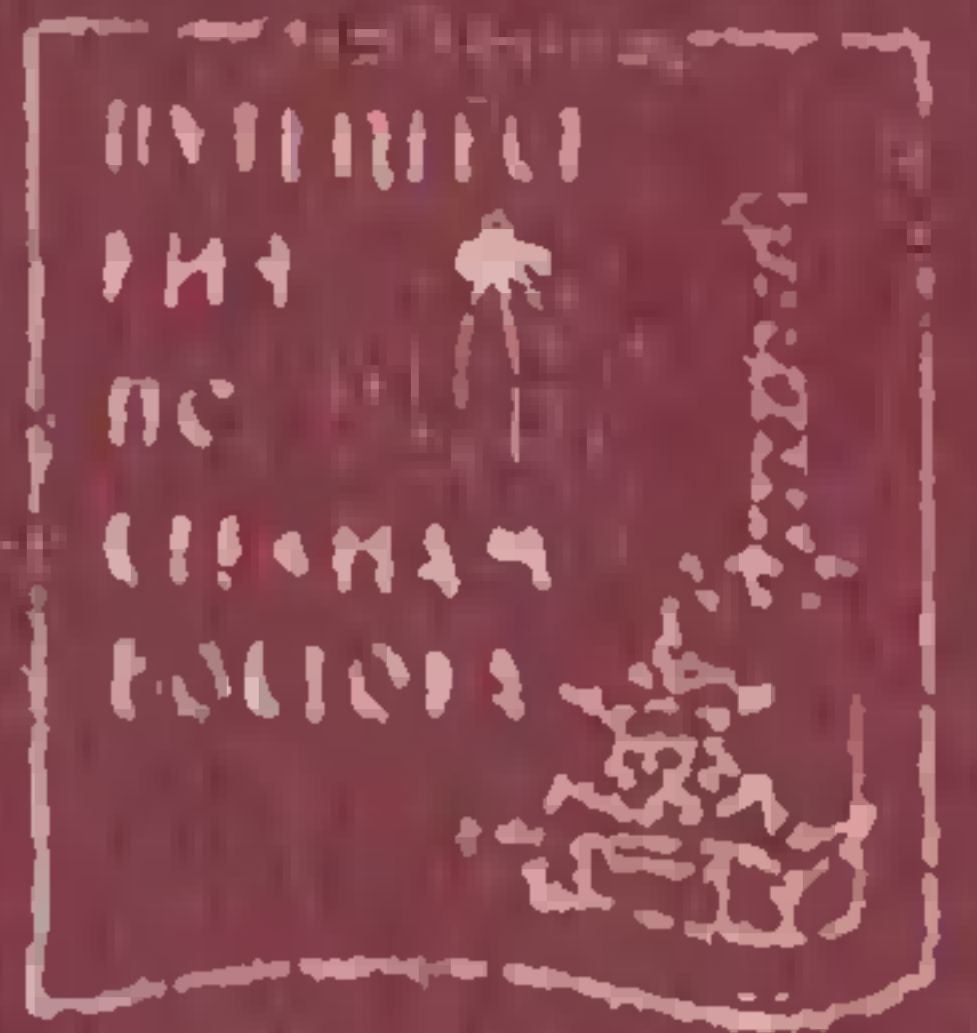
А. Г. Григорьева · В. И. Гусаров

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ АРАБСКОГО ВОСТОКА

91(И5)

Г83

26.89/61
Г83

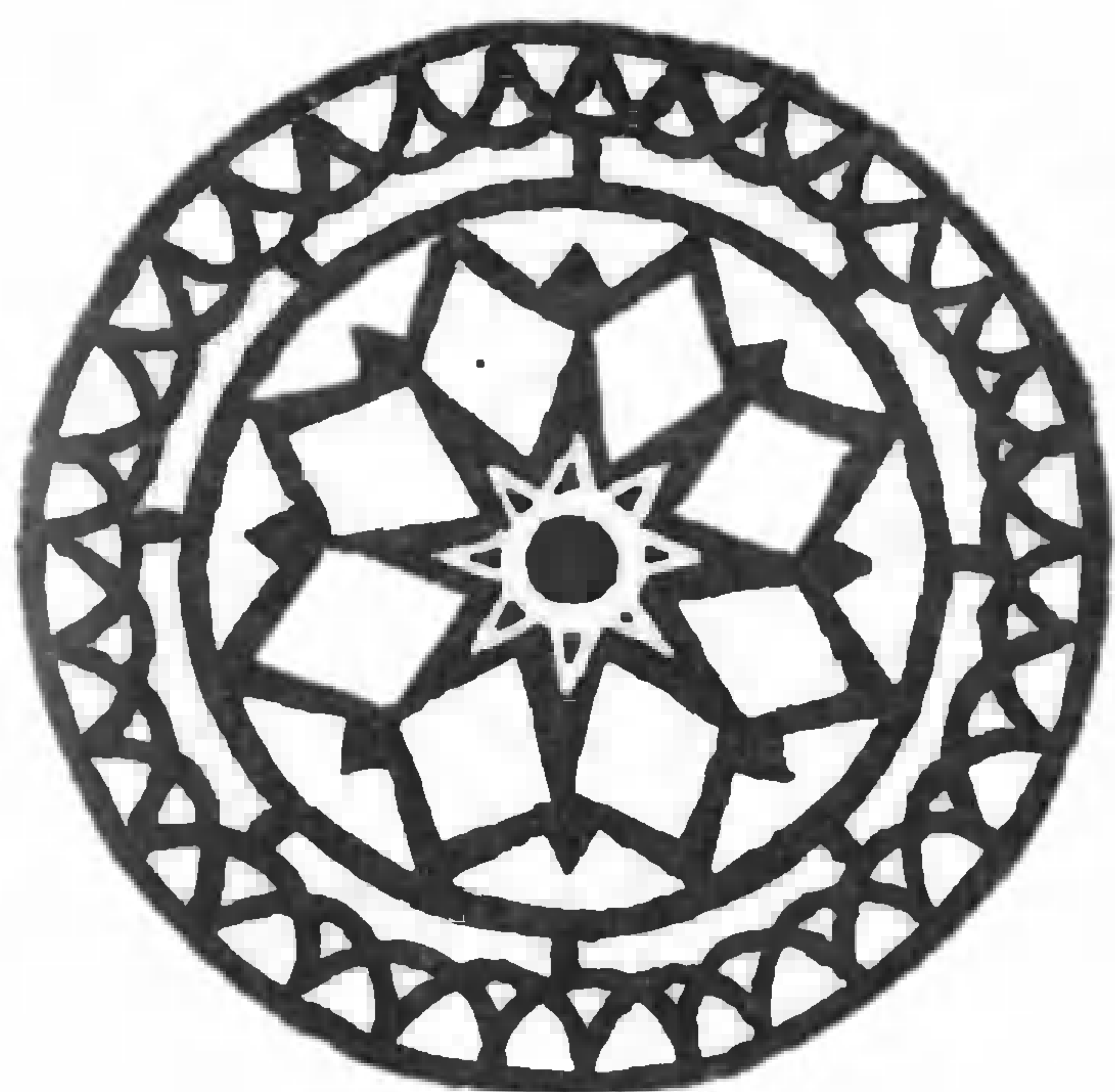

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А·Г·Григорьева·В·И·Гусаров

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ АРАБСКОГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Ответственный редактор

Р. Г. ЛАНДА

Григорьева А. Г., Гусаров В. И.

Г83   **Легенды и были Арабского Востока. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.**

184 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Путевые очерки, основанные на личных впечатлениях авторов, неоднократно побывавших почти во всех арабских странах, в том числе и в тех уголках Арабского Востока, куда почти не ступала нога советского человека.

2-8-1

122-72

91п

Много на земле стран, городов и селений, где живут друзья нашей страны.

От Атлантического океана на западе до Персидского залива и Индийского океана на востоке протянулся Арабский Восток. Его северные границы проходят не так уж далеко от наших, а самые южные арабские земли приближаются к экватору. На этой огромной территории расположено двадцать государств. Между ними много различий, но много и сходства, порожденного общностью исторических судеб, языка и религии.

Два последних десятилетия намного сблизили советский и арабский народы. С рядом государств Арабского Востока у Советского Союза установились отношения подлинной дружбы и взаимопонимания. С другими арабскими странами такие отношения находятся в стадии становления. В основе этого процесса сближения лежит общность интересов мирового социализма и национально-освободительного движения в их борьбе против империализма и неокOLONиализма, в борьбе за мир и прогресс.

Предлагаемая книга написана в форме очерков, основанных на личных впечатлениях авторов от поездок в очень разные страны Арабского Востока, от встреч и бесед с арабами разных поколений и убеждений.

По роду работы и общественной деятельности нам довелось побывать в тех уголках Арабского Востока, куда почти не ступала нога советского человека, и в этой книге мы хотели бы передать те из своих впечатлений от этой беспокойной части мира, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес для широких кругов советских читателей.

ЕСЛИ ВОДА ВСЕГО ДОРОЖЕ

Из крошечной тьмы Аравийской пустыни выплывает море ярких огней. Огни очерчивают набережную, залив и порт. Это — Эль-Кувейт, столица княжества Кувейт, расположенного на северо-западном берегу Персидского залива (на арабских картах залив называется Арабским). Кувейт занимает в капиталистическом мире одно из первых мест по добыче нефти и первое место по производству воды. На 200 тысяч коренных жителей Кувейта приходится 1000 миллионеров, получается, что каждый двухсотый житель страны миллионер...

В древности по территории Кувейта прошли армии завоевателей из Ассирии и Вавилона, войска Александра Македонского, бродили племена кочевников-скотоводов. Здесь же существовали цветущие земледельческие колонии. Древние кувейтские мореплаватели пересекли Персидский залив, достигали берегов Индии и Африки. Прибрежные жители славились искусством судостроения, занимались рыболовством, торговлей.

В средние века по этой пустынной земле от оазисов Аравийского полуострова до Месопотамии и обратно кочевали бедуины. Приморское население занималось рыболовством и ловлей жемчуга на отмелях залива. Жемчуг вывозили в Бомбей, Багдад, в Европу. Средневековье продолжалось здесь до 30-х годов XX века.

С водой на территории Кувейта всегда было плохо. В 1936 году при очередных поисках источников воды в Кувейте нашли нефть и с 1948 года начали регулярно ее добывать. С этого времени и начинается новая история страны. Только теперь этот уголок пустынной Аравии начал создавать свою новую жизнь и свою новую культуру. С этого времени начинается его история, ис-

тория народа, составляющего немногим более 200 тысяч человек¹. Создается и собственно история: отпускаются большие средства на проведение археологических исследований на территории страны, учреждаются исторические и этнографические музеи. Естественные музеи тщательно коллекционируют и экспонируют все, что представляет скудную флору и фауну этого уголка земли, которая компенсируется, правда, изобильным морским миром Персидского залива (около 350 видов рыб и морских животных).

Государство делает все, чтобы сделать страну привлекательной и интересной для самого избалованного туриста. Хотите древнюю цивилизацию?— Пожалуйста: в вашем распоряжении прекрасно оборудованный музей в Эль-Кувейте и раскопки на острове Фейлака. Хотите поохотиться?— Вам предоставляется и эта возможность (туристам предлагаются специальные карты Кувейта с указанием, где и какие водятся звери и птицы). Хотите развлечься?— Вас пригласят на морские купания и верховые прогулки в дорогах приморских клубов. Вечером вы можете посетить прекрасно оборудованные кинотеатры и театр...

В аэропорту нашу делегацию встречают представители кувейтского департамента по туризму и внешним культурным связям. Каждому из нас вручают стопку книг и брошюр по истории Кувейта и его современной жизни (прекрасно изданных в Кении), карту Кувейта и комплекты сверкающих цветных открыток с видами города.

Нас рассаживают в низкие блестящие машины. Мягко трогаемся и летим по чистому асфальту. Поздний вечер. Широкие дороги и улицы города залиты ярким светом электричества. Улицы пустынно. Лишь изредка пролетают встречные машины. Наверное, час очень поздний...

Мимо нас проплывают и остаются позади виллы и коттеджи за глухими стенами. Город встречает нас высокими современными зданиями.

Утро в Эль-Кувейте начинается рано стуком и грохотом стройки за окном нашей гостиницы. Строят в Кувейте много.

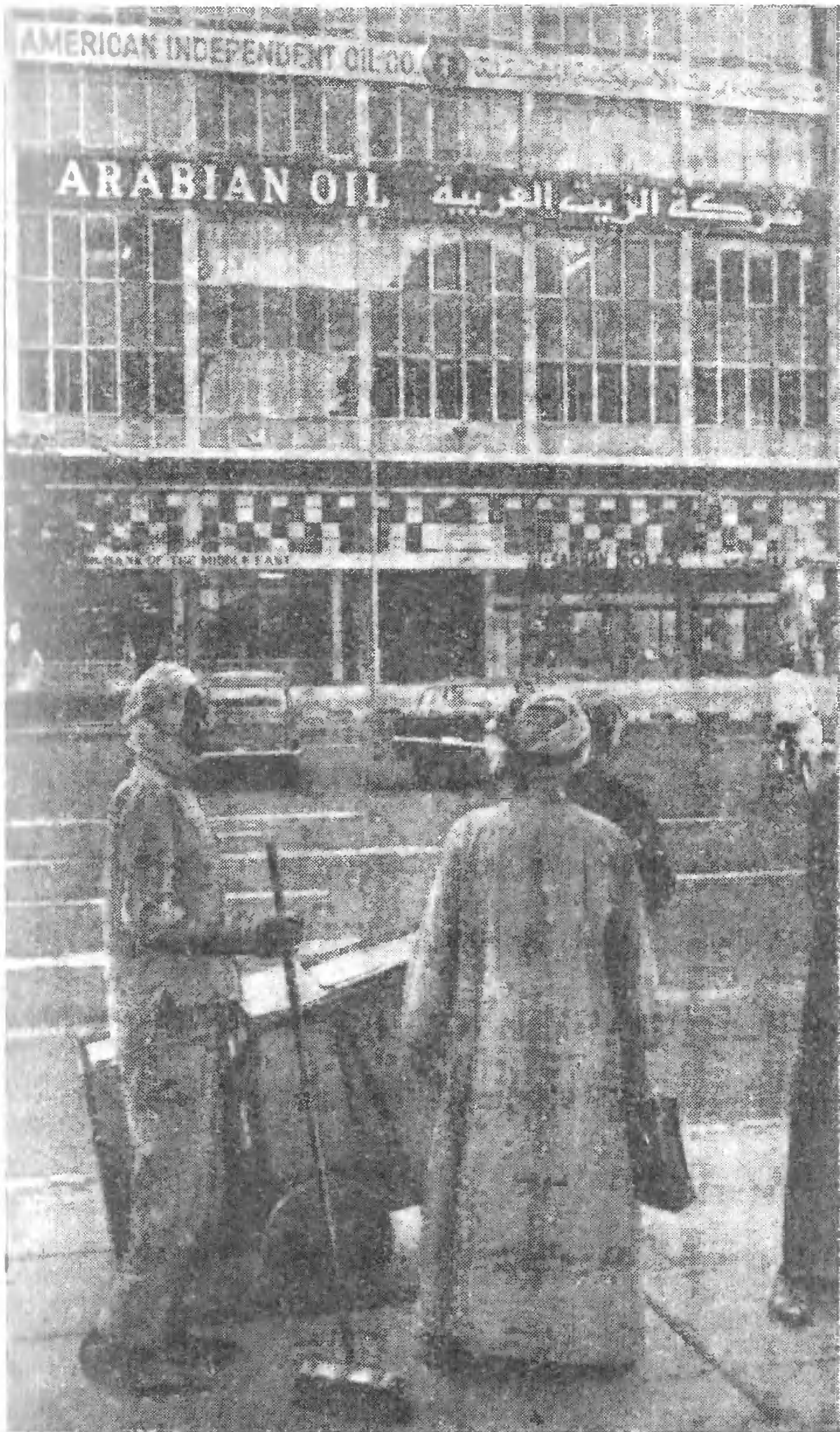
¹ Вместе с приезжающими на заработки население страны составляет около 500 тыс. человек.

С крыши гостиницы в утренних лучах предстает перед нами весь город: совсем новый, как бы построенный сразу, без столь милого туристу разделения на старый и новый, без средневековых стен и башен. Правда, на одной из центральных площадей города среди зелени скромного скверика и в окружении громадных светлых зданий, украшенных стеклом и рекламами, едва заметно и совсем не внушительно сереют остатки городских ворот и часть городской стены XVIII века. Еще двадцать лет назад эта стена окружала старый Эль-Кувейт. Сейчас глинобитных домов почти не видно. В центре они лишь кое-где прячутся за новыми громадами или же отступают на окраины.

В первые минуты знакомства с городом чувствую какую-то странность в его облике. Наконец догадываюсь: на улицах почти нет пешеходов. По широким благоустроенным мостовым скользят приземистые разноцветные машины. Весь город приспособлен для автомобильного движения: широкие улицы, удобные развязки движения на бойких перекрестках, полосы газонов посередине улиц, размеченные на асфальте стоянки машин перед крупными учреждениями и магазинами. Пешком здесь почти не ходят, в крайнем случае ездят на велосипеде... Только на центральных улицах перед магазинами и в торговых рядах рынка снуют пешеходы. Но вдоль всех этих торговых линий выстроились шеренги разнообразных машин. Видимо, большая часть этих пешеходов не уйдет отсюда, а уедет. Наверно, поэтому город так разрастается вширь. Расстояния здесь не так уж важны. Даже на глинобитных окраинах старого города из-за ворот тут и там высовываются блестящие корпуса «опеля» или «шевроле».

Пешеходу же в Кувейте приходится туго: заасфальтированные тротуары для него есть только в центре. На остальных улицах их нет. Если вы хотите пройтись, то вам придется или пылиться на пустынной замусоренной полоске вдоль пышущих жаром стен, либо рисковать жизнью на мостовой.

Торговый центр города — огромная рыночная площадь, где продаются овощи и фрукты, разные консервы и концентраты, с лавками со всевозможными импортными товарами. Маленькие ларьки так увешаны сверкающими, позолоченными авторучками, что напо-

Центральная улица в Эль-Кувейте

минают миниатюрные органы. Прямо на земле пылятся японские транзисторы и магнитофоны. Под навесами развеваются яркие нейлоновые косынки и халаты. Сдержанно и солидно выглядят витрины большой серии магазинов под общей вывеской «La femme». Посетительниц в этих магазинах немного. Вообще в Кувейте женщин меньше, чем мужчин (около 40%), вследствие большого притока иммигрантов.

На берегу моря сверкает белизной дворец кувейтского эмира, одного из самых богатых людей на свете. В обычное время этот дворец показывают делегациям и туристам. Но в дни нашего пребывания эмир Кувейта принимал во дворце своего гостя — соседа, тоже богатого нефтяного князя, — эмира Бахрейна. По местному телевидению нам показали встречу монархов. Все важные сановники и оба эмира были в традиционных белых одеждах, с белыми покрывалами на голове, затянутыми черным жгутом, в темных очках.

Наше прибытие в Кувейт также не осталось незамеченным. В местной газете «The Daily News» было помещено сообщение под заголовком «Soviet „Tourists“». Далее на всем протяжении заметки мы так и именовались почему-то туристами в кавычках.

Вопрос о положении сословий в Кувейте (все-таки княжество, а не республика) заинтересовал меня. Сопровождавший нас ответственный чиновник, очень солидный и почтенный, с виду настоящий арабийский шейх, сказал мне в одной из бесед:

— Наше государство очень демократичное.

— А сохранилась ли у вас аристократия?

— Это уже отмирающая категория, — ответил чиновник.

— А вы сами из шейхов? — допытываюсь я.

— Нет, нет! — убежденно воскликнул он, — я из народа...

Правда, у него три машины и два дома, но это может иметь каждый!

В департаменте по туризму и культурным связям вам расскажут историю развития Кувейта, которая начинается с 1948 года. Затем всем обязательно демон-

трируется фильм о ловле жемчуга. Этот промысел теперь можно увидеть только на экране: тяжелый, изнуряющий труд, пожирающий людские жизни, уходит в прошлое. Частично его вытеснила успешная добыча нефти, частично изобретение японцами искусственного способа выращивания жемчуга. Далее следует рекламный фильм о современном Кувейте: процветающая страна с современным комфортом, добыча и экспорт нефти, бесплатное образование и медицинское обслуживание. И лишь где-то на заднем плане мелькает главное, что за 20 лет создало новую страну,— человеческий труд.

В Кувейте, как говорилось, числится около 200 тысяч коренного населения, пользующегося правами гражданства. Еще столько же иммигрантов прибывает сюда на заработки (во всех сферах производства и обслуживания). Наш гид — египтянин, живущий в Кувейте со своей семьей уже семь лет. Официанты и служащие нашей гостиницы — сирийские и ливанские студенты, приехавшие на время отпуска или каникул на заработки. На предприятиях нефтяной промышленности и в порту работают приезжие из Ирака, Ирана. Много палестинских арабов. В школах и училищах много преподавателей из Египта, Сирии и других стран.

Вода в Кувейте дороже бензина. Еще несколько лет назад воду привозили сюда на специальных судах из залива Шатт-эль-Араба, из Ирака. Модели этих судов выставлены теперь в кувейтском музее.

В настоящее время на берегу залива недалеко от Эль-Кувейта построен большой завод по опреснению морской воды. Это одно из самых жизненно важных предприятий страны, которое берегут и охраняют как зеницу ока. Строгий караул перед входом несколько раз проверяет ваши документы, просит оставить в проходной фотоаппараты и кинокамеры. Из залива к цехам тянутся большие белые трубы, доставляющие в цеха перегонки морскую воду. Но дистиллированная вода лишена вкуса и многих необходимых человеку компонентов. В специальном цехе в дистиллированную воду добавляют необходимые минеральные вещества. Обыкновенная вода, которая так привычно течет у нас

из крана, в которой можно плавать и плескаться, творится человеком.

Однако и этого предприятия сейчас недостаточно для снабжения водой всего Кувейта. Оно удовлетворяет лишь 80% потребности страны в воде. Во многих кварталах воду развозят по домам в специальных цистернах и продают жителям, как в наших поселках развозят и продают керосин.

Каждый день в ресторане подаются салаты из свежих овощей и фруктов. Особенно виртуозно исполняется салат из фруктов: половина грейпфрута выскабливается и заполняется мелко нарезанными кусочками ананаса, апельсина и самого грейпфрута. Сочные помидоры и хрустящие листья нежно-зеленого салата — все это ввозится из других стран. И не потому, что почвы в Кувейте плохи, — не хватает воды...

Посетив опреснительный завод, совсем по-иному смотрю на каждое дерево, на каждый цветок на городском газоне или в школьном саду. Говорят, чтобы вырастить в Кувейте одно дерево, нужно тратить в год более двухсот долларов. На улицах и дорогах зелени, действительно, немного. Но за стенами многих красивых вилл можно заметить пышные ароматные садики и яркие цветники.

В Кувейте 70% населения грамотны, образование — бесплатное. Окончив начальную школу, где учатся дети от шести до десяти лет, поступают в неполную среднюю школу (с 10 до 14 лет), а затем получают полное среднее образование (с 14 до 18 лет). Нам предлагают осмотреть среднюю школу-интернат. Учебная территория расположена на берегу залива и занимает 200 федданов¹.

Школа, которую мы посетили, рассчитана на 1800 учащихся, получающих неполное и полное среднее образование. Территория засажена акациями и каким-то другим неприхотливым кустарником. Проложены широкие аллеи. В центре высится большой учебный корпус с колоннами вдоль главного фасада. В нем 62 классные комнаты, в том числе большая аудитория для общих лекций и собраний.

В школе работают 156 преподавателей, в основном

---

¹ Один феддан равен 0,42 га.

**Чтобы вырастить в Кувейте одно дерево,
нужно тратить в год
более двухсот долларов**

приехавших из Египта, Сирии или Ирака. На обширной территории школы расположены корпуса клуба для учащихся, большой библиотеки (16 тысяч книг). На полках литературного отдела библиотеки стоят издания классиков арабской литературы, большей частью каирские. Имеется музей естественной истории, в зоологическом отделе которого большая коллекция чучел животных и птиц земного шара. Во дворе музея, под огромным навесом, установлен скелет гигантского кита. Несколько лет назад этот кит заплыл в Персидский залив, но выбраться из него уже не смог. Школа имеет свою больницу, мечеть и спортплощадки. В саду 12 корпусов общежитий на 800 учащихся. Поодаль расположены отдельные домики для семей преподавателей. Для преподавателей есть также клуб, бассейн и морской клуб.

Заходим в просторную столовую, которая одновременно обслуживает 1200 человек. Питание здесь бесплатное. Приходящие ученики получают дневной завтрак (ленч), те, кто живут в интернате, — полное питание.

В классах изобразительного и прикладного искусства занимаются малыши и подростки: пишут маслом, чеканят по металлу, лепят из глины и пластилина. Среди картин учащихся — бытовые сценки, портреты, пейзажи. В 1967 году изостудия школы приняла участие в международной выставке детского изобразительного творчества.

Сегодня в школе выходной день, завтра снова занятия: к воротам школы отцы подвозят детей — кто на машине, кто на велосипеде.

Как многие современные пустыни, этот край был когда-то плодородной страной, в древних поселениях которой процветали земледелие и ремесла. По описанию античных путешественников, таким был и остров Фейлака, расположенный в заливе на расстоянии 20 километров от берега Кувейта. Греки из армии Александра Македонского, поселившиеся здесь, называли его «остров Икарус», в честь их родного острова в Эгейском море. В дошедшем до нас послании Александра Македонского говорится, что на острове много деревь-

и садов, в которых водятся газели. В своем городе на Фейлаке греки соорудили храм в честь Артемиды. Еще в начале XX века на острове выращивали пшеницу и овощи, которые вывозили в Кувейт. Позже земледелие стало невыгодным, население на острове сократилось, остались лишь рыбаки и торговцы.

Сейчас на Фейлаке есть небольшой порт, к которому и направляется наш катер. Приезжие могут осмотреть здесь этнографический музей и археологические раскопки древнего города. Остальная часть острова — пустынный песчаный берег, усеянный ракушками и непугаными чайками. Кое-где растянуты рыбачьи сети. Вокруг — только ярко-синее море и знойное солнце.

Греческой цивилизации на острове предшествовала более древняя культура, восходящая к третьему тысячелетию до нашей эры. Она близка культуре древнейших государств Месопотамии — Ура и Лагаша. От этой цивилизации до нас дошли совершенно уникальные цилиндрические печати. На одной из них можно увидеть самое древнее из известных нам (III тысячелетие до н. э.) изображение Адама и Евы под деревом познания и соблазняющего их сатаны.

В ассиро-вавилонский период остров оставался важной морской базой в Персидском заливе. Позже греки основали здесь большой портовый город-крепость. Они прорыли колодцы, обнесли поселение стеной и рвом. За аристократическими кварталами лепятся остатки маленьких домиков ремесленников, гончаров и рыбаков.

Первые памятники арабской культуры на острове относятся к VIII веку. На севере острова тогда была построена новая гавань. В музее Эль-Кувейта выставлены образцы различных кораблей: одни из них предназначались для ловли рыбы, другие — для торговых путешествий в далекую Индию и Африку, третьи — для ловли жемчуга, четвертые — для перевозки воды. Дерево и деревянные изделия привозили в Кувейт из Индии. В этнографическом отделе музея, где выставлены детали старых жилищ кувейтцев, можно видеть деревянные резные ворота, которые украшали дворец одного из местных шейхов. Во дворе музея представлена жизнь обитателей пустыни. Раскинута черная волосяная палатка бедуина, под ее навесом расставлена утварь

бедуинской семьи: несколько котелков, кофейник, ковровые подушки. Специальное помещение изображает старую кувейтскую школу, тесную и полутемную, вся обстановка которой состояла лишь из нескольких скамеек. Выставлен также первый телефон, который был проведен в Кувейте в 1891 году между лавкой и домом самого богатого кувейтского купца.

Старый образ жизни уходит в прошлое, уходит в прошлое и ловля жемчуга. Весь несложный инвентарь искателя жемчуга составляли веревка, тяжелый камень для погружения, сетка для раковин, прикрепляемая к поясу, нож и деревянный зажим для носа вроде прищепки. Кувейтцы среднего возраста еще помнят, как в сезон ловли жемчуга (в мае) пустели прибрежные деревни. Все взрослые мужчины уходили на промысел. В течение четырех месяцев ждали их возвращения женщины и дети. Стариков было мало, так как тяжелый труд быстро изнашивал организм ныряльщиков. Жемчуг обходился в тысячи человеческих жизней. И все это для того, чтобы в ювелирных магазинах на темном бархате мерцали белые и розовые жемчужины, собранные в ожерелья, кольца и броши...

В наши дни уже не жемчуг составляет богатство страны. Мы идем в Мина аль-Ахмади — центр обработки и погрузки нефти на экспорт. У вычищенных причалов — танкеры под разными флагами. К судам тянутся белоснежные трубы нефтепроводов. Город и порт построены недавно «Кувейт Ойл Компани». Население нефтяного города составляет 60 тысяч человек.

Прямое как стрела шоссе отрезает от пустыни территорию города, строго разграфленную прямыми улицами и рядами одинаковых домиков. В центре города выделяются административные здания компании, зеленый сквер, мечеть, магазины, клуб с бассейном и спортплощадками. Остальные кварталы образованы стандартными домиками для чиновников, инженеров и служащих порта и нефтяных предприятий: двухэтажные многоквартирные дома для холостяков и отдельные коттеджи (на две семьи каждый) для семейных. Каждая половина коттеджа имеет отдельный подъезд, гараж и небольшой палисадник.

В административном здании «Кувейт Ойл Компани» нас принимает представитель компании, ответственный

Порт Ахмади

за международные связи. Он рассказывает о развитии добычи нефти, о жизни города Эль-Ахмади, об условиях труда. В компании работает много инженеров и техников, приехавших сюда по контракту из арабских и западных стран. Несмотря на высокую зарплату, жизнь в городе на краю пустыни у моря не очень привлекательна, поэтому компания стремится создать для служащих наилучшие условия. Сейчас нам все это покажут.

Огромный зал, голубовато-белый, с высокими колоннами, сохраняет свежесть и прохладу даже в знойный день. Это — ресторан компании. На столах сверкают хрусталь и мельхиор. Меню рекламного обеда: салат из фруктов, бифштекс с кровью, мороженое с персиками.

Чиновник приглашает нас к себе в гости. Его семья живет в Эль-Кувейте, там у него свой дом и машина для семьи. Здесь он живет в отдельном коттедже компании. Говорят, что он входит в тысячу кувейтских миллионеров.

С пыльной раскаленной улицы открываем калитку коттеджа и сразу попадаем в райский уголок: зеленая

лужайка двора окаймлена густой свежей зеленью кустарника и плодовых деревьев. Небольшой переносный фонтанчик приятно журчит и сверкает брызгами. В густой листве щебечут птицы. В глубине двора — одноэтажный дом. У порога нам приветливо улыбается элегантная европейская женщина, хозяйка дома. На ходу снимает перчатки и передник. Она только что работала на небольшом огороде за домом, где выращивает сама кое-какие овощи и фрукты. Конечно, для этого надо много воды.

Планировка дома для нас необычна: прямо с улицы, переступив порог, попадаем в гостиную — без коридоров, без прихожих. В здешнем климате, действительно, нечего снимать, чтобы оставлять в передней! Домик состоит из столовой, спальни, кабинета. Обстановка модная, современная. Просторная светлая кухня имеет отдельный выход во двор. Здесь, конечно, тоже все удобства: водопровод, холодильник, электроплита. В гостиной перед большим телевизором на журнальном столике — коробка с яркими конфетами, сухое печенье и чай. Чай в Кувейте предлагают чаще, чем традиционный арабский кофе, но к его приготовлению относятся с такой же заботой. Заваривают его со специями. Крепкий ароматный чай с сахаром подается в небольших тонких стеклянных стаканчиках.

Не менее неожиданные превращения ожидают нас и на обратном пути из Эль-Ахмади в Эль-Кувейт. Машины катят по раскаленной дороге. Горизонт теряется в знойном мареве. Все вокруг голо и выжжено. Подъезжаем к унылой высокой стене между дорогой и морем. Над воротами читаем веселую голубую вывеску «Клуб аль-Газаль» (клуб «Газель»). Ворота эти ведут, оказывается, в мусульманский рай: зеленый благоухающий сад, цветы, фонтаны, пестрые райские птички, за сеткой вольер — стройная рыжая газель с грустными глазами. Не хватает лишь чернооких гурий, но их и вообще не хватает в Кувейте. Далее — пустующие теннисные корты и плац для верховой езды. К морю выходит широкая терраса. На ней — небольшой бассейн с морской водой, ресторан и длинный корпус с зеркальными помещениями для переодевания и с душевыми, снабженными холодной и горячей водой. (Вода залива очень

голеная и после купания необходимо сполоснуться под пресным душем.)

Далеко в море уходит длинный мостик, который заканчивается спуском в воду и вышкой для прыжков. Разница уровня воды в заливе между приливом и отливом очень велика. Сейчас как раз время отлива, обнажена широкая полоса песчаного дна, усеянного острыми ракушками и камнями. Потому и необходим длинный мостик.

Солнце клонится к западу. После купанья приятно посидеть в вечерней тени на террасе, выпить стаканчик ароматного чая с бисквитом. Откуда-то доносится тихая, ненавязчивая музыка. К самому берегу подплывает стайка больших дельфинов. Они затевают прыжки в длину и в высоту. В клубе по-прежнему тихо и пусто. Кроме нас, никого нет. Клуб этот, как и другие такие же, очень дорог...

Сегодня вечером мы идем в кувейтский театр! В этом году ему исполняется десять лет. Фойе сверкает лаком и полированным мрамором. Просторный зрительный зал, балкон, красный бархатный занавес.

Господин Салах, представитель департамента по туризму и культуре, приехал в театр с супругой. Она сидит рядом со мной. Наконец-то я могу познакомиться с коренной кувейткой. Очень красивая стройная женщина в черном платье с блестками (как она мне сказала, «очень дорогом»), с черным кружевным покрывалом на голове. Да, она из самого Кувейта, их семья была очень большой и жила раньше в старом доме на окраине города. Отец был моряком. Она окончила школу, ездила с мужем в другие арабские страны и в Европу. Бывает с мужем в кино и театре. У них сейчас четверо детей.

Я оглядываю зал: он заполнен не более чем на четверть. Сидят в основном молодые люди. Пришел наш гид-египтянин с женой в европейском открытом платье.

Пьеса, которую мы будем смотреть, идет уже давно, многие ее уже посмотрели, объясняет мне соседка. Египтянин добавляет, что пьеса идет на местном диалекте, который не все приезжие хорошо понимают.

Взгляд мой падает на смуглую тонкую кисть руки госпожи Салах. На пальце ее светится огромный

перстень с жемчугом. Вспоминаю, что, когда мы были на приеме в департаменте, к нам в кабинет раза два заглянула девушка-секретарша, коротко подстриженная, в темной короткой юбке и белой блузке. Спустя некоторое время, когда мне пришлось спросить господина Салаха, работают ли у них женщины, он с укоризной воскликнул: «Но вы же сами видели их у нас в департаменте!». Нам говорили еще, что в Кувейте есть училища для медсестер и для воспитательниц детских учреждений и школ.

Раздвигается занавес, и я вижу еще одно поприще, где выступают (уже в самом прямом смысле) кувейтские женщины.

На сцене идет пьеса кувейтского драматурга и режиссера театра Хусейна Али ас-Салиха аль-Хаддада «Старое сукно, а не новый шелк» (что-то вроде нашей пословицы «старый друг лучше новых двух»), как говорится в программе, — «социальная сатирическая пьеса» в трех действиях. Предисловие к ней гласит: «...Кувейт переживает в настоящее время важный этап перехода к новой культуре и прогрессу в различных областях жизни. Продвижение к высшей цели и совершенству сопровождается не только удачами, но и промахами, достойными критики и упрека. Создавая возрожденное общество, надо стремиться к тому, чтобы такое создание было трезвым, глубоко соответствующим духу этой эпохи развития, чтобы не оказаться в стремительном потоке, не дающем размыслить над окружающим и осознать его. В этом движении самое главное — увязать настоящее с будущим. Самое лучшее, когда можно заранее оценить значение завтрашнего дня, предугадать и учесть все неожиданности и изменения... Герои и события этой пьесы — живой образец, который можно наблюдать в нашем обществе...». Содержание пьесы поучительно и интересно, поскольку отражает одну из проблем, волнующих кувейтское общество.

В старом кувейтском доме живет дружная молодая семья: отец Джасем, его жена Аиша и двое маленьких детей. Джасем работает, Аиша занимается детьми и хозяйством. Через некоторое время внешний блеск и привлекательность современной жизни увлекают Джасема. Он смотрит заграничные фильмы, слушает модную музыку, танцует, переходит к европейской одежде. Джа-

Он стремится теперь в иной мир и в иное общество. Жена отстала от моды, дом устарел. Джасем встречает модную современную девушку Маджиду, разводится с первой женой, бросает ее с детьми и женится на Маджиде. Но на голову Джасема обрушиваются новые заботы и горести: Маджида капризна, не хочет заниматься домашним хозяйством и сидеть дома. «Я образованная девушка», — отвечает она на мягкие укоры Джасема. Погоня за развлечениями, новыми нарядами и танцами — вот что царит теперь в новой городской квартире Джасема. Он почти не видит молодую жену, потому что ему уже трудно за ней угнаться. Измученный новым образом жизни, тревогами и огорчениями, неудачливый муж получает инфаркт и попадает в больницу. Маджида вовсе и не думает заботиться о нем или хотя бы навестить его. Увидев, что семейная жизнь не сулит ей больше ничего привлекательного, она вместе со своим братом навсегда покидает дом мужа. Изможденный Джасем возвращается из больницы к разоренному очагу. Старый слуга сообщает ему об уходе Маджиды. Последние силы покидают Джасема. Он уже на грани отчаяния. Но в этот критический момент в его дом вбегает Аиша, его первая и верная жена. Одета она уже более современно. Она не забыла его, она его не бросит ни в какой беде! Подросшие дети бросаются к несчастному отцу. Радость прозрения охватывает Джасема, он снова и навсегда возвращается в свою верную и скромную семью.

Искренняя и выразительная игра артистов делает пьесу понятной для всех присутствующих, а содержание очень волнует моих кувейтских соседей. Благодаря театру можно познакомиться с одной из важных сторон жизни кувейтского общества. За высокими стенами домов жизнь не стоит на месте.

После спектакля нас приглашают за кулисы. Веселая шумная толпа окружает нас. Следуют расспросы о нашей стране, о советском театре, о новых постановках. Артисты играют здесь на общественных началах, очень увлечены своей работой, переживают за успех игры, по нескольку раз спрашивают, понравился ли нам их театр.

Воспоминание о кувейтском театре, о его жизнерадостных артистах — одно из лучших наших воспоминаний о Кувейте. Оно останется у нас навсегда.

ЙЕМЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

С конца 50-х и особенно на протяжении 60-х годов в Йемене побывали тысячи советских людей: инженеры, геологи, артисты, хлопководы, врачи, представители других, самых различных специальностей, члены их семей. И многие, возвратясь в родные края, брались за перо, чтобы поведать соотечественникам об удивительной стране, в которой им довелось жить и работать, о земле, посившей некогда название «Счастливая Аравия». Немало советских газет и журналов, центральных и республиканских, печатали воспоминания и впечатления о Йемене. Появилась и серия книг об этой замечательной стране.

Несомненно, что большинство авторов, писавших на йеменскую тему, было вдохновлено на тяжелый труд очеркиста блестящей книгой о Йемене французской женщины-врача Клоди Файен, члена Коммунистической партии Франции, участницы движения Сопротивления. Файен работала в Йемене в начале 50-х годов. Ее книга «Французский врач в Йемене», вышедшая в 1955 году в Париже, обошла весь мир, в том числе страны Арабского Востока и Йемен. В Советском Союзе книга Файен опубликована в сокращенном виде в 1959 году.

Старожилы рассказывают о реакции имама Ахмеда на эту книгу. Он заявил примерно так: «Знай я раньше, что она напишет такую книгу, я бы велел отрубить ей голову».

В Сане мне посчастливилось познакомиться с пожилым уже йеменцем по имени Абдо, который служил переводчиком у Файен. С его помощью она вновь открыла для мира сказочный край. С Абдо меня познакомил другой французский врач — подруга Файен, постоянным

местом пребывания которой в Йемене был город Дамар, в Сану она приезжала за медикаментами. Из разговоров с нею выяснилось, что Файен по-прежнему живо интересуется Йеменом, теперь уже республиканским, всегда просит как можно больше писать ей не только о всех важных событиях в жизни страны, но и о том, как меняются сознание и взгляды отдельных йеменцев в новых условиях.

Однако Файен не была первой женщиной-врачом в Йемене. За двадцать лет до нее, в начале 30-х годов, здесь работала советский доктор С. С. Слиозберг. Король Яхья писал о ней М. И. Калинин 25 февраля 1931 года: «Своими способностями и искусством в медицинской практике она снискала всеобщую любовь и уважение».

Казалось бы, поэтическое повествование Файен и многие другие большие и малые публикации знакомят буквально со всеми сторонами жизни Йемена. И все же мы рискуем предложить вниманию читателя еще несколько страниц маленьких зарисовок с натуры.

В Йеменскую Арабскую Республику мы прибыли вскоре после победы сентябрьской революции 1962 года. В северных и восточных провинциях шли ожесточенные бои йеменских республиканских и египетских войск против монархистов.

Гражданское воздушное сообщение с Йеменом из-за военных действий было приостановлено. Связь страны с внешним миром осуществлялась главным образом через Ходейдинский порт на Красном море.

Отправившись из Керчи на пароходе «Илья Мечников», группа советских специалистов после многодневного плавания по Черному, Средиземному и Красному морям, благополучно добралась до порта Ходейды. Я говорю благополучно, потому что слово «война», произносимое на море, вызывало мысль о подводных лодках, минах и проч. И хотя всем было известно, что ни того, ни другого ни у республиканцев, ни у монархистов нет, что война между ними сугубо сухопутная, все-таки нелепые сомнения нет-нет да и прокрадывались в сознание.

Напряженность чувствовалась во всем. В обеих столицах ЙАР — Сане и Таиззе — и в других городах стра-

Дворец аль-Бадра, разрушенный революционными войсками в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г.

ны был введен комендантский час. Случалось, вечером патруль останавливал машину несколько раз на небольшом отрезке пути.

Минуло несколько месяцев. Пламя войны отступило на северо-восток страны, в загорное плоскогорье Шарки, в районы Хауляна и Северо-Западного Джебея. В столицах и на побережье на какой-то момент обстановка стабилизировалась. Эту передышку мне удалось использовать для знакомства с провинциями страны, сельскими и приморскими районами.

Земля двух лун

«Камр» по-арабски значит «луна». «Две луны» — «камаран». Так называют свою родину жители небольшого острова в Красном море, расположенного против города Салиф. Загадочное название влечет к острову любознательных людей, однажды попавших в Йемен.

Каждый из них в глубине души надеется разгадать тайну названия острова или по меньшей мере увидеть воочию сразу две луны. Однако поглядеть на Камаран тогда было можно не иначе как в полевой бинокль с семикратным увеличением, потому что до образования в ноябре 1967 г. Народной Демократической Республики Йемен остров оставался английской колонией.

И я, конечно, запасся таким биноклем, когда случай занес меня с группой советских специалистов, работавших в Ходейде, в Салиф.

У Салифа несколько достопримечательностей.

Городок известен своими крупнейшими по йеменским масштабам соляными копиями. На них ежегодно добывается более 100 тысяч тонн каменной соли, которая почти целиком вывозится в Японию. Лишь незначительная часть добытой соли отправляется караванами верблюдов в глубинные районы страны для внутреннего потребления.

Салиф славится также своими бухтами, полными разноцветных кораллов. На восходе и закате солнца они переливаются, особенно в мелководье, всеми цветами радуги. Таинственная красота прибрежных вод Салифа манит к себе любителей-аквалангистов и подводных охотников.

В Салиф мы прибыли после нескольких часов езды на машинах по едва заметным среди песков дорогам, а нередко прямо пересекая барханы. Хотя он и считается средним по величине городом Тихамы, Салиф в действительности представляет собой всего лишь укрупненную тихамскую деревню. В 50-х годах нефтяными компаниями здесь был построен поселок одноэтажных вилл, пустовавших к моменту нашего прибытия уже много лет.

Главным видом жилых строений города, как и других тихамских деревень, являются шалаши-хижины с остовом из тонких жердей или тростника. Строительным материалом для стен и крыш служат длинные высушенные стебли местной травы «кушаш». Вместо дверей навешивается самодельная циновка из веток финиковых пальм.

Такие же хижины окружают и другие города Тихамы — Ходейду, Моху, Хоху. Маленькие дворики, в центре которых расположены шалаши-хижины, разде-

лены заборами из пучков кушаша, перевязанных пальмовыми листьями. Беспощадное солнце Тихамы делает материал, из которого построены хижины, почти таким же легко воспламеняемым, как порох или термитная пыль. Достаточно одной искорки — и огненная стихия обрушивается на сотни жилищ.

На набережной нам повстречался человек необычной для здешних мест внешности. Его темно-смуглая, почти коричневая кожа сочеталась с правильными чертами лица. Хотя он и приветствовал нас традиционным арабским «Ахлян ва сахлян!» — «Добро пожаловать!», глаза его при этом не улыбались, как обычно у йеменцев, которые всегда рады гостям, особенно чужестранцам. Мы разговорились. Нашего собеседника звали Хамуд. Он с сыном прибыл в Салиф с острова Камаран на заработки. Обернувшись, он показал рукой на протянувшуюся вдоль горизонта полосу земли.

От Салифа до Камарана всего четыре мили. На таком расстоянии в бинокль хорошо видны фигурки людей, отдельные здания.

Когда-то остров был полон жизни. На нем находилась карантинная станция для огромного потока паломников, направлявшихся со всего Востока в Мекку.

Из европейцев первыми на острове побывали португальцы, которые захватили его в 1513 году. На протяжении веков захватчики неоднократно менялись.

В 1858 году при прокладке кабеля на Бомбей Камаран был завоеван англичанами. На смену англичанам пришли турки. В 1915 году остров вновь был захвачен англичанами. Лозаннский договор 1923 года юридически закрепил положение Камарана как английской колонии.

Незадолго до второй мировой войны на остров распространилась нефтяная лихорадка. Английская «Бритиш Петролеум Компани» получила от правительства разрешение на разведку нефти на Камаране и других близлежащих островах. Начавшиеся военные действия прервали поиски. После войны они были возобновлены. Однако запасов нефти, имеющих промышленное значение, до настоящего времени так и не обнаружено.

Одно время на Камаране действовал аэродром, использовавшийся аденской авиакомпанией для промежуточных посадок при полетах в Эфиопию.

С 1949 по 1967 год остров был подчинен в административном отношении губернатору Адена и управлялся комиссаром.

Камаран — остров кораллового происхождения. Территория его невелика — 118 квадратных километров. В бинокль хорошо видно, что из воды остров выступает всего на несколько метров. Его абсолютно плоская песчаная поверхность резко контрастирует с соседним гористым побережьем Йемена.

Камаран фактически лишен растительности, если не считать крохотных оазисов вокруг нескольких колодцев, значительно удаленных друг от друга. На одном из мысов острова руками человека создано болото. Оно привлекло на Камаран фламинго. Остальной животный мир представлен дикими ослами и газелями.

Камаран населяют более двух тысяч человек, преимущественно арабского происхождения. Живут они в городе Камаран и нескольких деревнях (около десятка), расположенных в уже упоминавшихся оазисах. Водой город снабжает дистиллировочная фабрика.

Существование камаранцев неразрывно связано с морем. Основным их занятием по сей день остается рыболовство, и в частности такая опасная его отрасль, как ловля акул. Лагуны острова влекут к себе массы самых разнообразных рыб. В прибрежных водах вылавливается много крабов. Продукты моря вывозятся в соседние страны.

Рыболовство камаранцы сочетают с ремеслами, связанными с промыслом рыбы и жизнью на острове. Руками камаранских женщин изготавливаются, в частности, «такии» — арабские шапки необычайно изящной отделки.

Жизнь на Камаране сурова. Не для всех находится работа, как не нашлось ее для Хамуда. В бытность острова колонией здесь не было врачей. Детям не хватало молока. Некоторые семьи жили в полуразвалившихся лачугах. Все это заставляло многих камаранцев эмигрировать в Саудовскую Аравию, Йемен, Аден, Эфиопию, Судан, где и без них была масса свободных рабочих рук.

Вот почему Хамуд оказался с сыном на салифской набережной и глаза его не улыбались. Таким я и заглянул его — печальным, погруженным в заботы.

Возвратившись в Москву, я напрасно искал сколько-нибудь полные сведения о Камаране в энциклопедии «Британика» или в других английских официальных источниках. Уайтхолл ошибочно считал, что чем реже будут упоминаться названия некоторых из его колоний (к которым относился и Камаран), тем больше шансов на то, что мировая общественность никогда о них не вспомнит. Однако история внесла и тут ясность. Под мощными ударами национально-освободительного движения на юге Аравийского полуострова английским колонизаторам пришлось убраться из Адена и с Камарана, как и с других островов, подчинявшихся английскому губернатору.

Сегодня Камаран — свободный остров Народной Демократической Республики Йемен.

Первый свободный удар (репортаж с площади Жертв)

В течение нескольких дней по Таиззу разъезжал грузовик. Несколько музыкантов в кузове извлекали протяжные звуки из длинных труб, напоминающих карпатские трембиты. Когда вокруг собиралась достаточно большая толпа, трубачи прекращали трубить, человек с рупором торжественно оповещал жителей города о том, что в один из дней декабря 1963 года на Майдан аш-Шухада (площади Жертв)¹ состоится первый в истории страны футбольный матч. Средневековая реклама (не считая грузовика) возымела желаемое действие: 7 декабря подивиться на невиданное до сих пор зрелище на площадь стеклось людское море.

В течение многих лет до революции эта площадь служила лобным местом. Здесь жертвами королевской прихоти становились все несогласные со средневековым деспотизмом. С ними расправлялись самым лютым образом: рубили головы, четвертовали, вырезали сердца.

В республиканском Йемене площадь стала местом проведения народных празднеств и торжеств. Во время празднования первой годовщины революции здесь, например, было проведено также первое в истории Йемена театрализованное представление «Воля народа».

---

¹ Название это площадь получила после сентября 1962 г.

И вот первый в истории страны футбольный матч. Советским любителям футбола трудно сразу осознать значение этих слов. Первые футбольные матчи состоялись у нас более семи десятилетий назад. В Йемене же до революции все усилия энтузиастов, направленные на создание спортивных клубов, наталкивались на категорические запреты.

Возможности для развития физкультуры и спорта появились в Йемене только после революции и окончания войны. Поэтому и две футбольные команды, первыми вступившие в борьбу за овладение кубком Наббиль аль-Вакада¹, совсем еще молодые. Одна из них — команда курсантов Таиззской военной школы — существует всего два месяца. Их противник — команда профсоюза рабочих Таизза. Ядро этой команды составляли молодые йеменцы, вернувшиеся на родину после революции из других стран. Всего кубок оспаривали пять команд.

Перед началом игры прошел торжественный парад всех участников. Оркестр исполнил гимн Йеменской Арабской Республики. Тысячи йеменцев, пришедшие посмотреть на состязание, заболели доселе неизвестной в Йемене страстью к футболу; за один день в мире значительно увеличилось число болельщиков.

Первый удар по мячу. Игра начинается в весьма быстром темпе. Первый гол, первый угловый удар, первый свободный, первый одиннадцатиметровый. Футболистам частенько не хватает техники, просты комбинации. Но ведь это, не забывайте, день рождения йеменского футбола.

Команды примерно равны по силе. Первая половина встречи заканчивается со счетом 3:1 в пользу армейцев. Во второй половине активнее играют спортсмены профсоюза, они и выиграли с общим счетом 4:3.

По окончании встречи тысячи болельщиков бросились на поле приветствовать спортсменов, открывших новый для них мир футбола. Первый матч позади. Йеменский футбол, а с ним и спорт в целом начал свою историю.

---

¹ Наббиль аль-Вакад — египетский офицер, герой освободительной войны, павший в борьбе против йеменских роялистов и иностранных интервентов.

Маленькие этюды

В августе 1963 года Йемен пережил еще одну революцию. На этот раз «революцию на транспорте». Такие революции бывают, наверное, не чаще чем раз в тысячу лет. Левостороннее движение по английской системе было заменено на континентальное, европейско-американское правостороннее. Указ об изменении стороны движения не сразу, видимо, дошел до всех владельцев автомобилей из-за недостаточной связи. Но даже и зная о ней, не все водители смогли сразу изменить выработывавшуюся десятилетиями привычку ездить по левой стороне. Более того, около трети автопарка страны состояло из английских машин, руль у которых установлен справа. Все это привело к многочисленным лобовым столкновениям машин на йеменских дорогах и шоссе и к другим катастрофам с тяжелыми последствиями, особенно в первые дни после упомянутого указа. Статистика дорожных происшествий, правда, не публиковалась в йеменских газетах. Уже через неделю лобовые столкновения прекратились, жизнь на дорогах вошла в нормальное русло.

Путешественники по Йемену подчеркивают, что центром не только торгово-экономической, но и общественной жизни как Саны, так и других городов являются их рынки. Это совершенно справедливо. При посещении йеменского рынка («сука») чужеземец прямо-таки переносится в мир сказок. Здесь располагаются не только торговые ряды, но и мастерские ремесленников. В задней комнате такой лавчонки производится немудреный товар, а в передней, выходящей в торговый ряд, им торгуют. Иногда функции производителя и продавца выполняются одним лицом. Многие ремесленники и живут тут же, в мастерской. Поэтому сук бурлит полнокровной жизнью с раннего утра до позднего вечера. Современные фирмы, приспособившись к традиции, открывают свои представительства меж лавчонок и мастерских. За прилавками крупных торговых фирм можно увидеть известных в Йемене миллионеров, торгующих вместе с сыновьями.

В овощных и фруктовых рядах, отражая богатство

природы Йемена, разнообразие его климатических условий, мирно соседствуют манго и картофель, бананы и огурцы, капуста и виноград, лук и мандарины. Здесь же и знаменитый йеменский кофе. Зеленщики предлагают помимо овощей и фруктов диковинные травы: для лечения больных, декоративные, для различных бытовых обрядов и в изобилии — кат¹.

Ни в мелких лавочках, ни в крупных магазинах, называемых единым словом «дукьян», нам никогда не доводилось видеть табличек с ценами. Цена объявляется покупателю устно в зависимости от того, как он понравится продавцу, причем колебания, по нашим наблюдениям, очень значительные. Единого рецепта завоевать расположение продавца никто не знает. На Арабском Востоке поговорка о разных вкусах также, видимо, имеет свою силу.

Попавшему на сук навсегда запомнится его терпкий запах. Кажется он настоялся веками и на века останется. Однако приходя сюда в разные часы, убеждаешься, что запах меняется в течение дня. Прямо перед дукьянами или под небольшими навесами пекут лепешки из муки дурры — африканского проса, жарят мясо, рыбу, готовят множество соусов, варят сиропы, пекут бесчисленные восточные сладости. Здесь же работают ручные каменные мельницы: перемалывают табак, перец, кардамон, гвоздику и прочее. Готовится чай с тмином и «кышр» (напиток из кофейной шелухи). Под крышками лавок стелется сизый дым от металлических приборов для благовонных курений («михбар»); пахнет ладаном, миррой, рейханом. Все эти запахи смешиваются в один — запах сука. С утра до вечера почти у каждой лавки включены транзисторы. Страшными голосами режут ослы и мулы. Торговцы, жестикулируя, громко убеждают покупателей в преимуществах своих товаров. Покупатели, как назло, громко доказывают, что в товарах — одни пороки. Обе стороны по многу раз призывают в свидетели Аллаха.

Вот мальчик лет десяти упал на проходной части торгового ряда, разлил воду из кувшина и заплакал.

---

¹ Кат — кустарник, листья которого содержат наркотик типа кокаина. Йеменцы покупают и жуют его в большом количестве ежедневно, как правило, в определенное время.

Все торговцы заулюлюкали. Мальчик поднялся, перестал плакать и быстро ушел от этого места, от смеха торгового ряда. Гвалт, подобный этому, в Европе или в Латинской Америке можно услышать разве что на сотысячных стадионах после забитого гола, когда кроме голосов болельщиков в «сводный хор» включаются трещотки, трубы, барабаны и прочее.

Как-то знакомый дукянщик на суке Саны попросил меня помочь ему разобраться, какими деньгами с ним хочет расплатиться покупатель. Просьба сама по себе не удивительна, поскольку и в Адене и в Йемене обращалась в ту пору самая различная валюта — от английского фунта и американского доллара до саудовского риала и восточноафриканского шиллинга. Дукянщик протянул мне купюру с водяным знаком. К счастью, язык оказался знакомым. Купюра достоинством в 100 рейхсмарок была выпущена в кайзеровской Германии в 1910 году с портретом Бисмарка. Озадаченный покупатель объяснил, что получил эту купюру в Адене за десять долларов. Ну, что же, доверчивые люди есть везде. А обманщика Аллах наверняка накажет.

Во второй столице Йемена — Таиззе наш дом находился метрах в трехстах от рынка. Поэтому мы невольно оказались свидетелями бурной жизни сука и прилежавших к нему улиц без названий.

Как-то днем из окна нашего дома я увидел сначала большое, приближавшееся по немощенной дороге облако пыли, а затем услышал шум толпы, словно катящей это облако перед собой с горы вниз, в центр города.

Через несколько мгновений толпа из 120—130 человек поравнялась с нашим домом, лица и звуки стали различимы.

Впереди толпы, подпрыгивая и оборачиваясь, продвигались дети, лет семи и старше. Именно они поднимали дорожную пыль, обдавая ею следовавших за ними взрослых. И именно они звонкими голосами издавали пронзительные крики: «Хаза сарик! Хаза хуа!», что в переводе с арабского означает «Это вор! Это он!». Где-то в конце толпы насмешник или чудаки ударял в бубен. За детьми, ведомый полицейским с винтовкой, следовал «виновник торжества» в традиционной йеменской одежде.

Велика была сила общественного осуждения и презрения, смешанного с любопытством: ведь многие из йе-

мущин никогда в жизни не видели вора. Дети, думают, и не понимали толком, кто такой «сарик». Они просто ликовали, воспользовавшись подходящим случаем. Наверное, дети раздражали преступника больше всего. Он явно злился и порывался время от времени поднять с дороги камень и швырнуть в детей. Но каждый раз полицейский отдергивал его, и процессия продолжала свой путь, удаляясь от нас. По мере того как необычайное шествие приближалось к городскому базару, на территории которого находился полицейский участок, толпа все росла. Наконец, она скрылась за поворотом.

Описанный эпизод вызывает в памяти фильм «Багдадский вор». Так и кажется, что это две серии одной сказки. Картину портит лишь винтовка и современная форма полицейского. И конец — как во многих других сказках Аравии. Через несколько дней над аркой при входе на таиззский сук можно было видеть отрубленную и прибитую к доске кисть правой руки, почерневшую от аравийского солнца. Я спросил нашего садовника, всегда бывшего в курсе дел города, за что отрубили руку. «Он хотел украсть десять тысяч», — был ответ. Не знаю, правда, был ли это уже знакомый нам «сарик» или другой, позарившийся на чужое.

Характерной чертой йеменской действительности, отличающей ЙАР не только от европейских, но и от большинства других арабских стран, является ношение холодного и огнестрельного оружия почти поголовно всеми мужчинами. Его носят все, кто в состоянии купить, не считая военных и полицейских. О каких-либо разрешениях на ношение оружия не может быть и речи. Объясняется это исторической традицией.

На протяжении веков каждый йеменский мужчина независимо от профессии должен был в любую минуту быть готовым к отражению очередного нападения иностранных захватчиков или соседнего племени. Многочисленные междоусобные войны, чужеземные нашествия приучили народ быть готовым постоянно к защите своего дома, страны. Со временем даже пояса для национальных одеяний стали изготавливаться с вделанными в них ножами для «джамбий», или «гамбий», — кинжалов с кривым широким обоюдоострым клинком. Поэтому йе-

менцам не нужно держать кинжал «за пазухой» или пристегивать его к поясу.

О благосостоянии йеменца, между прочим, можно смело судить именно по поясу и ручке джамбий. Чем оно выше, тем богаче пояс, тем больше дорогих камней, серебра и золота в рукояти и ножнах («туза») джамбии. Нередко на деревянные ножны джамбий надевается филигранный чехол из серебра. Деревянные ножны джамбий простых воинов плотно обматываются зеленой тесьмой. На рукояти джамбий идут, как правило, рога носорогов, специально импортируемые из стран Тропической Африки. Рукоятки джамбий шейхов из племен Тихамы обернуты в серебряные пластины, укрепленные припаянными к ним серебряными же кубиками.

Сейиды, в королевском Йемене наиболее привилегированная группа населения, ведшая, по преданию, свое происхождение от праведного халифа Али и дочери пророка Мухаммеда — Фатимы, носят джамбии с правой стороны пояса. У остальных мужчин ножны джамбий вделаны почти посредине пояса, немного ближе к левой стороне. Юноша начинает носить джамбию по достижении совершеннолетия. Если он происходит из состоятельной семьи, джамбия для него заказывается в Санае. Бедные вынуждены довольствоваться обычным ножом с деревянной рукоятью и тряпичным поясом. Зато у них одной мечтой больше, чем у богатых детей, — обязательно заработать себе на настоящую джамбию, когда вырастут. Есть, правда, еще и третий вариант — получение джамбии в наследство от деда или прадеда (джамбия отца перейдет уже только к будущему сыну или внуку юноши, когда он станет отцом или дедом).

Если у богатого йеменца есть настроение таскать с собой дополнительную ношу, к поясу с джамбией он подвешивает еще и кобуру с пистолетом.

Как-то вскоре после моего прибытия в Йемен я увидел мальчика лет тринадцати-четырнадцати с настоящим пистолетом в раскрашенной всевозможными узорами кобуре. На мой несколько удивленный вопрос наш шофер Мухаммед ответил: «Да ведь он же богатый!». При этом было видно, что он явно удивлен моим недоумением. И такой пистолет в кобуре, какой носил мальчик, как потом выяснилось, стоил четыре месячные зарплаты йеменского рабочего. Не удивительно, что йемен-

**Ножны джамбий вделаны
почти посредине пояса...**

рабочие не могут себе позволить такое личное оружие.

Меньше, чем джамбии, распространены кинжалы «абadini» и длинные, почти прямые «сабики». Последние являются холодным оружием бедуинов, кочующих в северо-восточной части страны.

На улицах йеменских городов встретишь всякое. Вот колоритная фигура воина племени зараник из Тихамы. Волосы в мелких завитках охвачены серебряным обручем. Вторая часть его туалета — повязка на бедрах. Кожа коричнево-бронзовая. Взгляд гордый. В од-

ной руке он держит старинное длинноствольное турецкое ружье (наверняка дедушкин трофей), в другой — транзистор. Так что и вооружение у йеменцев самое разное. И несмотря на это, злоупотреблений оружием в Йемене гораздо меньше, по оценкам экспертов, чем в странах, где для ношения оружия требуется разрешение полиции.

Обращает на себя внимание увлечение йеменцев яркими красками. Древний обычай раскрашивать оружие, платье, жилища, рыбацьи шхуны «санбуки» распространился ныне и на новые предметы обихода — транзисторы, велосипеды, радиаторы машин. Сочетание расцветок одежды на йеменцах порождает порой ощущение какого-то непрекращающегося праздника.

Богатые йеменцы каждодневно, а бедные по праздникам накидывают на плечи разноцветные и вышитые узорами шали для молитвы — «саджджада». В Джебеле мужчины носят также белые или черные легкие куртки «мадра» или длинное белое до пят платье «занна» (в Египте подобные одежды называются «галабийя»).

Йеменские мужчины носят также юбки, называемые «фута». Они принципиально отличаются от шотландских своим устройством, цветом и длиной. Кусок ткани шириной около метра запахивается на поясе и перетягивается узким ремешком. Получается фута, подол которой опускается ниже колен. Торс может прикрывать рубашка, майка, жилетка («садрия») и т. д. В таком виде на улицах городов и в деревнях можно видеть тысячи и тысячи йеменцев. Все они знают, конечно, что мужчинам очень идут брюки, короткие и длинные, что брюки можно носить и в жару, что в брюках есть очень удобные карманы. Но большинству мужского населения Йемена брюки продолжают оставаться недоступными, и не по эстетическим причинам, а по финансовым. Дело в том, что самые дешевые брюки стоят во много раз дороже самой шикарной юбки, и покупку их, брюк, первых в жизни, большинство носящих юбки все откладывает до лучших времен.

Как и многие другие, обычай носить юбку порождает порой и комические ситуации. Расскажу один такой курьез. Молодой шахтер-донбассовец увидал на сним-

Июменские бродячие музыканты

ке в одной из центральных газет девушку-йеменку и был очарован тонкими чертами ее лица. Он написал трогательное письмо в стихах и просил наше посольство в ЙАР передать девушке его послание. Письмо в посольстве перевели на арабский язык, даже в стихах (благо наш переводчик сам в душе поэт), разыскали по фотографии оригинал. К разочарованию шахтера, его далекая любовь оказалась не девушкой без чадры, а молодым человеком в юбке.

На улицах городов ЙАР, особенно Саны и Таизза, нередко можно встретить почтенных йеменцев с бородами, окрашенными хной в ярко-рыжий цвет. Из расспросов йеменских друзей удалось выяснить, что «красная борода» — это признак того, что ее обладатель побывал в священной для мусульман Мекке. В праздничные дни эти счастливики (иначе их не назовешь, потому что посетить Мекку — мечта жизни всякого правоверного мусульманина), желаящие, чтобы об их удаче знало как можно больше людей, красят в рыжий цвет гривы и хвосты своих лошадей, а их бока разрисовывают красными яблоками.

Головные уборы йеменских мужчин в основном трех типов: это «имама» (чалма), «куфия» и матерчатая шапочка, несколько напоминающая среднеазиатскую тубетейку. Куфию (головной платок, скрепленный жгутом) носят обычно в Тихаме, а имаму и йеменскую тубетейку — в остальных частях страны. Группа аскеров из одного племени имеет часто чалмы неповторяющихся цветов и расцветок. Иногда же чалмами одного цвета подчеркивается принадлежность к одному и тому же племени.

Мы говорили о головных уборах штатских йеменцев, военные, как везде, носят пилотки, фуражки, каски.

Йеменские женщины, закутанные с головы до пят в черные накидки, производят впечатление робких, пугливых существ. Каждый, кто побывал в Йемене, не мог не удивляться стройности йеменских женщин всех возрастов. Среди них не встретишь не только грузных, но даже просто полных. В значительной мере эта стройность достигается благодаря ношению на голове начинающая с малых лет кувшинов с водой и других грузов. Нередко, к сожалению, девочки взгромождают на свои

**Девушка из тихамского
племени зараник**

юные головки слишком тяжелые для них ноши. При этом, по утверждениям врачей, возникает опасность искривления позвоночника и конечностей, которые еще не закончили своего развития.

Одежда девочек самого юного возраста в точности копирует одежду взрослых женщин. Девочки носят серьги, длинные платья, подводят глаза краской, разукрашивают лица различными черточками и точками. Если у взрослых женщин, особенно деревенских, лица покрыты татуировкой, то маленькие девочки красят лоб, щеки, нос, брови красками. По линии бровей они проводят черной краской две полосы.

Женщины в деревне не носят чадры, потому что в ней неудобно выполнять сельскохозяйственные работы. Но, приезжая в город, они обычно запасаются целой системой укрытия от мужского взгляда, куда входят различные сочетания чадры, покрывал и накидок. Соблюдая обычаи своей страны, йеменец никогда не заговорит на улице с незнакомой женщиной, особенно если ее лицо закрыто чадрой или черной сеткой.

Правда, некоторые деревенские женщины приезжают в город, особенно в базарные дни, для продажи плодов труда феллахов или за покупками без чадры или сетки. У многих из них помимо самых разнообразных бус, браслетов, сережек и прочих украшений над правой ноздрей можно увидеть золотые брошки величиной примерно в три спичечные головки.

Свадьба — удивительное явление йеменского быта и громадное событие в жизни женщины. У мужчины это событие может повторяться по его желанию столько раз, сколько ему позволит его состояние. У женщины свадьба бывает, как правило, один раз.

В период нашего пребывания в Йемене средняя величина «шарта» (выкупа за красивую невесту) достигала в обеих столицах тысячи риалов. В провинции она колебалась от четырехсот до пятисот риалов. Шарт за вдову или разведенную женщину во много раз меньше. Некоторые наши столичные друзья-йеменцы «приобретали» себе жен в целях экономии в провинции. Садовник соседней виллы, грозный мужчина средних лет, будучи очень занят по работе, поручил как-то своим приятелям, выезжавшим на некоторое время из Таизза,

Садовник Хасан с молодой женой

привезти ему из провинции жену. Для этого он дал им четыреста риалов и еще сто на подарки родителям. Велико было в первый момент его смятение, когда он увидел, что вместо «мадам кябир», т. е. взрослой женщины, ему доставили двенадцатилетнюю кроху. Но деньги были уплачены, и девочка оказалась заботливой женой. Старшей дочери ее мужа к этому времени было уже около тридцати. Были случаи, когда состоятельные йеменцы, особенно купцы, вполне серьезно предлагали советским специалистам, приехавшим в Йемен на работу с семьями, «продать» их дочерей им в жены. Я не удержался от того, чтобы поинтересоваться, на какую сумму можно было бы при этом рассчитывать. За шестилетнюю девочку было обещано три тысячи, а за тринадцатилетнюю четыре тысячи риалов. Такая цена говорила об очень высокой оценке йеменцами лучшей половины нашего населения. «Присылайте к нам русских девушек. Мы купим», — говорили нам.

Положение наших женихов оценивалось йеменскими мужчинами двойственно. С одной стороны, они испытывали к нам некоторую зависть, узнав, что мы вообще ничего не платим за наших возлюбленных, а с другой — откровенное сочувствие, потому что можем иметь лишь одну жену.

Йеменец женится на девушке, которую выберет ему его семья, и не увидит ее до свадьбы. Девушка хоть может видеть из-за чадры своего будущего мужа, который и не догадывается о том, что на нем задержался взгляд невесты. Но и она не вольна в его выборе. Отец и родственники-мужчины — вот кто выбирает для своей дочери и родственницы подходящего жениха.

Традиция выбора жениха и невесты, как и другие свадебные и семейные архаизмы, давно отягощают морально и материально йеменскую семью. Однако традиция в любом деле — великая сила, и устранить ее можно, видимо, только усилиями многих поколений.

Свадебное торжество длится несколько дней (до десяти суток в богатых семьях), несколько варьируя в разных провинциях и племенах. В Джебеле, например, оно начинается обычно денежным подарком жениха невесте. Подарочные суммы, разумеется, колеблются в

зависимости от благосостояния, но в любом случае жених должен обеспечить будущую семью жильем и всеми необходимыми предметами домашнего обихода. Затем жених покупает невесте свадебные наряды: длинное платье «занна», женские шаровары «шарвал», большую шаль и платок на голову. Некоторую сумму жених должен уплатить невесте за первую брачную ночь.

После этого начинается цепь празднеств, которые открываются тремя угощениями, под общим названием «мадаб».

Первый день торжеств называется «Яум аль-Хам» — «баный день». В этот день женщины со стороны невесты приглашают родственниц жениха в баню. Там будущие родственницы особенно тщательно, используя шерстяную рукавицу («кис»), отмывают невесту. После бани в доме невесты устраивается своеобразный девичник.

Второй день свадьбы носит название «Яум ан-Нафш» — «день украшения невесты». С утра этого дня все женщины с обеих сторон собираются в доме невесты, чтобы подготовить ее к торжеству. Работа находится для всех. Невесте и ближайшим родственницам будущей супружеской пары раскрашивают щеки, подбородки, руки и ноги черной, несмываемой в течение недели краской.

После полудня женский праздник возобновляется в доме жениха. Женщины танцуют, читают стихи (в честь пророка, жениха, невесты, их семей), пьют кофе и кышр со сладостями. Торжество прекращается только после захода солнца.

Жених и мужчины с обеих сторон в Яум ан-Нафш ужинают в доме невесты.

В дни свадьбы особенно поощряются и высоко ценятся остроумие и шутки, называемые общим словом «забдж».

Первая брачная ночь наступает на третьи свадебные сутки, называемые «Яум аль-Хальфа» — «день остающийся» (остающийся до конца главного торжества).

Утром этого дня жених наносит визит родителям невесты. Затем до полудня свадьба продолжается раздельно в домах жениха и невесты; каждая семья приглашает к себе своих родных, близких и друзей.

После полудня торжество возобновляется в доме жениха, где должно собраться столько мужчин по линии невесты, сколько представителей жениха ужинало в доме невесты на второй день свадьбы. После обеда мужчины не пропускают традиционного часа ката.

За час до полуночи жених в сопровождении родственников и друзей отправляется в свой дом, где будет жить будущая семья. У дома мужчины начинают палить в воздух, женщины голосят и причитают. Войдя затем в дом, гости около часа проводят за катом, кышром и сладким блюдом «ас-самур» из изюма, миндальных и грецких орехов, фиников и других сладостей.

Примерно в полночь невеста оставляет дом своих родителей и направляется в дом жениха, где на втором этаже для нее подготовлена комната. Около дверей ее будущего обиталища разбивается яйцо или режется баран, чтобы пособники шайтана — злые духи не пробрались к молодым. Гости со стороны жениха славят невесту, напутствуют в дорогу супружеской жизни. Перед тем как уйти, они читают первую, «открывающую» суру Корана.

Невеста в чадре вместе с матерью и сестрами входит в комнату и ожидает жениха. Вскоре появляется жених. Он гладит невесту по голове. Это движение символизирует непорочность невесты, а рука жениха являет собой первую мужскую руку, которая до нее дотронулась. Правой ногой жених слегка наступает на туфлю невесты, что означает, что впредь он будет стоять во главе новой семьи, а жена будет во всем помогать ему. Затем жених читает двенадцатую суру Корана — «Исповедание». В этот момент входит мать жениха и поднимает чадру невесты. Жених впервые видит свою нареченную.

Обычай дает жениху шанс отказаться в этот момент от невесты, если она вызвала у него отвращение. В таком случае он должен выбежать на улицу и громко известить родственников и друзей о своем отказе. Правда, к своему праву «первого взгляда» женихи прибегают крайне редко. Они, как правило, имеют представление о невесте: мать и сестры постарались описать ему ее со всей возможной полнотой.

Кроме того, остановить свадьбу на третий день значит нанести серьезный моральный урон и материаль-

ный ущерб обеим семьям — жениха и невесты. В частности, шарт в таком случае возвращается жениху, но свадебные наряды и другие подарки остаются у невесты. Поэтому обычно жених после первого взгляда на «возлюбленную» остается в ее комнате, мать жениха наливает чашку кышра и дает ему отведать. Отпив глоток, жених возвращает чашку матери, и та передает ее невесте. Все это проделывается молча.

Утром четвертого дня, уже не имеющего специального названия, невеста спускается к родителям жениха, ставшего теперь ее мужем, и в знак уважения и покорности целует им руки и колени. В этот день жених приглашает в свой дом в два раза больше гостей, чем их было вчера в доме невесты.

На шестой день жених отправляется с визитом к теще, а на седьмой приглашает к себе всех родственников жены, которые проводят у него весь день за яствами и курением.

Невеста никуда не ходит в течение двадцати дней после свадьбы. Исключение делается только для обетов в доме ее родителей, на которые приглашается гостей вдвое больше, чем их было у жениха на седьмой день.

Читателя наверняка утомило одно только перечисление дней свадьбы и количества гостей на различных свадебных церемониях. Представьте же, каково приходится родителям! Особенно если у них не одна дочь или сын, а несколько.

Много сумятицы и путаницы в представления горожан-йеменцев о семье, браке и поведении дочерей внесли браки йеменских мужчин на европейских женщинах. Разъехавшиеся по белу свету потомки Балкис возвратились после революции 1962 года на свою многострадальную родину. Многие приехали в сопровождении семейств. Одна из таких смешанных семей вернулась из Франции. Он (теперь купец-лавочник) эмигрировал из Йемена тридцать лет тому назад двадцатилетним юношей. Во Франции он женился и стал отцом трех дочерей, старшей из которых к моменту его возвращения исполнилось шестнадцать лет, а младшей — около десяти. В универсальной лавке «француза», как его тогда прозвали в городе, мы иногда делали закупки. Неоднократно я был свидетелем недоуменно-удивленных

восклицаний проходящих мимо йеменских мужчин, которые наблюдали, как две младшие дочери «француза» (без какого-либо намека на чадру!) играли на дороге в свои французские классики, прыгали через веревочку или занимались другими детскими играми. Ведь по укоренившемуся у них представлению десятилетняя девочка должна носить чадру и уже готовить себя к будущему замужеству. А эти в коротких платьицах играют с независимым видом на улице и так увлечены своим занятием, что не обращают ни на кого внимания. А вечером и мать садилась неподалеку от играющих детей и принималась вязать на спицах. Старшая дочь возвращалась после трудового дня из какой-то строительной компании, где она работала секретарем-машинисткой, и задумчиво курила.

Мусульманство женам и детям в таких семьях принимать, видимо, не особенно хочется, и полностью ассимилироваться среди своих новых сограждан им будет сложно. Между прочим, в кругах врачей, лечивших многочисленную королевскую семью имама Ахмеда, говорили, что одна из его жен была англичанка. Не будучи в силах свыкнуться с заточением в гареме, она в конце концов лишилась рассудка. Параллель эта может показаться неуместной, но она демонстрирует несовместимость или крайнюю противоположность подлежащих «вживанию материй».

Лавочник «француз» — один из многих йеменцев, вернувшихся домой после революции 1962 года.

Призыв революционного правительства вернуться на родину, чтобы принять участие в реконструкции страны, был услышан в разных краях.

Мне пришлось беседовать с двумя молодыми людьми, возвратившимися в Йемен из Индонезии. О них, правда, правильнее будет сказать: приехали впервые. Но приехали домой. Отцы этих юношей четверть века назад, спасаясь от произвола и тирании, эмигрировали в далекую Индонезию. Там и родились мои собеседники. Один из них, Ахмед, стал художником. Сейчас он живет и работает в Таиззе, где пишет ландшафты двух близких его сердцу стран: Индонезии и Йемена. Это фактически единственный профессиональный художник-йеменец.

Судьба Хамуда сложилась несколько иначе. Из Ин-

полезий он уехал в Голландию, где работал и учился на предприятиях фирмы «Филипс», но, когда узнал о революции в Йемене, решил встать в ряды строителей молодой республики. Теперь Хамуд работает в Таиззе в мастерской по ремонту радиоприемников и магнитофонов.

Из числа реэмигрантов и владелец «Унион отеля» в Таиззе. Из своих сорока восьми лет тридцать он проплавал на французских судах матросом и кокком. Известие о революции в Йемене застало его в Одессе. Он одним из первых вернулся на родину после десятилетней скитаний и ныне потчует своих гостей отменными блюдами как йеменской, так и французской кухни.

Упаковка многих импортных товаров, предлагаемых в дукиянах, украшена изображениями женщин обычно в ярких купальных костюмах. Такая реклама, давно ставшая на Западе традиционной, и в Йемене нашла большое число поклонников, особенно в мелкобуржуазной среде дукиянщиков. Они стали украшать даже двери и ставни своих лавок умопомрачительными вырезками с изображениями женщин из западных журналов и газет. Однако, увидев европейскую женщину за рулем автомобиля, йеменец долго еще стоит после того как она проедет, и качает головой в удивлении, а жены тех же дукиянщиков должны по-прежнему соблюдать все строгости туалета, связанные с ношением черной чадры. Попадётся, видимо, еще немало времени, прежде чем они смогут позировать на пляжах, подобно европейским и американским звездам кино.

Пока в йеменской семье женщина, как правило, находится в полной зависимости от мужа или отца. Даже на прием к врачу она обычно приходит с мужем или братом, и тот за больную излагает ее жалобы. Предстоит упорная борьба за искоренение религиозных предрассудков и отсталых обычаев.

Дорога женщин к признанию их прав в условиях такой страны, как Йемен, нелегка. Впервые йеменки вступили в борьбу в 1960 году, когда отделение Всемирной организации здравоохранения в Санае объявило о наборе на курсы медицинских сестер. Когда по окончании курсов первые йеменки приступили к работе в санской

Больнице, началась злобная кампания травли смелых женщин. Они считались отвергнутыми обществом, с ними не только не здоровались, но встречали всюду бранью и оскорблениями. Однако первые медицинские сестры были тверды и мужественны. Их выдержка принесла им победу и увеличила число их последовательниц.

Крупнейшим событием в культурной жизни страны явилось открытие женских школ. В Ходейде мне довелось побывать на уроках в нескольких школах, в том числе и в начальной школе для девочек — первой в Йемене. Школа расположена во флигеле одного из бывших многочисленных дворцов королевской семьи. В ней всего три класса и 135 учащихся от 6 до 14 лет. Школе не хватает мебели, учебников. Преподавание ведут три учительницы. Одна из них (директор школы) педагогическое образование получила в эмиграции. Ей всего 24 года. Когда она рассказывает о будущем школы, глаза ее загораются решимостью и в голосе звучит уверенность в том, что ее поколение приложит все усилия для расцвета культуры своего народа. Две другие учительницы еще моложе своего директора. Они не имеют специального образования. Одна из них дома от брата научилась арифметике и теперь передает свои знания, приобретенные таким своеобразным путем, юным гражданкам молодой республики. Вторая учительница преподает Коран.

Когда мы в сопровождении чиновника министерства просвещения ЙАР входим в очередной класс, по рядам проносится возглас смущенного удивления. Девочек вначале стесняет присутствие незнакомых мужчин. Большинство из них еще и теперь, выходя из дому, прячут лицо под чадрой. Даже учительница, увидев нас, в первый момент стремится закрыть лицо шалью. Понятно, почему нам не рекомендовали брать с собой фотоаппараты. Но мы не удивляемся. Ведь в монархическом Йемене женщина вообще не считалась человеком и с ней обращались как с вещью.

Но вот, преодолев смущение, первая девочка поднимает вверх указательный палец, — в знак того, что она хочет ответить на вопрос учительницы. За ней следуют другие. На лицах детей появляются улыбки. Мы стали друзьями.

Суровый обычай страны запрещал йеменцам называть по имени малознакомую женщину. Однако имя девушки-фельдшера из Ходейды — Садыки бинт Мухаммед Баракат — узнала вся страна. О ней слышали и во многих других странах, в том числе и в Советском Союзе.

Оставшись в десять лет сиротой с двумя младшими сестрами, которых надо было кормить, девочка добилась, чтобы ее взяли санитаркой в больницу Ходейды. Там она закончила специальные курсы, организованные советскими врачами, и одной из первых в Йемене получила удостоверение фельдшера. Заветная мечта Садыки — стать врачом.

На одной из международных авиалиний, связывающих Йемен с внешним миром, работает и первая йеменская стюардесса.

Йеменцы очень любят детей. Проявлением особо сильной привязанности к детям следует, видимо, объяснить то обстоятельство, что воспитанием занимаются больше отцы. Именно они в случае болезни ребенка приносят его к врачу, а затем сами за ним ухаживают. По улице отцы носят детей (за все время пребывания в ПАР я не видел ни одной детской коляски), сажая их к себе «верхом» на бедро и придерживая одной рукой.

Несмотря на нежность родителей, до революции 1962 года судьба не баловала йеменских детей.

Роды почти всегда принимались на дому. К сожалению, они считались грязным делом, и человек рождался на полу, на тряпках, овечьих шкурах, с помощью «бабок». Врача вызывали лишь тогда, когда роды затягивались и «бабки» ничем не могли помочь. Разумеется, вызов врача могли себе позволить лишь состоятельные семьи, а в горных местностях врача нельзя было достать ни за какие деньги. Дети рождались обычно слабые — весом от 1800 до 2500 граммов. Каждый второй из них умирал во время родов и в раннем возрасте от туберкулеза, детских инфекционных болезней, от диспепсии, связанной с неправильным вскармливанием консервированным молоком, так как у большого числа женщин отмечалась гиполактия.

Никаких ясель и детских садов не существовало.

Детство приносило большинству маленьких йеменцев очень мало радостей. Известно, например, что всю-

ду дети в возрасте около восьми-десяти лет начинают строить подобие жилищ, сооружаемых взрослыми. У нас, в средней полосе, это обычно шалаши (из веток, досок, сена). Дети эскимосов строят домики из снега и льда. А маленькие йеменцы в горной части страны строят шалаши, как мы неоднократно наблюдали, под навесами скал или в пещерах, где три стены уже готовы, а четвертую загораживают камнями или вешают вместо двери какую-нибудь тряпку. Имитация «правдашных» домов в таком случае полная!

До революции 1962 года в стране повсюду бытовал так называемый фельдшеризм, когда далекие от медицины люди (не знахари и не шаманы) брались лечить. Одно и то же лекарство, обычно таблетки, продавалось самым разным больным. Нередко таким «лекарям» действительное назначение лекарства вообще оставалось неизвестным. Отдельные случаи выздоровления (или, вернее, приглушения болезни) следует целиком относить за счет магической веры большинства больных в таблетки. Но чаще подобное лечение кончалось, конечно, трагически. На все воля Аллаха!

Кроме того, до сих пор жители сел нередко обращаются за «медицинской помощью» к знахарям, которые лечат травами, заклинаниями, прижиганием. Наши врачи рассказывают, что почти у всех болевших йеменцев они видели рубцы на пояснице и в других местах — следы такого лечения, по-арабски — «моква». Знахари в отличие от «фельдшеров» владеют и приемами йеменской народной медицины, требующими тщательного изучения, прежде чем они будут отвергнуты или взяты на вооружение современной медицинской наукой.

По сей день много самых нелепых случаев происходит в Йемене из-за религиозных предрассудков, безграмотности и невежества населения. Королевские власти сознательно старались держать йеменский народ в темноте и невежестве, чтобы легче было угнетать и эксплуатировать его. Официально они объясняли это тем, что современное образование противоречит исламу. В результате до сегодняшнего дня возможны случаи, когда на вопрос о возрасте вам ответят: «Не знаю». Как-то я спросил об этом юного сотрудника одного из мини-

Кяшафа — йеменские бойскауты

стерств ИАР. Совсем не собираясь производить на меня незабываемое впечатление своим ответом, он сказал: «Может быть, семнадцать». Пастухи не знают числа овец в своем стаде, матери — точного числа своих детей. И это быль, не сказка. Просто этих людей никто и никогда не учил считать, так же как никогда не велось регистрации рождаемости и смертности.

По караванной дороге из Таизза в Ходейду и обратно (теперь по этому маршруту с помощью Советского Союза проложено современное шоссе) нам неоднократно случалось проезжать очень своеобразный город — Забид. Приходилось и останавливаться в нем. Забид интересен прежде всего историей своего создания. Он был основан в 819 году Мухаммедом ибн Абдаллой ибн Зиядом, основателем царства Зиядидов. Это царство было первым государством, независимым от Арабского халифата, в состав которого Йемен был включен в 628 году. По велению Мухаммеда город был обнесен крепостной стеной и объявлен столицей царства. В дальнейшем Забид неоднократно бывал феодальной и племенной столицей. Ныне главными достопримечательностями города являются Большая мечеть и мечеть Аль-Ашаир. Последняя, основанная в 1012 году, известна тем, что в ней начиная с XI века помещался знаменитый на средневековом Арабском Востоке университет.

Сегодня же невежество — результат сознательной политики монархии — прямо-таки удручает. Один из врачей-иностранцев, работавший в больнице Таизза, рассказал, как однажды к нему привезли на верблюде большой деревянный ящик. В ящике оказалась мертвая женщина. Йеменец объяснил, что это его умершая жена, которую он похоронил вчера. Но сегодня ночью во сне голос Аллаха сказал ему, что в чреве покойной жены остался ребенок. Поэтому он и обращается с просьбой достать ребенка.

Не побывав в Йемене, трудно поверить, что этот случай — не сказка для взрослых. И такие эпизоды случаются каждый день, так что даже острота восприятия их притупляется.

Путешественников по Йемену никогда не переставало удивлять отношение подавляющей массы жителей страны к смерти. Рассказы очевидцев публичных казней свидетельствуют об отсутствии внешнего проявления эмоций сострадания, жалости, гнева к палачам и т. п.

Самые пытливые исследователи объясняют безразличие к смерти (а иногда даже зависть к уходящим в мир иной) властью религии над умами и сердцами людей. «Ушедших там обласкает Аллах, а нам тут еще предстоит мучиться в бесконечных земных заботах о хлебе и кате» — так примерно рассуждали до недавнего времени собиравшиеся на казнь жители йеменских городов и деревень. Интерес же к казням объяснялся тем, что они были единственным официально разрешенным зрелищем. Любопытство вызывала сама церемония казни, возможность посмотреть заодно на сограждан и показать свой последний наряд.

Смерть — это воля Аллаха, против нее человек бессилен, поэтому и не следует помышлять о том, чтобы как-то ей противодействовать. Такова жизненная мудрость и философская позиция по отношению к смерти большинства арабов в Йемене, равно как и во многих других местах Арабского Востока.

Экономическая и социальная отсталость проявляются в Йемене нередко самым неожиданным образом.

Вот вчерашние феллахи, ныне разнорабочие, трудятся на трассе будущей дороги. В руках у них штыковые лопаты. Но что это? Они не нажимают на выступ лопаты ногой, а работают, как вчера, ручной сохой или заступом, вгоняя лопату в землю с размаху лишь тяжестью рук.

На улицах йеменских городов можно видеть, как тяжелые мешки переносятся не на плече или верхней части спины, как это легче всего, а на пояснице, для чего надо согнуться в три погибели.

Читатель может спросить: причем тут экономическая и социальная отсталость? Ведь и в Европе не все умеют носить мешки. Ответ на такой вопрос довольно прост. Для того чтобы научиться пользоваться лопатой, нужно ее иметь. Когда же руки не держали другого

орудия труда, кроме заостренной палки, просто не у кого перенять и навык обращения с лопатой. Из-за отсутствия каких-либо других средств борьбу с саранчой деревенские жители ведут обычно по старинке: женщины бьют в медные тазы и издают пронзительные крики, мужчины размахивают тряпками и палками. Перенесение современных методов ведения хозяйства на йеменскую почву (при отсутствии профессиональной подготовки у большинства феллахов или сельскохозяйственных рабочих) приводило иногда к печальным последствиям. Один из врачей рассказал, в частности, что ему пришлось лечить группу батраков, которые работали на кофейных плантациях и опрыскивали ядохимикатами кофейные деревья. Не будучи достаточно обученными обращению с распылителями, они в течение двух недель опрыскивали деревья против ветра, после чего все попали в больницу.

Исподволь, медленно, но неуклонно идет исторический процесс отмирания старых традиций и возникновения новых.

Казалось бы, что может, например, заставить нарушить торжественное течение священного для арабов месяца рамадан?

В этом месяце день и ночь меняются местами. С шести вечера до шести утра жизнь клокочет, а затем замирает совсем, чтобы воспрянуть снова после вечернего выстрела городской пушки.

Во время рамадана в крупной для ЙАР йеменской авиакомпания в Таиззе днем оставался лишь один полусонный дежурный. Зато к нам в представительство телеграммы, письма и прочие деловые бумаги приносили в два и в три часа ночи. Причем курьеры, доставлявшие их, искренне удивлялись, услышав от сторожа, что все спят. Как-то в рамадан между тремя и четырьмя часами ночи я обошел сук и центр города. Они были заполнены людьми. Полно покупателей. Покупали все — промтовары, продукты, кат. Повсюду обсуждались новости, дукянщики разносили на подносах чай в маленьких стеклянных стаканчиках. Транзисторы были включены на полную громкость. Портные весело шили. Все вокруг бурлило и ликовало.

Жизнь начинает затихать к пяти утра: надо поесть и приготовиться ко сну. Такова предписанная Кораном традиция.

Но вот на соседней улице строится дом. Его строят не только ночью, но и днем, даже в рамаданскую пятницу. Нарушение. Долго без еды не проработаешь — надо закусить. Это уже второе нарушение! Оно уже и не страшно — раз за первое Аллах не наказал. Безнаказанность окрыляет. После дневной еды в рамадан строители пробуют курить. Опять сошло! И так далее...

В некоторых арабских странах уже в административном порядке установлено, чтобы работа в рамадан в ряде отраслей экономики и в государственном аппарате шла обычным чередом.

В Египте, например, один из профессоров Каирского университета жаловался, что рамадан нарушает учебный процесс, снижает восприятие студентами лекционного материала и успеваемость, так как в течение целого месяца большая часть студентов вообще не посещает лекции, а меньшая часть приходит на них полусонная.

Километрах в двадцати от Таизза, по дороге на Моху, вы обязательно остановитесь у тропической пальмовой рощи. После голых гор или, если ехать из Мохи в Таизз, после каменно-песчаной пустыни вы оказываетесь чуть ли не в джунглях, с их богатейшей флорой и фауной. Вы ищете и быстро находите объяснение этому чуду: вода! Да, вода журчащего меж камней ручья созидала эту райскую рощу, этот осколочек древней «Счастливей Аравии».

Вода — самая большая радость для йеменского феллаха. О воде все его помыслы, о ней он складывает свои лучшие поговорки. Одна из них в приблизительном переводе звучит так: «В прохладной воде здоровье». Гостю преподносится стакан воды, который он должен выпить до дна, чтобы не выплеснуть с остатками воды «благословение Аллаха».

Об этом обычае и о приведенной поговорке я узнал, как это нередко бывает, уже после того как оказался однажды в положении гостя в одном из ходейдинских учреждений. Наши врачи в Ходейде постоянно

напоминали нам о необходимости соблюдения «закона пустыни» и рекомендовали не пить жидкости в промежутке между завтраком и обедом. Это разумное правило продиктовано жизнью в жарком климате. Стоит его нарушить — и жажда вас замучает, жажда, которую вы уже не сможете утолить. Поэтому, когда мне предложили стакан воды комнатной температуры, я, сделав один вежливый глоток, поставил стакан на стол. Мои хозяева переглянулись, но ничего не сказали. Позднее, узнав о «благословении Аллаха», я утешался тем, что хотя бы не выплеснул воду (и советских врачей тоже не огорчил).

Тому, кто побывал в Йемене, наверняка бросились в глаза фигуры женщин во всем черном, несмотря на страшную жару. На вопросы о том, почему женщины не носят материй светлых тонов, скажем белые, как это делают арабки в странах Магриба, мне никак не удавалось получить ясного ответа. Уже покинув Йемен и остановившись на несколько дней в Каире, я задал этот же вопрос знакомому египетскому экономисту, получившему высшее образование в Оксфорде. Он пояснил, что обычай женщин носить черную одежду сохранился от бедуинов, путешествующих по безводным полупустыням и пустыням, где каждая капля влаги — драгоценность. Тут уж, разумеется, не до стирки одежды, которая пачкается и в пустыне. А чем темнее одеяние, тем меньше на нем заметна грязь. И хотя сегодня в городах есть прачечные, пусть кустарные, и вода есть, черную одежду женщины продолжают носить.

Золотые руки

Клинки джамбий и гипсовые наличники жилых домов, брюки для женщин гор из материала, напоминающего дерматин, и уже упоминавшиеся золотые брошки, которые носятся с правой стороны носа, свадебное блюдо «ас-самур» и «михбар» — всё это и многое другое изготавливают золотые руки йеменских ремесленников, наследующих свое искусство, видимо, еще со времен «Счастливой Аравии». Эти золотые руки в сегодняшнем Йемене изготавливают все необходимое для традиционного быта жителей своей страны.

Йеменские ремесленники производят ряд специфических товаров, удовлетворяющих нужды местного населения и не изготавливаемых вне страны, что дает им возможность сохранять своеобразную монополию на эти изделия. Сюда относится производство национального оружия, национальных пищевых товаров, утвари для приема кат, национальной одежды, украшений и некоторые другие виды ремесленного производства. Кроме того, политика фактической изоляции Йемена от внешнего мира, проводившаяся имамами вплоть до середины нашего столетия, создала такие условия, которые позволили ремеслу сохранить по сей день черты, характерные для периода отделения его от земледелия. Наконец, отсутствие современной национальной промышленности и системы транспортных коммуникаций при разобщенности отдельных районов дало возможность ремеслу оставаться одной из основ хозяйства страны.

Тем не менее йеменское ремесло все более подвергается воздействию тех же разрушающих факторов, которые несколько десятилетий назад привели к его упадку в других странах. Важнейший из этих факторов — все возрастающий наплыв дешевых импортных товаров. Начавшееся в начале 60-х годов с иностранной помощью строительство магистральных автострад Ходейда — Сана и Моха — Таизз — Сана способствовало проникновению импортных товаров в глубинные районы страны. В 1950 году около 50 тысяч йеменских евреев, проживавших главным образом в Санае, эмигрировали в Израиль. Большинство их было ремесленниками. Это также в определенной мере способствовало упадку ремесла в Йемене. Однако золотыми руками йеменских ремесленников по-прежнему создаются большие и малые материальные ценности.

Полвека тому назад, в 1922 году, по Йемену путешествовал известный арабский ученый и писатель Амин ар-Рейхани. Он писал: «Йеменские ремесленники обладают талантом украшать предметы, имеют верный глаз художника и достаточно умелые руки. Их произведения хорошо задуманы, но грубо выполнены. Если бы они пользовались новейшими инструментами, лучшими материалами, они обязательно развили бы собственный стиль прикладного искусства». Та же ситуация сохраняется и поныне. Действительно, и сырье, и инструменты

для своей продукции ремесленники вынуждены изготовлять сами. Но в конце концов, они ведь трудятся не для выставок художественного творчества. И несмотря на это, многие изделия могут стать украшением музея.

Каково же сегодня положение ремесел в Йемене?

Из йеменских ремесел важную роль продолжают играть традиционное прядение и ткачество, сохранившиеся в городах Забиде и Бейт-эль-Факихе. Учитель истории забидской школы рассказал, что в середине 60-х годов в его городе насчитывалось восемь прядильных и четыре ткацких мастерских, с самым примитивным оборудованием. В начале нашего века там было 150 прядильных и 50 ткацких мастерских. Мы видели, как забидские ткачи работают на привозном (индийском и пакистанском) сырье, превращая пряжу в цветные полосатые ткани, идущие на изготовление матрацев, одеял и очень популярных в Йемене подушек, единственной «мебели» в большинстве йеменских домов.

Технический уровень ткацких станков может быть проиллюстрирован хотя бы тем, что челнок их приводится в движение вручную. Правда, для производства многоцветных тканей используются и станки с ножными педалями. Производительность труда на таких станках соответствует древнему уровню технологии: один ткач вырабатывает за месяц пять-шесть кусков материи длиной 40 зираа¹.

Красильные мастерские обычно занимаются вторичной окраской тканей, бывших в употреблении. В качестве красок используется местное индиго, а также анилиновые красители, импортируемые из ФРГ. По примитивности оснастки красильни соревнуются с ткацкими мастерскими. Крашение производится в темных шалашах из соломы, прямо на грязном полу, без какого-либо намека на технику безопасности и производственную санитарии. Однако незамысловатые йеменские ткани очень прочны, и изделия из них живут долгие годы. Ткани, изготовленные ремесленниками Забида и Бейт-эль-Факиха, окрашенные в темно-голубой цвет, очень популярны в Йемене и даже за его пределами.

Прядильные и ткацкие мастерские имеются и в других городах. В Ходейде в середине 60-х годов насчиты-

---

¹ Зираа («локоть») = 58 см.

налось 10 мастерских по производству узорчатой каймы и кистей к шалям. В них работало около 80 человек.

Одним из крупных центров ремесла является Сана. Наиболее развиты здесь филигранная обработка металла, гончарный промысел, изготовление ювелирных изделий, швейный промысел. Ремесленники каждого промысла объединены в гильдии, подобные существовавшим в средние века в Европе. Именно в Санае куются клинки джамбий. Большого искусства требует изготовление роговых ручек джамбий и ножен для них, особенно в тех случаях, когда ручки отделяются золотом, а для ножен используется тончайшее серебряное литье. Зорким глазом и твердой рукой обладают ювелиры, покрывающие орнаментом кальяны, изготавливающие украшения из драгоценных металлов и предметы обихода, шлифовальщики агата, оникса, халцедона, привозимых в Сану из Джебея. Ремесленники-гончары изготавливают кувшины из обожженной глины для питьевой воды, используемые в «час ката».

К западу от Саны расположен город Эз-Зейдия — известный центр ремесленного производства национальной йеменской обуви «хазаа», сандалий из кусочков грубой кожи. Хазаа производятся и в других городах страны. Обычно мастерская сапожника располагается на базаре и служит одновременно и лавкой, и кладовой для хранения сырья, и жилым помещением. Процесс производства хазаа примитивен. Вместо кожи иногда используются и куски старых резиновых шин.

В последние годы у хазаа появился довольно опасный конкурент — японские пляжные босоножки из синтетических материалов. Но если в городах они и соперничают с хазаа, то в горах продукция ремесленников является пока незаменимой обувью для простого йеменца.

Город Амран, расположенный к северо-западу от Саны, известен производством шерстяных ковров. Селение Аслам к северу от города Хадджи считается центром производства национальных мужских головных уборов — куфий. Во многих районах страны ремесленники изготавливают декоративные коврики и специальные коврики для молитв. Район Хариба известен производством черно-белых ковриков из козьей шерсти, которые пользуются спросом и за пределами Йемена. Сам город Хариб является крупным центром по производству индиго.

В населенных пунктах на побережье Красного моря многие ремесленники специализируются на строительстве «самбуков» — парусных рыбацких лодок. Строительство самбуков является, пожалуй, самым древним из йеменских ремесел. Для их постройки используется красное дерево и «нура» — специальный цемент белого цвета, получаемый путем обжига кораллов в примитивных печах. Йеменские самбуки пользуются популярностью и в настоящее время, как среди йеменских рыбаков, так и рыбаков соседних стран.

В то время, как целый ряд названных традиционных ремесел приходит в упадок, быстро развиваются новые. К ним относятся кузнечный промысел, кустарное производство жестяных изделий, ремонт современной обуви и проч. Так, например, в Санае, Таиззе, Баджиле и других городах имеются авторемонтные мастерские, преимущественно кустарного типа. Небольшие кустарные мастерские, связанные с обслуживанием коммунального хозяйства городов и населения, появились в последние годы почти во всех крупных населенных пунктах. Так что как бы ни обошлась история с йеменскими ремеслами, золотые руки всегда будут нужны народу.

Как Рим — на семи холмах — расположена столица Иордании Амман. И по возрасту она тоже может поспорить с «вечным городом». Уже во втором тысячелетии до нашей эры на месте современного Аммана был основан город Раббат-Аммон, названный в честь главного божества местных племен. В III веке до нашей эры город был взят и реконструирован египетским царем Птолемеем Филадельфом и переименован в Филадельфию. Римляне, византийцы, персы, арабы поочередно овладевали этим городом, изменяя его облик соответственно своим вкусам. Но первое его имя пережило века, хотя сам город постепенно отступал на задний план сравнительно с другими, более молодыми.

К началу XX века Амман был лишь небольшой деревней, часть жителей которой составляли выходцы с Кавказа — кабардинцы и черкесы, покинувшие свои края в первой половине XIX века. Еще и сейчас во многих местах Иордании живут их потомки. Снова столицей Амман стал в 1923 году в Трансиорданском эмирате, а после второй мировой войны он — столица иорданского Хашимитского королевства.

Аэропорт Аммана встречает приезжающих приветствием, сверкающим неоновым светом во мраке ночи: «Добро пожаловать на Святую землю!». Такими же приветствиями украшено шоссе от аэропорта к городу и холлы гостиниц. Придется ли приезжему увидеть страну только в этом свете? Посмотрим...

Внешне Амман выглядит, как обычный восточный город, где старинные дома с плоскими крышами, чере-

---

¹ Иорданию мы посетили в марте 1967 г.

дующиеся с тонкими и стройными минаретами мечетей, соседствуют с современными коттеджами, отелями и офисами. На северо-восточной окраине расположен молодой университетский городок. Амманскому университету всего пять лет, в этом году состоится первый выпуск специалистов с высшим образованием. В университете есть технический и торгово-экономический факультеты, большое внимание уделяется и гуманитарным наукам: филологии, истории, а также социологии и психологии.

С высокого холма Джебель аль-Кала взирают на город стены древней цитадели (Джебель аль-Кала — «крепостная гора»). Крепость была основана в конце IV века до нашей эры. Сохранившиеся доныне стены более поздней кладки. Внутри они украшены арочными нишами с изящным резным орнаментом — первыми следами раннеарабского монументального искусства.

Неподалеку от цитадели расположены развалины античного храма, посвященного Гераклу. Археологи предполагают, что в храме находилась гигантская статуя Геракла примерно десятиметровой высоты, от которой остались лишь огромные пальцы руки из белого мрамора.

Напротив холма Джебель аль-Кала, в Захране, среди черных кипарисов сияет белизной королевский дворец, построенный в 1935 году. Широкая лестница, ведущая к главному входу, украшена мраморными изваяниями львов. В библейские и античные времена львы водились здесь в изобилии, о них вспоминают и первые христианские паломники, посетившие «святую землю». По своему расположению и общему облику дворец немного напоминает Воронцовский в Алушке. Близко королевский дворец осмотреть не удалось, так как он охраняется не только дремлющими львами, но и бдительными гвардейцами.

В пятницу бродили по городу. Главная улица запружена народом. Одежда мужчин самая разная — от национального костюма до модного европейского. На улицах, в переулках и во дворах жарят, пекут, варят. Воздух пропитан пряными ароматами.

Наша группа не впервые попадает в арабский город, нам приходилось бывать и в более отдаленных странах, где появление европейца — явление редкое и необычное.

Но здесь, в Аммане, мы почему-то стали объектом самого горячего внимания и любопытства. По мере нашего продвижения мы все больше обрастаем толпой. Наконец приходится проходить через узкий коридор между людьми. Откуда-то стало известно, что это делегация из Советского Союза. Скопление народа привлекает полицию: к нам подъезжает полицейская машина, и блюститель порядка любезно осведомляется, не надо ли чем-нибудь помочь, не потеряли ли мы дорогу. Мы его успокаиваем и получаем возможность шествовать дальше. Именно шествовать, потому что иначе характер нашего продвижения назвать нельзя.

Обычный ассортимент главной улицы — магазины, гостиницы, кинотеатр. Все построено недавно. А вот и театр... Город имеет совершенно необыкновенный, величественный театр, построенный в самом начале нашей эры заботливыми предками. Он расположен амфитеатром на склоне круглого холма в центре города (40 метров в диаметре), имеет более сорока рядов примерно на шесть тысяч зрителей. Благодарные потомки строителей, трудившихся почти две тысячи лет назад, посещают его — одновременно и памятник древности, и современный театр. Здесь выступают артисты и художественные ансамбли, приезжающие в Иорданию на гастроли. В этом театре выступал и наш ансамбль «Березка», о котором амманцы сохранили самые лучшие воспоминания. Театр служит местом собраний, митингов и демонстраций тысяч людей. Не всякий город сохраняет такие традиции, не всякий город имеет такой театр. Городским властям остается лишь немного реставрировать его и поддерживать в нем порядок.

Новоспетая Пальмира

Пальмиру мне довелось увидеть после Джераша, так что красота ее поразила меня несколько меньше, чем ожидалось.

Сравнительно поздно был открыт для мира этот достойный памятник. В числе первых ученых, обративших на него внимание, были и наши соотечественники — археологи С. Абамелек-Лазарев и Н. П. Кондаков, побывавшие в Джераше в конце XIX — начале XX века. Они

оставили нам описание и характеристику памятников и надписей, которые были доступны тогда для осмотра. С 1920 года начались планомерные работы по раскопкам и реставрации города.

Джераш находится примерно в 50 километрах к северу от Аммана, на древнем караванном пути из Месопотамии в Аравию. В IV веке до нашей эры часть армии Александра Македонского, преимущественно ветераны, привлеченная плодородием долины, образовала здесь поселение. Отсюда и греческое название города — Гераса, что значит «поселение ветеранов». Наибольшего расцвета достиг город в первых веках нашей эры. К этому же времени относятся и лучшие архитектурные сооружения Герасы-Джераша. Прославил свою родину Герасу известный неопифагорейский философ и математик II века нашей эры Никомах. Позже плодородный край входил в государственные имения багдадских халифов, но город постепенно терял свое значение. Разрушение умирающего города было окончательно завершено в XII веке крестоносцами.

Март. В Джераше весна — время светлого легкого тумана, сочной зеленой травы на серых каменистых холмах, ярких маков. Издалека видна триумфальная арка — главный въезд в город, — по-прежнему величественно возвышающаяся рядом с новым шоссе. Благодаря большим реставрационным работам город восстановил свой былой облик. С окрестных холмов хорошо видна его четкая планировка: просторная круглая площадь форума аккуратно вымощена плитами и окружена колоннадой; от форума, прямая как стрела, тянется на север через весь город главная улица. Более ста колонн украшают главную магистраль, поперечные улицы также сохранили часть своих колонн. В центре города крытые портики, нарядные здания. Некоторые фасады сохранились почти полностью.

Местный камень, использовавшийся для строительства, отличается интересной особенностью: на воздухе он постепенно твердеет. Необыкновенно живописен был когда-то храм Нимф, расположенный на главной улице: двухэтажное здание с вогнутым полукругом фасада. Его ниши на уровне первого и второго этажей были украшены статуями нимф. У подножия здания в центре полукруга сохранился небольшой бассейн с фонтаном.

Воды в бассейне давно уже нет, зато навсегда остались рыбки, высеченные из мрамора.

В центре города, на высоком холме, в весеннем тумане как бы парит храм Артемиды. К нему от главной улицы ведет широкая мраморная лестница. Сквозь весеннюю дымку проступают высокие колонны желтовато-серого мрамора. В клочьях тумана исчезает внизу безмолвный город... Но не все камни молчат: среди десяти колонн храма есть одна, шопот которой можно услышать, если приложить к ней ухо. С этого же холма виден современный поселок Джераш. Значительная часть жителей его также состоит из черкесов и кабардинцев.

Самой большой достопримечательностью Джераша является прекрасно сохранившийся античный театр. Просцениум его украшают мраморные колонны и портики. 32 ряда мраморных скамей вмещают около пяти тысяч человек. Именно в этом театре мы были поражены совершенным знанием древними строителями законов акустики: даже в самом верхнем ряду в любой его точке было отчетливо слышно, как разговаривают вполголоса люди, находящиеся на сцене. Певцы современного театра не могут не оценить такой возможности. Наш товарищ, солист одного из оперных театров Москвы, выходит на сцену. Римский театр оживает в мелодиях итальянских арий. Откуда-то появляется масса людей, привлеченных пением... В весеннее небо подымается мелодия, сливаясь с ароматом цветущих лугов, с теплымдыханием двухтысячной весны античного города.

Мертвое море

О Мертвом море всегда говорят одно и то же — что на его поверхности можно лежать. Когда-то в детстве мне попала «Занимательная физика», написанная в начале XX века. Там была фотография: на воде лежит мужчина, в одной руке он держит зонтик от солнца, в другой — раскрытую книгу. Есть такие фотографии и в новейших проспектах для туристов (только уже с девушками). Об этом вспоминается по дороге к Мертвому морю, на шоссе Амман — Иерусалим. По сторонам проплывают пологие библейские холмы, слегка позеле-

невские после весенних дождей. На свежей травке пасутся библейские стада курчавых овец и бородатых коз. Кое-где мелькают палатки бедуинов. Только асфальтированная дорога и поток ярких автомашин новейших марок нарушают идиллический пейзаж, описанный еще нашими предками — паломниками в «святую землю».

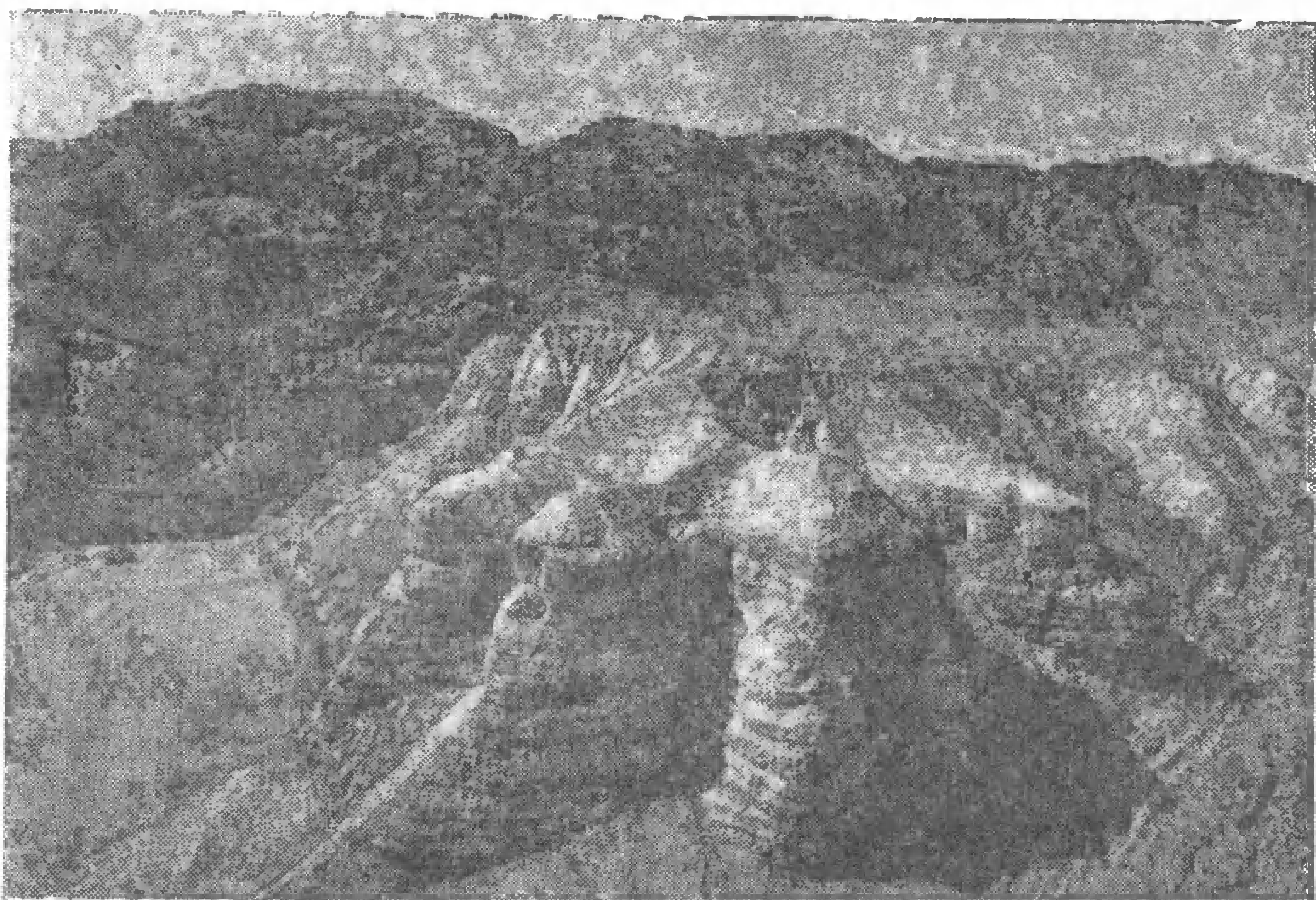
Постепенно дорога опускается ниже уровня моря, мелькают придорожные указатели: «100 м ниже уровня моря», «200 м...», «300 м...», и вот мы, наконец, на дне одной из самых глубоких впадин на суше — 400 метров ниже уровня моря. Кое у кого закладывает уши, как во время посадки самолета. Перед нами открывается широкая долина, окаймленная цепью невысоких гор. На самом дне ее тусклой сталью блестит Мертвое море. Погода ветреная, небо пасмурное. Пейзаж вокруг выглядит серым, почти бесцветным. По-арабски Мертвое море называется Бахр-Лут («море Лота») или Биркет-Лут («озеро Лота»), напоминая библейское предание о гибели нечестивых городов Содома и Гоморры и о чудесном спасении Лота и его семьи. Не спаслась только жена Лота, которая нарушила запрет, обернулась назад и сразу же превратилась в соляной столб, который и теперь можно видеть на берегу моря как назидательный пример дурных последствий излишнего любопытства. Что же касается Содома и Гоморры, то «развалины эти виднеются до сих пор в прозрачных водах (Мертвого моря.— А. Г.)», — писал в первой половине прошлого века русский путешественник А. С. Норов, основываясь на рассказах своих проводников. В настоящее время наблюдения некоторых летчиков как будто подтверждают то, что видели раньше просто с берега местные жители.

Еще не так давно берега реки Иордан, впадающей в Мертвое море, и побережье самого озера представляли собой пустыню. Именно эта пустыня имелась в виду в дошедшем до нас выражении «глас вопиющего в пустыне», которое (в самом прямом смысле) было употреблено впервые в Библии. Сейчас окрестности Мертвого моря уже не так безжизненны: у дороги, ведущей к берегу, — лавки, пестрят яркие этикетки банок с соками, пачки сигарет, груды апельсинов, мелкие сувениры. У самого берега высится большое современное здание комфортабельной гостиницы. Из ее холла и рес-

горана через широкие зеркальные окна открывается вид на Лотово море. На берегу около гостиницы устроена большая пляж с навесами и скамейками, с кабинками для переодевания и душем (за 15 пиастров). Пресный душ здесь совершенно необходим, потому что едкая и горькая вода Мертвого моря быстро разъедает малейшие ссадины на теле.

Несмотря на холодную погоду, невозможно не выкупаться в Мертвом море. Что скажешь потом в Москве? — Никто тебя не поймет, все осудят. Да и сам себе не простишь потом, что упустил такую возможность. Итак... переодевшись в пятнадцатипиастровой кабине, выхожу на прибрежный песок. С трепетом (не только священным, но и от холода) погружаю ногу в знаменитые воды Мертвого моря. Долго иду по каменистому дну. Вода все еще по колено, пока еще нельзя проверить, можно здесь утонуть или нет. Ветер гонит навстречу небольшие волны, которые почти сбивают с ног. Вот в этом, пожалуй, есть что-то отличающееся от обычной воды: в пресной воде такие волны почти нечувствительны, а здесь — при большой плотности воды — даже маленькие волны сильно затрудняют движение. Наконец, добираюсь до места, где можно плыть. Плыть. Сильно мешают волны, которые бьют и толкают со всех сторон. Перестаю плыть, ноги медленно погружаются вниз, я опускаюсь вслед за ними. Значит, в таком положении утонуть все-таки можно. Переворачиваюсь и ложусь на спину. Но это у меня и в пресной воде хорошо получается. Вдруг волна прокатывается по моему лицу и заливает глаза и нос. Мало сказать, что вода Мертвого моря горькая. Она жжет, мучительно и невыносимо. Мне уже не до опытов — задыхаясь, выскакиваю на берег и бросаюсь под душ. Приходится очень долго промывать глаза и нос, чтобы избавиться от жгучей боли. Все же, видимо, по известной восточной пословице «на трусливого не надейся, на воду не опирайся», на воду даже Мертвого моря полагаться нельзя. Может быть, с книгой и нельзя утонуть, без нее — можно.

Почти все из нашей группы отваживаются на купание, но так же скоро выскакивают из воды с воплями и перекошенными лицами. Да, видно, купаться в Мертвом море приятно только в тихую погоду, когда вода совершенно спокойна.

Кумранские пещеры

Неожиданно сквозь серые тучи пробиваются лучи солнца, и все преображается: вспыхивает изумрудными переливами синее море, серый прибрежный песок оказывается ярко-желтым, сверкают белизной гребешки волн, а за пределами этого светлого пятна синееет силуэт Иудейских гор.

К подножию этих гор, к знаменитым Кумранским пещерам, и лежит наш путь. Пещеры расположены в нескольких километрах от берега Мертвого моря. В этом месте плоскогорье, примыкающее к подножию гор, расчленено глубоким сухим оврагом. В обрывистых сухих склонах зияют отверстия нескольких пещер. Обрывы состоят из чередующихся желтых и розовых слоев известняка и напоминают слоеный пирог. На самом остром мысу обрыва — та самая первая пещера, куда в 1947 году забрался арабский пастух в поисках пропавшей козы. Козу он там не нашел, зато нашел... новую страницу древней истории своей страны и одной из мировых религий: здесь были найдены рукописи (III—II веков до нашей эры), которые произвели настоящий

переворот в истории библейского периода и в истории создания самой Библии.

Нас от пещер отделяет овраг, со стороны равнины к ним тоже нельзя подойти — там тянется изгородь из колючей проволоки: неизвестно, сколько еще сокровищ может скрываться в пещерах, а последние открытия привлекают к ним многих охотников — любителей древности или наживы.

На берегу моря, примерно напротив пещер, ведутся раскопки города, существовавшего в первые века прошлой и в начале нашей эры. Находки специальных помещений для писцов, приборы для письма и глиняные сосуды для хранения пергаментных свитков наводят на мысль о том, что, может быть, именно здесь были написаны кумранские рукописи — священные тексты одной из иудейских сект, которые некоторые ученые рассматривают теперь как связующее звено между иудейской и христианской религиями.

В долине Иордана

Человек давно уже облюбовал для своего поселения долину реки Иордан. Именно здесь обнаружен самый первый город на свете — Иерихон («город фиников»), возраст которого насчитывает семь тысячелетий. На большом холме ведутся археологические раскопки. На небольшом участке, где исследователи добрались до самых нижних — самых ранних культурных слоев, виднеется часть стены и массивная круглая башня, сложенные из необработанных камней. Сверху в середине башни есть отверстие, через которое по крутой каменной лестнице можно спуститься к самому основанию башни. При входе и на выходе у лестницы стоит очередь: по ней может пройти лишь один человек, со встречным разойтись на ней невозможно. Передо мной стоит австралиец, который путешествует по «святой земле» со своей семьей — женой и тремя детьми. Родителям не хочется глотать древнюю пыль, и они пропускают меня вперед. Вместе с детьми веселой гурьбой спускаемся в глубь тысячелетий.

Вплотную к холму, скрывающему в себе самый древний город, примыкает и один из самых молодых на

этой земле: маленькие глинобитные домики тесно лепятся один к другому. Это лагерь палестинских беженцев.

Красота иорданской долины привлекла и арабского халифа Хашама ибн Абд аль-Мелика. В 724 году по его распоряжению здесь был воздвигнут один из первых дворцов арабских халифов. Дворец был построен византийскими архитекторами на основе самых последних достижений византийского строительного искусства. В вестибюле, ведущем в приемные помещения, вдоль стен устроены каменные лежанки — диваны с валиками-подлокотниками, высеченными тоже из камня. Большой двор вымощен плитами и украшен мраморными колоннами, двери и окна покрыты тончайшей резьбой по камню. Во дворце был специальный бальный зал и бани с отоплением и горячей водой. Одна из комнат отдыха, прилегающая к бане, до сих пор поражает своим великолепием: стены и потолок пленяют мраморным кружевом и резьбой по штукатурке, но самое ценное украшение — прекрасно сохранившийся мозаичный пол с изображением древа жизни и двух сцен — льва, стремительно набрасывающегося на газель, и газелей, мирно объедающих листочки на кустах.

Роскошный дворец послужил правителям мало: он был очень скоро разрушен сильным землетрясением.

Первые археологические разведки в этом районе были сделаны русской экспедицией в конце XIX века: в саду, который принадлежал Русскому Палестинскому обществу, были найдены остатки византийских базилик и мозаик.

Машина времени все-таки существует, принимая лишь разные формы. В данном случае это была автомашина марки «шевроле», которая перевезла нас с восточного берега Иордана на западный по обычному неприязнительному деревянному мосту. Под ним неслись мутные желтовато-серые воды священной реки. Позади остались столица Иордании, университетский городок, вопросы развития экономики и образования. Впереди — «святые места», события и предания, застывшие на столетия, передаваемые устно, рассказанные письменно,

увековеченные на полотнах великими художниками, увлекающие писателей до наших дней.

Совсем другой мир... Мир, где первое впечатление наводит на мысль о том, что эта часть страны оторвана от современной жизни, что здесь господствуют лишь религия и церковь, вера и традиция, заменившая веру тем, кто ее потерял.

На западном берегу оживленно и шумно. Пестрые разноязычные толпы туристов и паломников высыпают из ярких автобусов и легковых автомашин всех марок. Отдельно располагаются косяки монахинь и монахов, одетых в светло-серые платья и костюмы. Между приезжими шныряют торговцы «святыми» сувенирами и цветными фотографиями. Наша группа растворяется в разноплеменной сутолоке.

На «святой земле» никого и ничем не удивишь, люди приезжают сюда со всех концов света. Мы направляемся по берегу к тому месту, где, по преданию, в струях Иордана был крещен Иисус Христос. Вот это место: зацементированная площадка на берегу реки, к воде спускается широкая лестница, вокруг—старые ивы, на другом берегу на довольно крутом склоне — густые олеандровые заросли. Вокруг площадки — длинные ряды торговцев крестиками, четками, свечами, открытками. Тут же дежурят десятки фотографов, готовых за 15 пиастров запечатлеть вас на знаменитом берегу, у края «священной» воды и в самой воде. Некоторые из фотографов имеют и дополнительный реквизит сверх священного пейзажа: верблюда под пестро расшитым седлом, осла или лошадь. Около каждого из таких животных установлен столбик с табличкой, которая извещает, что фотографироваться с этими животными или снимать их своими аппаратами (т. е. бесплатно) не разрешается. Честно стараемся, чтобы ослы и верблюды не попадали в наш объектив.

Спускаюсь по ступенькам к самой воде, стою на том самом берегу, к которому стремились миллионы христиан, в том числе и многие русские паломники. Более ста лет тому назад путь в эту долину был для них долгим и трудным. Приходилось путешествовать на лошадях или мулах, брать с собой вооруженных проводников на случай нападения хищников или разбойников... Пронзительный визг и громкий смех прерывают мои

размышления. У «священного» берега происходит веселая кутерьма: молодая монахиня захотела сфотографироваться на верблюде, но спокойное с виду животное вдруг сердито заворчало и резко вскочило, чуть не сбросив ее.

Многие паломники спускаются к воде, окунают в Иордан руки, омывают лицо, шепча молитвы, набирают воду во фляги и бутылки. Полностью погрузиться в воду никто не решается. Наверное, прохладно, да и вода очень мутная. Говорят, что только летом она чиста и прозрачна.

На Горе олив

От Иордана уже недалеко и до Иерусалима. Шоссе извивается среди холмов, на обочинах — яркие надписи — приветствия приезжающим на «святую землю». Последний поворот дороги — и из-за холма появляется город в массивных зубчатых стенах с внушительными квадратными башнями и надежными воротами. Над зубцами стен поднимаются минареты и колокольни, золотые полумесяцы мечетей и золотые кресты церквей. Иерусалим был таким в средние века, таким он сохраняется и поныне в пределах своих стен и ворот. Иерусалим (Эль-Кудс) — «святой город» трех религий: иудейской, христианской и ислама, один из древнейших городов мира, почитаемый и разрушаемый верующими с одинаковым рвением.

Войска Навуходоносора и Александра Македонского, римляне и персы, арабы и крестоносцы, монголы и турки штурмовали и укрепляли, разрушали и создали «священный город».

Перед нами Иерусалим возникает, как поблекшая фотография, поблекшая, потому что на рекламках и открытках он блещет ярко-синим небом и золотыми куполами. Мы же видим его в пасмурный мартовский день, когда кипарисы кажутся совсем черными, а зелень олив — серой.

Холм, из-за которого открывается вид на Иерусалим, и есть Гора олив (в прошлом называемая также горой Елеонской). До сих пор пологие склоны горы покрыты оливковыми садами за каменными изгородями. Эта го-

ра — самая высокая из окружающих Иерусалим. В древние времена ее называли «Гора трех светов», так как она освещалась лучами восходящего и заходящего солнца, а ночью на нее падал свет от огней Соломонова храма.

По преданию, с вершины этой горы вознесся на небо Иисус Христос через сорок дней после казни. Об этом свидетельствует углубление в скале, находящейся почти на самой вершине горы. Углубление по форме напоминает след левой ступни человека. В IV веке при византийском императоре Константине над этой точкой последнего соприкосновения Христа с предметом земного мира был возведен храм. Сейчас на этом месте находится небольшая восьмиугольная часовня, а плоский известковый камень с отпечатком ступни окружен пестрым мозаичным полом. Со стен часовни открывается панорама Иерусалима, Старого и Нового.

Стены Иерусалима строились несколько раз. Остатки самых древних стен относятся к X веку до нашей эры. Основания современных стен сооружены в период римского владычества, а верхняя их часть в последний раз была укреплена в XVI веке при турецком султани Сулеймане. В середине XX века в Иерусалиме появилась новая стена, отделяющая арабскую часть Иерусалима, куда полностью вошел Старый город, от израильской.

Немного южнее Старого города гид указывает нам гору Сион, где, по мнению большей части христианских ученых, происходила Тайная вечеря. Правда, представители сирийской православной церкви называют другое место, находящееся сейчас в пределах Старого города, у церкви св. Марка.

На Горе олив много пещер, где укрывались от преследования римлян первые христиане. Немного ниже места вознесения можно попасть в пещеру. Здесь, по преданию, Иисус Христос во время пребывания в Иерусалиме собирался со своими учениками. Считается, что именно здесь впервые им были преподаны основы христианского учения и впервые прозвучала знаменитая молитва «Отче наш». Христианская церковь, построенная тут также в IV веке матерью византийского императора Константина, была в 614 году разрушена персами. Сейчас на этом месте находится католический монас-

тырь и католическая церковь «Патер ностер». Небольшой внутренний двор церкви окружен галереей с колоннами. На стенах галереи со всех сторон двора установлено 50 мраморных досок, на которых на пятидесяти языках высечена молитва «Отче наш». Открывает эту галерею «Отче наш» на церковно-славянском языке.

У подножия Горы олив, в долине Кедрона, между стройными рядами молодых оливковых деревьев выделяется несколько старых, искореженных олив. Это и есть тот самый Гефсиманский сад, куда Христос пришел в сопровождении трех своих учеников после Тайной вечери. «Гефсиман» в переводе значит «пресс для выжимания оливкового масла». Возраст восьми деревьев — более двух тысяч лет. Эти патриархи древесного царства обнесены решеткой и окружены свежими газончиками и яркими цветниками. Между ними проложены узкие дорожки, посыпанные песком. Любой гид и просто местный житель укажет вам без колебания оливу (и всегда одну и ту же), под которой Иуда предательски поцеловал Христа. Подхожу поближе: дерево очень ветхое, ствол с большим дуплом и с металлическими заплатами перекручен, похож на жилистую руку старика.

Оливы, действительно, одни из самых долголетних деревьев. У нас в Ялте, в Никитском ботаническом саду, возраст одной оливы тоже исчисляется двумя тысячелетиями.

За Гефсиманским садом заботливо ухаживают францисканские монахи. Сад примыкает к церкви св. Агони, построенной над скалой, где в последнюю ночь Христос молился в одиночестве. Церковь воздвигнута в 1924 году и принадлежит, по выражению гида, «всем нациям, всем христианам мира». Сиреневые витражи на ее окнах создают внутри таинственный полумрак, а купол над «священной» скалой воспроизводит эффект ночного звездного неба.

Антуан, наш иерусалимский гид, счел нужным показать нам и русское православное подворье, примыкающее к Гефсиманскому саду. Странно было видеть среди таких непривычных нашему глазу библейских олив и высоких кипарисов веселые золоченые луковки русской церкви св. Магдалины.

Оказалось, что на подворье издавна служат две русские женщины. Конечно, нас заинтересовало, кто

они и как им здесь живется. Говорят, что одна окончила в свое время Смольный институт.

Привратник открывает ворота, и мы входим во двор церкви. На пороге небольшого жилого дома показывается старая худощавая женщина в длинном черном одеянии. Голова повязана белой косынкой. На нас устремлен неприветливый, хмурый взгляд.

— Вы что, русские? И как только вас ваша сатанинская власть выпустила?

Вопрос звучит наивно и архаично. Неужели в этой далекой обители так мало знают о нашей стране? Или не хотят знать?

— А что особенного? Мы захотели поехать в Иерусалим, нам даже помогли организовать поездку!

— Не верю я вам. Вы, поди, все некрещеные! Это нас красные подучили так говорить,— ответствовала выпускница Смольного института благородных девиц. И повеяло от этих фраз пятидесятилетней давностью...

Мы попытались рассказать двум женщинам несколько слов об их родине. Они выслушали нас с подозрением и недоверием. Даже на доброе напутствие поскупились.

Привратник-араб, догадавшись по тону разговора о его характере, отвел меня в сторону: «О чем они с вами говорили? Наверное, бранились? Они ведь старые, ничего не знают и не понимают. Мы-то знаем, что в России свобода, что там церкви для верующих открыты, пожалуйста! Вы не обижайтесь — правда до нас доходит!..»

Если взглянуть из-под олив Гефсиманского сада на Иерусалимскую стену, видны Золотые ворота. Сейчас они наглухо заложены. Считается, что через эти ворота вошел в Иерусалим Христос. Они оставались открытыми до VII века, когда Иерусалим был взят арабами. Тогда распространился слух, что именно через Золотые ворота снова войдут в город христиане и халиф Омар потому якобы приказал накрепко заложить ворота камнями. По другой версии, они были заложены, чтобы обезопасить святыни, находившиеся в городе как раз за этими воротами. После этого ворота открывались только при крестоносцах, да и то раз в год.

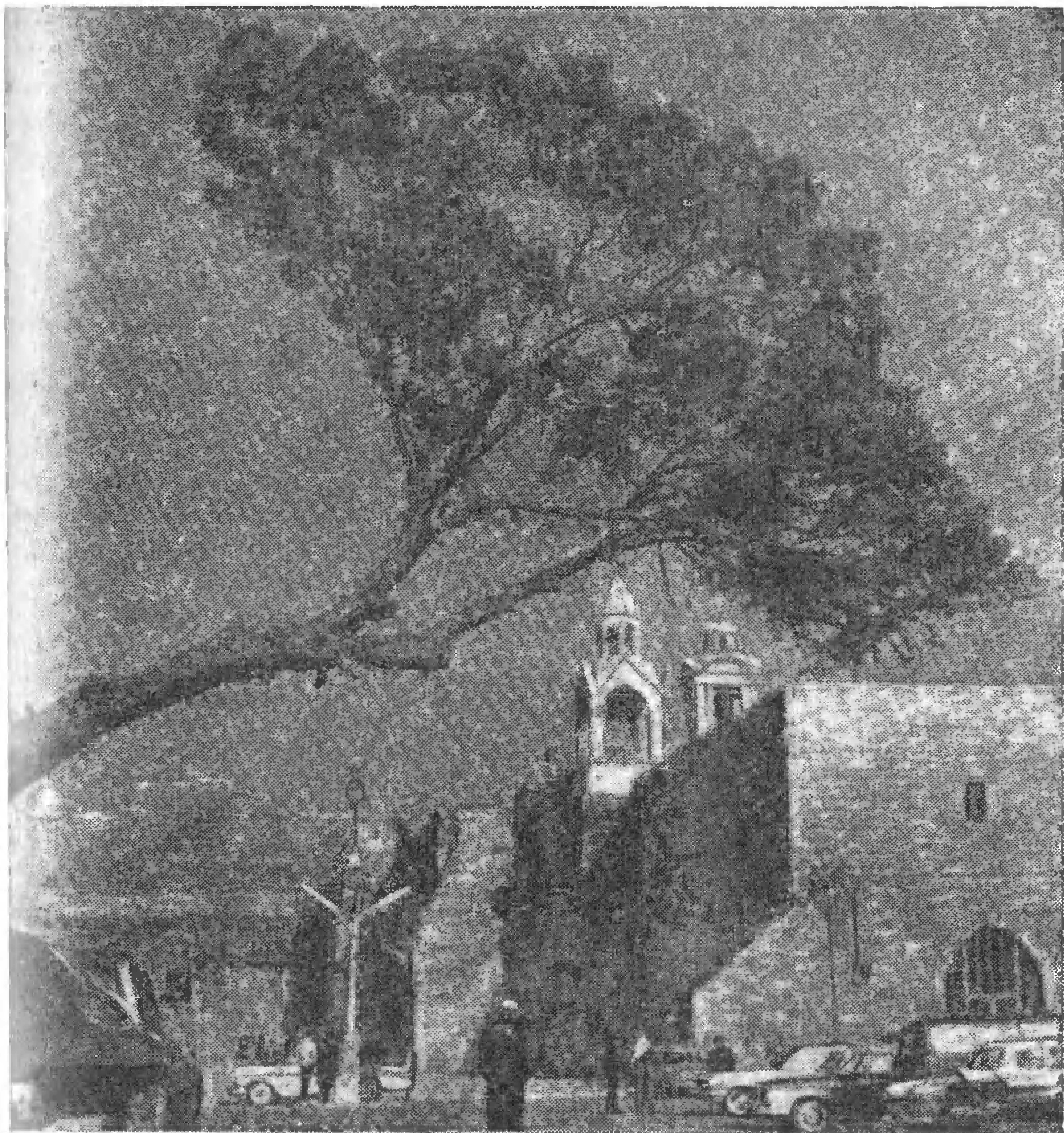
Неприступным Иерусалим кажется лишь со стороны глубокой долины Кедрона, некогда полноводной реки («кедрон» значит «чернота», т. е. темный, глубокий поток). Долина эта издавна служила местом погребения для местных жителей. Ее древнее название «Иосафатова долина» происходит от древнееврейского «бог судит», обозначая место верховного судилища, которое вершилось после смерти. Христиане первых веков перенесли это название на кладбища и в других краях: Иосафатову долину можно посетить, например, в окрестностях Бахчисарая в Крыму.

К югу от города идет дорога в Вифлеем. Здесь, над скромными яслями, в которых, по преданию, родился Иисус Христос, сооружен грандиозный храм.

С северо-запада к самой стене Старого города подступает Новый город с асфальтированными улицами, современными коттеджами и многоэтажными комфортабельными гостиницами. Ежегодно в Иерусалим и его окрестности стекается до 600 тысяч паломников и туристов. Почти весь Новый город и часть Старого города существуют для того, чтобы обеспечить им кров и пищу, как в прямом смысле слова, так и духовную.

Овечьи ворота

Наглухо заложены только Золотые ворота, все остальные ворота Иерусалима открыты для гостей: Дамасские, Ирода, Гнойные, св. Стефана. Первый — и основной — маршрут для посетителей Старого Иерусалима начинается от ворот св. Стефана, расположенных неподалеку от Золотых. Они также выходят к долине Кедрона и от них открывается вид на Гору олив и на Гефсиманский сад. У этих ворот заканчивается шоссе́нная дорога Амман — Иерусалим; здесь, на асфальтированной площадке, останавливаются туристские автобусы и легковые автомашины. Отсюда по Старому городу ходят главным образом пешком. Улицы здесь очень узкие, поэтому движение транспорта ограничено. Проезжих улиц совсем мало, и большая часть их представляет собой извилистые лестницы с полустертыми от миллионов ног ступенями. Многие из таких улиц-лестниц то и дело ныряют, как в тоннель, под полутемные своды средне-

В Вифлееме

вековых зданий или под античные арки. Гладкие каменные стены домов кое-где прорезаны темными проемами окон, забранными в металлические решетки, отчего многие мирные жилые дома и лавки напоминают средневековые крепости.

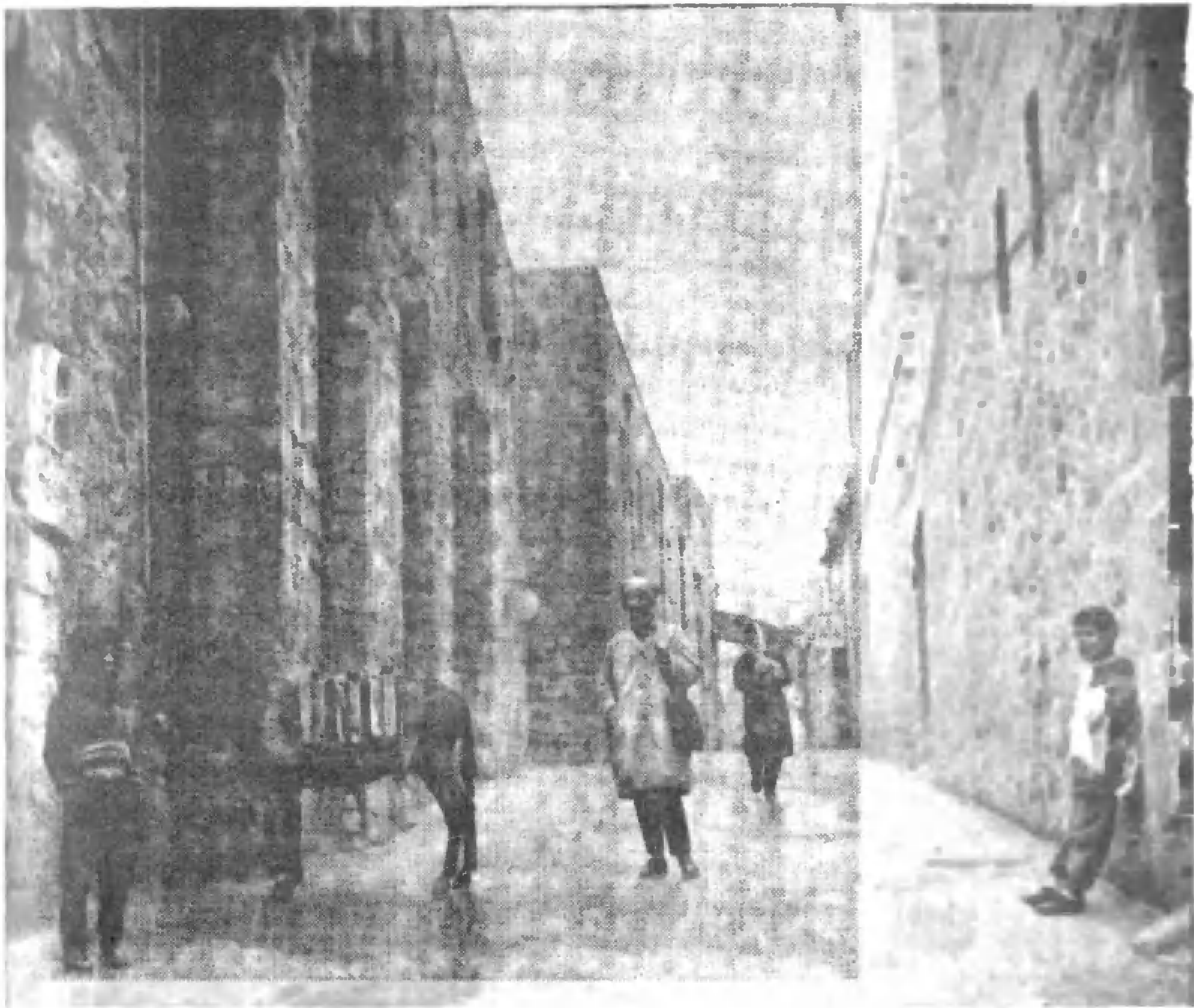
Зелени в Старом городе мало, только церкви, монастыри и мечети окружены пышными веерными пальмами и кипарисами. Профиль города, если можно так выразиться, не очень восточный, а, скорее, южный средневе-

ковый, может быть потому, что многие здания имеют не плоские крыши, а обычные, со скатами, покрытые красной черепицей.

В кривых, узких улочках снует разноязычная толпа приезжих со всех концов света. Видавшие виды торговцы ограничиваются вопросами: «Ну как там в Италии?», «Что там у вас в Австралии?»... Кое-где через толпу протискивается ослик, нагруженный товарами или бидонами с бензином, которые он доставляет в немногие гаражи, находящиеся внутри Старого города.

Но вернемся к воротам св. Стефана, которые когда-то назывались Овечьими, так как через них прогоняли ягнят, предназначенных для жертвоприношений. Войдем с нашим гидом в Иерусалим через Овечьи ворота. Первый маршрут для паломников и просто туристов выработан издавна на основе христианской традиции и проходит по «Виа долороса» («Путь скорби»), пути Иисуса Христа от дворца Понтия Пилата до Голгофы.

По нашим московским представлениям, путь этот недолог. Обычным шагом его можно преодолеть за 20 минут. Но с тяжелым крестом и в сопровождении стражи и толпы любопытствующих и сочувствующих шествие было, вероятно, более продолжительным. По преданию, на протяжении пути было сделано 14 остановок. Позже на всех этих местах византийцы, крестоносцы и более поздние христиане построили часовни, церкви и монастыри, церковь Бичевания Христа, церковь Осуждения (на месте, где Иисус Христос был предан публичному осуждению и ему был вынесен смертный приговор римскими властями) и др. Монахиня, прислуживающая в церкви Осуждения, выносит из хранилища макет древнего Иерусалима, на котором наглядно отмечен крестный путь Христа на Голгофу. Под эту церковь можно спуститься, чтобы осмотреть остатки дворца Пилата. Раскопки, проведенные в XX веке, обнаружили основания стен римского периода и каменные плиты двора. Кое-где на плитах сохранились высеченные линии и квадраты: на досуге солдаты римского легиона затевали во дворе сатурнические игры. От этой церкви на другую сторону улицы перекинута Арка Адриана, которая тоже дошла до нас от римского периода. Археологи обнаружили также часть древней улицы, примыкавшей ко дворцу Пилата. Каменные плиты на ней по-

Старый Иерусалим

крыты мелкими насечками. Предполагается, это было сделано, чтобы на каменных плитах не скользили подковы римских лошадей. Когда теперь на наших улицах я вижу иссеченный лед, то вспоминаю эту хитрость древних, навсегда сохраненную камнем.

На развалинах римского дворца крестоносцы, захватившие Иерусалим в конце XI века, построили крепость. Сейчас на этом месте высится новая церковь в византийском стиле.

После дворца Пилата путь наш лежит мимо большой массивной церкви из гладкого серого камня. Это — церковь св. Анны, бабушки Иисуса Христа. Церковь построена крестоносцами в XII веке на том месте, где, по преданию, жила семья девы Марии — мать Анна и отец Иоахим. Жили они в пещере, здесь же родилась и Мария. На этом месте ведутся раскопки; в слое рим-

ского периода открыто жилище, использовавшее частично углубление в скале.

По узкой улочке, переходящей в истертую лестницу, следуем далее по «Виа долороса». Слева — ниша в стене, где Мария ждала окончания суда над своим сыном. Мраморная колонна отмечает место, где Христос впервые упал на землю, изнемогая под тяжестью креста. Часовня св. Симона Киренея стоит там, где вышел из толпы Симон и помог Христу нести крест. Ноша была тяжела, и Христос обливался потом. Но вот из одного дома вышла женщина по имени Вероника, которая белым платком вытерла лицо мученика. По преданию, на платке остался отпечаток его лица. Теперь здесь построена часовня св. Лика...

Судный порог — последняя остановка страстного пути на Голгофу. Скала Голгофа, на которой римские власти обычно распинали христиан, находилась в те времена за пределами Иерусалима. Осужденного на казнь выводили на Голгофу через городские ворота, получившие название «судные» (или «Судный порог»).

Поскольку территория ворот непосредственно примыкает к самому «святому» месту христиан, во второй половине прошлого века участок с Судным порогом был куплен русским правительством у Турции. Вообще, многие участки в Иерусалиме и его окрестностях, содержащие святыни, были постепенно раскуплены различными христианскими церквями и являются до сих пор их собственностью. Только самые главные святыни, такие, как место рождения Христа в Вифлееме, Голгофа и место погребения Христа, перестав быть объектом крестовых походов, считаются принадлежащими «всем христианам мира».

После покупки Судного порога русская экспедиция произвела здесь археологические раскопки. Обнаружены остатки римского храма, колонны которого относятся к 70-м годам нашей эры. Ниже были найдены более ранние сооружения, в частности остаток городской стены времен правления в Иерусалиме царя Давида (X век до нашей эры). В 80-х годах прошлого века на месте раскопок была построена русская церковь Александра Невского.

Навстречу нам из церкви выходит пожилая женщина с широким спокойным лицом. Ее сопровождает смуглая

молодая девушка в темно-синем платье и белом платке на голове. Под высоким сводом церкви в прохладном полумраке звучит русская речь. Сестра Валентина... В 1919 году маленьким ребенком уехала она с родителями из Кишинева. Много лет служит в этой православной церкви. Постепенно умерли и поразъехались все русские, кто жил здесь. Осталась она одна присматривать за русским домом и церковью. Вырастила себе помощницу: молодая арабка так хорошо говорит по-русски, что мы, несмотря на ее смуглую кожу и жгуче-черные глаза, сначала приняли ее за русскую. Трудно двум женщинам управляться со всем церковным хозяйством. Сестра Валентина надеется, что в Советском Союзе вспомнят о существовании этого уголка на «священной земле» и пришлют ей молодое подкрепление.

Голгофа

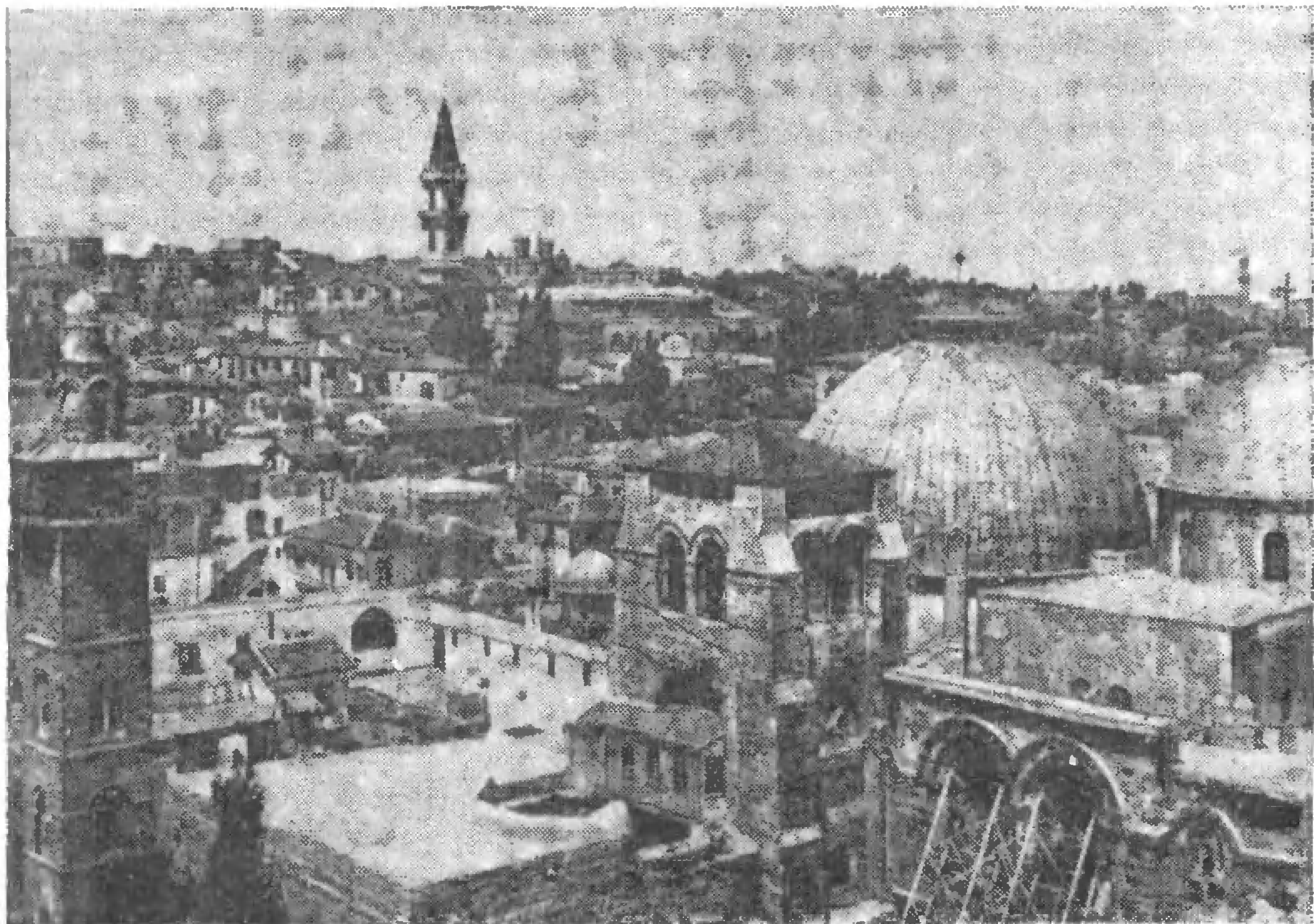
Переступив Судный порог, мы оказываемся у самой Голгофы. Собственно, Голгофы, как таковой, давно уже не увидеть: скала с местом распятия и пещера со святым гробом, находившаяся под ней, скрыты под огромным храмом Гроба Господня. По соглашению христианских церквей этот храм принадлежит всем христианам мира. Каждая христианская церковь (православная, католическая, армянская и т. д.) имеет в этом храме свои приделы и часовни, где соответственно своим датам и праздникам совершает богослужения. В дни нашего пребывания началась католическая пасха, которая была ознаменована торжественным шествием с крестом по «Виа долороса» католического духовенства в черном облачении и верующих.

Напротив храма св. Гроба над пальмами и кипарисами поднимается стройный минарет мечети Омара ибн Хаттаба, построенный по приказу халифа Омара ибн Хаттаба после захвата в 637 году Иерусалима арабами.

Через отверстие в высоком куполе храма Гроба Господня проникает рассеянный дневной свет. Его приглушает дым, подымающийся от лампад, кадила и свечей. В полумраке боковых приделов храма и часовен колеблется пламя многочисленных свечей.

Народу в храме всегда много: молящиеся, паломни-

Голгофа

ки, туристы, служители храма и его церквей, служители, продающие восковые свечи и открытки.

Недалеко от входа в храм, на полу, огорожен плоский прямоугольный камень — «камень миропомазания». На него, по преданию, положили и помазали миром тело Христа после снятия с креста.

Левее демонстрируется небольшой круглый камень под решеткой. На нем много мелких щербинок. Нам объясняют, что это — следы слез сорока девственниц, пролитых после распятия Христа.

Правее от входа — естественная скала. В ней зияет глубокая расселина, образовавшаяся в результате сильного подземного толчка, который потряс Голгофу после казни. Теологи утверждают, что у подножия скалы покоится прах нашего праотца Адама. До большого пожара, который сильно повредил храм в 1810 году, у этой же скалы были гробницы первых завоевателей Гроба Господня, предводителей крестоносцев Готфрида и Болдуина Бульонских.

Вверх, на вершину Голгофы, ведут две широкие

лестницы, совершенно уже закрывшие легендарную каменистую тропу, по которой когда-то восходили на Голгофу осужденные. На самом верху находится часовня с вызолоченными сводами. Большое распятие, окруженное горящими свечами, находится над местом в скале, где оставалось отверстие от креста, на котором, по преданию, был распят Христос.

Голгофа долго служила римлянам местом казни. Кресты с распятыми телами сбрасывались затем в лощину у подножия скалы. Через три столетия, прошедшие после казни Христа, на эту скалу прибыла мать византийского императора Константина Елена, причисленная позже к лику святых. Она предприняла здесь поиски «подлинного» креста. Найти среди многочисленных, сваленных в лощине и пролежавших там сотни лет крестов тот, на котором был распят Иисус Христос, помогло якобы чудо: один из подобранных крестов исцелил при простом прикосновении больную женщину. Обломков же этого креста оказалось так много, что они и сейчас демонстрируются во многих церквах и соборах почти по всему миру. Самый большой обломок находится в Ватикане.

Известняковая скала вся была изрыта расселинами и пещерами, которые давали приют как христианам первых веков нашей эры, так и человеческой фантазии. Каждая пещера на Голгофе отмечена пребыванием какого-нибудь святого. Многие из них использовались для погребений.

В пещере с Гробом Господним самого гроба, в нашем понимании, не было. Все картины и описания «положения во гроб» создавались на основе представлений и реалий, которые окружали художников в позднейшие времена и в иных краях. В этом же районе на рубеже нашей эры тела умерших часто помещали в естественных пещерах на выдолбленных из мягкого известняка каменных ложах. Таковым был и «гроб Иисуса Христа». Таким он выглядел до первой половины прошлого века, когда каменному ложу стало угрожать полное уничтожение от ревностных паломников. Каждый стремился отломить и унести с собой кусок «святыни». Тогда-то каменное ложе было облицовано мраморными плитами.

Часовня Гроба Господня находится в центре большо-

го храма, охватывающего всю Голгофу и прилежащие пещеры. Это небольшой мраморный павильон, украшенный колоннами и резным орнаментом по цветному мрамору. У входа в часовню в серебряных подсвечниках стоят большие восковые свечи, увитые разноцветными бумажными лентами. Над входом свисают курящиеся серебряные кадильницы. Медленно движется цепочка паломников и туристов. Последуем за ними.

Входная дверь часовни сделана ниже человеческого роста, поэтому каждый невольно входит в нее согбенным. В первом небольшом помещении на мраморном пьедестале установлен «камень мироздания». В свое время этим камнем был завален вход в пещеру. Камнем мироздания он называется потому, что долгое время считался христианами «пупом всей вселенной».

За камнем следует, также низкий, вход в пещеру с Гробом Господним, в святая святых для христиан. Это тесное, узкое помещение, длина которого немного превышает длину человеческого тела. Все помещение (бывшая пещера) облицовано мрамором, украшено колоннами и резным орнаментом. Естественного камня пещеры уже нигде не видно. Справа от входа находится ложе, покрытое плитами желтоватого мрамора. В левом уголке стоит служитель в черной одежде, рядом с ним, на приступочке, — поднос для денежных пожертвований и пачка тонких восковых свечей. Бросив на поднос любую мзду (по степени благочестия и состояния), каждый может установить у гроба зажженную свечку. Мраморные плиты каменного ложа отполированы до блеска: верующие опускаются перед ним на колени, целуют, прикладываются лбом или щекой, гладят ладонями, шепча молитвы на разных языках.

Наше время истекает: в помещение более трех-четырех человек одновременно войти не могут. Через несколько мгновений служитель хлопает в ладоши, напоминая, что пора дать место следующим.

В храме гид приглашает нас в один из приделов, где за столом сидят несколько человек, составляющих духовную комиссию храма Гроба Господня. Всякий посетивший Гроб Господень может получить здесь свидетельство о совершении паломничества. Свидетельство скреплено круглой печатью и подписью хранителя храма. В нем подтверждается, что такой-то (далее следу-

«т пустая строка, в которой вы можете проставить свое имя) посетил такого-то числа Гроб Господень и что ему отпускаются «все прошлые, настоящие и будущие грехи». На отдельном столике находится поднос для добровольных взносов за свидетельства. Получить отпущение за все грехи, а главное, за будущие, очень заманчиво. Здесь тоже стоит очередь. Каждый бросает на поднос сумму по совести. Но свидетельство можно получить и даром. Некоторые ничего не кладут.

Новый город

Пройден страстной путь. Получено отпущение грехов. Теперь самое время подумать об обеде. Под праздничный звон колоколов наша группа покидает Старый Иерусалим и направляется в гостиницу.

Стоит только выйти из Дамасских ворот в новый город, как с вас сразу слетает ореол паломника, ореол человека, причастного каким-то образом к давним историческим и легендарным событиям.

У Дамасских ворот — конечная остановка городского автобуса. На нем можно доехать и до нашей гостиницы. В привычной автобусной толчее и тряске прибываем к обеду. Гостиница наша многоэтажная, со всеми современными удобствами, а главное — с горячей водой, что особенно приятно в промозглую, сырую погоду иерусалимского марта.

В ресторане гостиницы шумно и оживленно: большую часть столиков занимают молодые люди спортивного типа в толстых шерстяных свитерах и джемперах. Компанию им составляют молодые женщины в серой монашеской форме. Оказывается, эти «ребята» — тоже монахи, но переодетые «по-домашнему».

Вылощенный хозяин гостиницы прохаживается между столиками: с предельной любезностью интересуется впечатлением постояльцев, рассыпается в комплиментах и готов на любую услугу. Однако кормит он своих «дорогих гостей», прямо скажем, неважно: то ли аппетит в Иерусалиме возрастает, то ли хозяин считает, что духовная пища здесь возместит его постные обеды.

Советская делегация пользуется особым вниманием хозяина. Вечером, выходя из гостиницы, мы видим его

в холле с друзьями — коллегами и деловыми людьми. Их низкие сверкающие машины стоят у подъезда. Нас провожают любезные улыбки и настороженные взгляды. Когда мы были уже за порогом гостиницы, один из хозяйских гостей отважился подойти к нам (порог он предусмотрительно не переступил):

— Вы из Советского Союза? Нравится ли вам Иерусалим?

— Да, наша поездка очень интересна и поучительна.

— А мы собираемся поехать на ночное представление модной певицы и танцовщицы. Вы ее уже видели?

И он выдавливает главный вопрос:

— А вы коммунисты?

— Да, коммунисты.

Вопрошавший съезживается и отступает за дверь. Мы выходим из подъезда и погружаемся в сырые весенние сумерки. Хочется пройтись по затихшим и опустевшим улицам ближайших кварталов. Не тут-то было! Наша небольшая группа уже замечена. По мере нашего продвижения по улице в каждой следующей лавке зажигается свет, распахиваются двери, выглядывают хозяева магазинов. Кроме нас на улице никого нет... Сети расставлены ловко, и мы в них безропотно попадаем. Хозяева иерусалимских магазинов разные: армяне, греки, айсоры, арабы из разных стран, но сами лавки похожи одна на другую. Витрины и внутренность помещений, лавки и полки завалены и увешаны четками (из дерева, перламутра, кораллов), распятиями (от огромных до самых маленьких, от серебряных, отливающих перламутровой инкрустацией до скромных из оливкового дерева). В одной лавке, в углу, лежала большая груда настенных деревянных крестиков с распятием. В каждом, в небольшом углублении, под прозрачной пленкой, виднелся крохотный кусочек камня. Хозяин объяснил мне, что это частицы иерусалимских святынь. Потом мы часто еще встречали эти стандартные дешевые крестики с частицами «святынь».

Под стеклом прилавков разложены деревянные шкапулки с инкрустированным орнаментом белой кости, коралловые и перламутровые ожерелья, золотые перстни и кольца с монограммами Иерусалима, косынки с видами «святых мест», цветные открытки и альбомы.

После моей скромной покупки хозяин лавки, моло-

ной сириец, приносит чашечки с черным кофе, заводит разговор о Советском Союзе. Он с интересом расспрашивает о нашей стране, интересуется, можно ли поехать к нам учиться. Для большинства иерусалимцев мы были первыми представителями Советского Союза, и они могли наконец непосредственно расспросить о стране, о которой «столько разного рассказывают». Для многих понятие «русский» ассоциировалось с понятием «православный». Так один шофер такси, услышав, что мы из России, обрадованно воскликнул: «О, я тоже православный!» и вытащил из бумажника фотографии всего своего арабского семейства.

Когда мы вернулись в нашу гостиницу, обстановка в холле изменилась: хозяева уехали развлекаться, в креслах явно дожидались нас официанты и служащие. Они упростили нас посидеть с ними и буквально завалили вопросами.

Спрашивали обо всем: о положении трудящихся в Советском Союзе, о нашей личной жизни, о зарплате, что на нее можно купить, о положении верующих, о семейной жизни. Спросили даже об «общности жен» в нашей стране (этот вопрос мне пришлось еще раз услышать от одного служащего в королевской Ливии). Как мало еще известно о нас. Узнать же правду очень хочется. И беседа затянулась надолго. Никто из приезжающих не вызывал еще такого интереса. Расставаясь, наши новые знакомые протягивают свои адреса, приглашают в гости, просят обязательно писать.

Напротив нашей гостиницы за высокой каменной стеной расположена больница св. Петра. В ней работают монахини одного из католических монастырей Иерусалима. Случай помог мне заглянуть в эту больницу. Один из наших товарищей, купаясь в Мертвом море, поцарапал ногу. Ранка в течение нескольких дней не заживала, нога распухла. Решено было сходить в христианскую больницу. В пустой приемной, сверкающей чистотой, нас тихо и приветливо встретила сестра милосердия в белой накрахмаленной косынке. Никаких формальностей не понадобилось: за двукратную обработку ранки и перевязку из кармана товарища уплыл один доллар. Нам настоятельно посоветовали зайти на перевязку еще несколько раз.

Искусство человека

На следующей день Иерусалим становится наконец похож на свои цветные изображения: яркое солнце зажигает позолоченные купола мечетей и церквей, и они резко впиваются в синее небо. В этот солнечный день во всей красе предстает перед нами самая великолепная мечеть в мире — мечеть Омара, или Харам аш-Шериф («благородное святилище»), или Куббет ас-Сахра («купол скалы»), мечеть, построенная над «висящей скалой», вторая после Мекки святыня мусульман.

Древнейшие предания гласят, что здесь, на горе Мория, Авраам собирался принести в жертву богу своего любимого сына Исаака. В X веке до нашей эры, на этой горе при царе Соломоне был построен первый храм. Это был самый красивый храм того времени. По ночам яркий свет факелов, горевших в храме, был виден далеко вокруг.

В первые века христианства на этом камне был обнаружен отпечаток второй ступни Иисуса Христа, оставленный им при вознесении на небо. Над скалой построили христианский храм. Арабы, заняв Иерусалим, обратили внимание на святыню. Некоторые историки считают, что первая мечеть, построенная в Иерусалиме Омаром ибн Хаттабом, арабским халифом, находилась на этом месте. Отсюда и название нынешней мечети — «мечеть Омара», употребляемое по традиции, хотя дошедшая до нас мечеть была построена уже в конце VII века при халифе Абд аль-Мелике ибн Мерване. Искуснейшие мастера из Индии и Ирана были приглашены на строительство мечети. Много средств и человеческих сил тратилось в течение веков для украшения и реставрации этого уникального памятника раннемусульманского зодчества и декоративного искусства. Прославить свое имя сооружением такой мечети было честью для любого правителя Востока. В IX веке багдадский халиф аль-Мамун после ремонта в мечети приказал скоблить с ее стен имя своего предшественника — халифа Абд аль-Мелика и заменить его своим именем. Но... он забыл стереть дату сооружения мечети, указанную в первой надписи, что впоследствии и помогло установлению истины.

Просторный двор вокруг мечети вымощен мрамор-

ными плитами. Площадь двора составляет около 1/6 площади Старого Иерусалима. Неподалеку, на этой же территории, расположена вторая знаменитая мечеть, соединившая в себе элементы византийской базилики и ранней мусульманской мечети,— Эль-Акса. Эта мечеть была построена в VIII веке при внуке халифа Абд аль-Мелика, при котором была построена и знаменитая Омейядская мечеть в Дамаске.

Посередине двора сверкает и переливается огромное восьмигранное здание Харам аш-Шериф под золотым куполом. Нижняя половина здания облицована белоснежным мрамором, верхняя часть и барабан под куполом выложены бирюзовыми изразцами, на которых прихотливо переплетаются узоры из цветов лилий и лотосов и изящная арабская вязь.

Место этой мечети в восточной архитектуре многие уподобляют месту римского Пантеона в классической архитектуре.

Еще в прошлом веке христианам запрещалось входить в эту мечеть под страхом смертной казни. Но по всему Востоку ходили таинственные слухи о том, что внутри мечети находится скала, «висящая в воздухе». Сегодня этот феномен может проверить каждый. В мечеть нельзя входить только во время молитвы. По ее окончании десятки экскурсий устремляются в широко распахнутые двери таинственного святилища. Остановка происходит лишь у порога, где нужно снять обувь. У дверей растет гора туфель и ботинок. За ними присматривает шустрый мальчик лет десяти.

Внутри мечеть так же прекрасна, как снаружи. Круглое помещение имеет в диаметре около 20 метров. Центральный свод купола опирается на легкие арки, их поддерживают восемь колонн с античными и византийскими капителями. Соответственно колоннаде стены мечети украшены пилястрами из разноцветного гранита. Высота купола — 31 метр. Своды его покрыты воздушным кружевом резьбы по штукатурке. Через разноцветные стекла верхних окон, крытых затейливым узором решеток, струятся радужные лучи дневного света. Весь пол мечети устлан персидскими коврами.

Красоту этой мечети невозможно описать, только фантазия нескольких поколений могла воплотиться в этом творении, подобно тому, как воплотилась фанта-

зия поколений в сказках 1001 ночи. Одному человеку это было бы не под силу.

В центре мечети, за высокой позолоченной решеткой, покоится простая с виду скала, но игра природы уготовила ей не простую судьбу.

Рассказывают, что однажды ночью пророк Мухаммед в сопровождении архангела Гавриила совершил поездку из Мекки в Иерусалим. Это путешествие заняло всего лишь одну ночь. Прибыв в Иерусалим, Мухаммед остановил своего коня как раз на этой скале. На ее поверхности до сих пор видны следы конских копыт. С этой же скалы он вознесся на небо. Скала тоже было попробовала подняться вслед за ним, но Мухаммед приказал ей опуститься обратно. Скала повиновалась, но повисла в воздухе, не достигнув земли.

Скала эта связана и с многими другими преданиями: из-под нее вытекают все земные воды (хотя в самом Иерусалиме в древности воды не было, за ней ходили к реке Кедрон), под скалой находится спуск в подземное царство и т. п.

Под скалу действительно ведет спуск — в небольшую пещеру. У входа посетителям показывают щит Мухаммеда и седло его лошади. Вход в пещеру украшен с двух сторон белыми колоннами. Раньше считалось, что эти колонны обрушатся на любого неверного, если он рискнет проникнуть в пещеру. На всякий случай пропускаю вперед несколько неверных и спускаюсь вслед за ними. Пещера немного выше человеческого роста. Священная скала образует над ней как бы крышу, положенную на стены пещеры. Однако на всем протяжении своем эта «крыша» как будто неплотно прилегает к верхним краям стен пещеры. Поэтому и кажется, что она совсем на них не опирается, а висит в воздухе.

В самой пещере можно видеть высеченное в скале кресло Аарона, брата Моисея. Над креслом в потолке — впадина от его головы.

В потолке пещеры, образованном «висящей скалой», есть круглое сквозное отверстие, через которое, как сказал наш гид, вылетел дух Мухаммеда. Христиане же находят на той же скале след Христа, оставленный им при вознесении на небо.

Приходит время покинуть храм «висящей скалы».

У входа бессильно начинаю кружить вокруг увеличившейся кучи туфель. Лукавый страж горы со смехом протягивает мне огромные стоптанные шлепанцы с загнутыми носками, вроде тех, которые когда-то попались бедному маленькому Муку: «Это твои?»

Ухожу, но все время оборачиваюсь: мечеть Скалы—чудо, сотворенное человеческим умом и руками, затмевает чудо, сотворенное природой.

В свободное время можно вволю побродить под сводами иерусалимского рынка, обойти все кварталы и ворота Старого города. Старый город невелик по площади, вдоль стен его можно обойти почти за один час.

Витрины лавок так и просятся на цветную фотографию. Даже в пасмурный день выставленные товары пестрят всеми цветами радуги. Приглушенное сияние исходит от витрин ювелирного ряда: под стеклом тускло желтеют золотые браслеты и ожерелья, сделанные из золотых монет с профилем Георга V, которые мы сначала приняли за николаевские (ничего удивительного: Николай II приходился Георгу двоюродным братом). Очень привлекательны серебряные изделия, более разнообразные и более «восточные»: серебряные браслеты-змейки с бирюзовыми и коралловыми глазами, длинные висячие серьги ажурной работы, ножны для кинжалов.

А вот в одной из витрин выставлен сундучок корсара, упавший на морское дно, среди засушенных морских звезд, крабов и раковин. Из-под его крышки высыпаются нити кораллов, перламутра и бирюзы.

Выхожу на небольшую городскую площадь. По случаю пасхи здесь устроено народное гулянье: скрипят деревянные качели вроде наших «чертовых колес», вокруг толпится много народу — женщины с детьми, подростки, молодежь. Одеты все по-европейски: юноши в костюмах и свитерах, женщины и девочки в обычных платьях и юбках, но в пальто или жакетах, так как еще холодно. Бегают юркие девчушки с косичками и в белых носочках. Им особенно хочется попасть на качели. В этой толпе нет ни туристов, ни паломников, здесь только иерусалимцы — обычные обитатели города, и жизнь их отличается от жизни паломников.

Сырой порывистый ветер гонит с запада дождевые тучи, иногда он разрывает их, чтобы нам успело блеснуть солнце. К вечеру возвращаемся в гостиницу промокшие и продрогшие.

Утром весь Иерусалим оказывается под снегом. На белом фоне резко чернеют кипарисы. Тучи сгущаются. Гора олив исчезает в густом тумане. Наши машины с зажженными фарами выезжают на мокрое шоссе Иерусалим — Амман. Сквозь клочья тумана на повороте дороги в последний раз проступает купол Омаровой мечети и колокольня у храма св. Гроба.

Спешим проехать перевал между долиной Мертвого моря и Амманом. Густой снег стеной застилает дорогу и угрожает закрыть перевал. Наша машина оказывается последней, успевшей его миновать. Сильнейший и необычный здесь для марта снегопад закрывает перевал более чем на сутки.

В гостях у писателя

Писатель и поэт Яхья аш-Шауки большой друг Советского Союза и большой поклонник русской и советской литературы. Мне приходилось встречаться с ним в Москве и Ленинграде, видеть его в библиотеке над учебниками русского языка и сочинениями Маркса и Ленина, на новых постановках советских пьес и в доме писателя, где он обсуждал с нашими поэтами проблемы стиха и его перевода.

Сегодня вечером можно съездить к нему в гости. Машина останавливается у многоэтажного нового дома, окруженного темной зеленью сада. Поднимаемся на третий этаж по обычной на юге открытой лестнице. На лестничную площадку выходит несколько дверей с табличками и звонками.

Дверь нам открывает сам хозяин, худощавый, подвижный и веселый человек с большими глазами. Из передней проходим в просторную комнату. Современная скромная обстановка: широкая тахта, несколько кресел, столик с журналами и газетами, вдоль стен — полки с книгами. Посредине комнаты топится переносная железная печка вроде нашей «буржуйки».

За столом жена хозяина дома и несколько его дру-

ной — литераторы и преподаватели университета. Заходит речь о развитии арабской литературы. Яхья аш-Шауки пишет не только новеллы и стихи. Сейчас он работает над историей арабской новеллы. Перед литераторами Иордании стоит задача — добиться издания литературного журнала. Возможно, что это осуществится на базе университетского журнала. Расспрашивают о последних новинках советской литературы: что пишут Айтматов, Дудин, Евтушенко. С некоторыми из них хозяин дома знаком лично. Интересуются работой Университета дружбы народов.

Роза, хозяйка дома, приглашает нас выпить по чашечке кофе. Яхья аш-Шауки происходит из мусульманской семьи, Роза — из христианской. Смешанные браки теперь стали делом обычным.

Раньше Роза работала переводчицей в одной из туристических фирм. Теперь ей редко приходится работать: не с кем оставить маленькую дочку. Много забот и с небольшой автомашиной. Супруг ее не хочет заниматься автомобилем, даже водить его не умеет, так что ей приходится быть и домашним шофером.

Оживленная встреча в этой городской квартире далеко не завершает, да и не может завершить знакомства с такой многоликой и бесконечно разнообразной страной, где кочуют бедуины со стадами овец и ширится профсоюзное движение, где с 1951 года мужественно работает коммунистическая партия страны, где культура имеет тысячелетние корни.

Солнце склоняется к западу, его косые лучи пробиваются через красные осенние листья винограда. За стеклом машины веером разворачиваются ровные ряды виноградников. Они сходятся вдали, упираясь в сиреневые силуэты гор. Эти горы — отроги Атласского хребта, продолжающего на североафриканском побережье цепь Апеннинских гор.

Дорога, вьющаяся среди виноградников, полей пшеницы и оливковых плантаций, ведет нас в Тунис — столицу Туниса. Чистые, как будто вымытые, улицы, аккуратные виллы и большие современные жилые дома... Многие отделены от улицы небольшой полоской зелени. Чисто, комфортабельно и тихо... Вот первые впечатления от города после первой прогулки. В светлых и прохладных номерах гостиницы, в коридорах и холлах убирают, ставят цветы, зажигают свет по вечерам, но кто это делает — не видно, некому даже сказать спасибо. Лишь изредка в конце коридора мелькает тень горничной или служащего.

Наши окна выходят на улицу, однако шум нас не беспокоит: нет автомобильных сигналов, не кричат торговцы и разносчики.

И все равно в воздухе рассеян непередаваемый аромат южного и восточного города. Это и запах орехов и кунжута, мяса и лепешек с жаровен на открытом воздухе, курящихся благовоний и теплый хвойный аромат кипарисов, нагревшихся за день.

Так началось мое знакомство с Тунисом, первой арабской страной Африки, о которой хотелось бы рассказать.

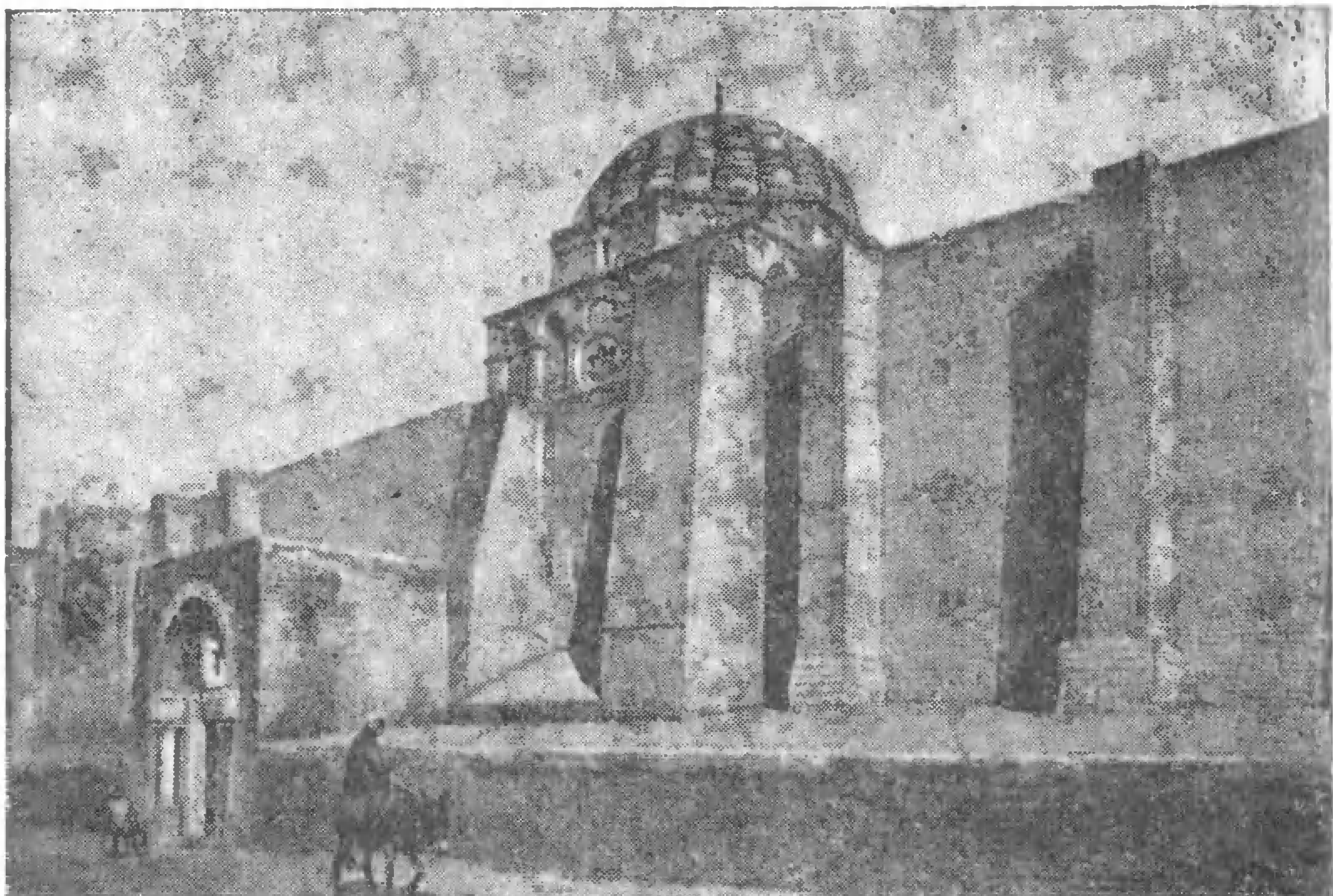
Благодаря книгам очерков нескольких советских журналистов, побывавших в Тунисе в начале 60-х годов, советский читатель знаком с родиной Ганнибала, с ее необычной историей, бытом, обычаями и заботами современных тунисцев.

Многое сегодня в этой стране остается таким, как описано в этих книгах, но очень многое изменилось за минувшее десятилетие — во всех сферах материальной и духовной жизни народа. В 1962 году Тунис только приступил к выполнению десятилетнего плана развития, а весной 1971 года план этот близился к завершению. За десять лет Тунис вышел на первое место среди развивающихся стран по охвату обучением детей школьного возраста и по бюджетным ассигнованиям на эти цели. Школы организованы теперь даже в пустыне — для обслуживания детей бедуинов.

Первый раз обоим авторам этих заметок довелось побывать в Тунисе в составе делегации общества советско-арабской дружбы осенью 1968 года. Весной 1971 года мне вторично привелось посетить Тунис.

Когда попадаешь куда-то снова через некоторый промежуток времени, в сознании невольно фиксируются изменения, происшедшие с момента первого визита. Так было и в Тунисе. В центре столицы, например, вознесся к солнцу могучий двадцатиэтажный небоскреб отеля «Африка» — самого высокого здания Туниса. Два с половиной года тому назад его остов только-только сровнялся с крышами соседних зданий. Наголо обстрижены аллеи на красивейшем проспекте Туниса — авеню Хабиба Бургибы. Кудрявые и гордые кроны деревьев обрезаны из-за болезни, поразившей листву. Угрюмо и жалко, как телеграфные столбы без проводов, торчат одинокие стволы. Теперь они не скоро оденутся нежными ветвями и пушистыми листьями.

Изменились и силуэты людей, особенно молодежи. Теперь в моде широкие галстуки у мужчин, миди-платья, макси-пальто, «горячие» шорты и замшевые брюки «слоновая нога» у женщин. А в 68-м прохожие, не успевшие еще как следует привыкнуть к мини-юбкам отважных старшеклассниц и студенток, изумленно жались к краю тротуара или к стенам домов, пропуская стайки щебечущих и, казалось, немыслимо одетых «тинэйджеров».

Кайруан. Большая мечеть

Маршрут нашего первого путешествия в Тунис почти полностью совпал с традиционными маршрутами, уже описанными в очерках наших соотечественников. Но даже у путешествующих одновременно по одним и тем же местам восприятие виденного всегда различно, не говоря уже об изложении впечатлений.

Журналист А. А. Чистов писал, например, в книге «По Тунису и Ливии» о своем проживании в Кайруане, Мекке тунисских мусульман, в сентябре 1965 года: «В маленькой гостинице, рассчитанной всего на тридцать шесть постояльцев, мы не ждем никакого комфорта, хотя она и носит громкое название „Сплендид-отель“... Днем никуда не спрячешься от палящих солнечных лучей...».

В 1956 году в Кайруане было закончено строительство отеля «Аглабиды», названного в честь местной династии, основанной в 800 году Ибрагимом ибн Аглабом, наместником великого халифа Харуна ар-Рашида в Северной Африке. Аглабиды правили в этих краях до 909 года.

Гостиница эта являет собой образец смелой творче-

своей фантазии архитекторов, художественного вкуса и мастерства строителей, которые создали редкий по своей красоте ансамбль. Путешественнику есть теперь где спрятаться от солнца — в крытых зимних и открытых летних садах отеля, в его бассейнах. Двухэтажная гостиница рассчитана на многие десятки гостей. Приятные чудеса и уют начинаются уже у входа. Двери стеклянные, но никаких намеков на обычные ручки. Вместо них — кривые старинные мечи. Волей-неволей, чтобы пройти, приходится «браться за меч». Войдя, вы оказываетесь в просторном холле, потолок которого выложен громадными красными и коричневыми пластиковыми плитками. Пол и стойка портье — голубого цвета. Передняя стена — стеклянная. За ней расположен, огражденный с трех остальных сторон сеткой, небольшой квадратный зимний сад, в котором среди тропических растений и скульптур — копий с древнеримских — неторопливо прогуливаются цветастые фазаны. Невольно переносишься мысленно в мир сказок или во дворец средневекового владыки.

Получив ключ от комнаты, вы обязательно пройдете по галерее вдоль одного из внутренних бассейнов, обставленных огромными глиняными вазами в виде кувшинов из-под оливкового масла. Ярко-зеленые вьющиеся растения спускаются из них до пола, свисают над водой. Если ваша комната на втором этаже, вам надо будет подняться по лестнице, украшенной фигурами средневековых трубадуров медной чеканки. Входите в комнату. Удивление, смешанное с вострогом, продолжает нарастать. Потолок комнаты оформлен в виде кирпичного свода. К нему на цепях подвешена кровать. На цепях же подвешен к стене и гардероб. Светильники — в форме свечей.

В холле гостиницы, перед телевизором «Картаж» (Карфаген) тунисского производства, на многометровом ковре, скроенном из десятков шкурок ангорских овец, расставлены маленькие столики и скамейки. Здесь тоже можно укрыться днем от жгучих лучей солнца.

Гостиницу Аглабидов в Кайруане смело можно назвать шедевром современного гостиничного зодчества, сказкой архитектуры. Кстати, там мы узнали одну маленькую, но полезную хитрость. В прозрачных стеклянных солонках ресторана гостиницы были отчетливо вид-

ны рисовые зернышки. Нас это, разумеется, несколько удивило. Оказалось, что рис впитывает влагу и соль не покрывается коростой, а продолжает свободно сыпаться из отверстий солонки. Век живи — век учись.

Постройка гостиницы «Аглабиды» в Кайруане — один из примеров того, как благодаря трудолюбию народа меняется облик тунисских городов и селений. Мозолистые руки и умение тружеников делают землю красивой и плодоносящей. Они же создают уют и комфорт. Хочется рассказать о нескольких наших встречах с простыми людьми Туниса.

Одна из них произошла в Набиле — центре одноименной провинции страны.

Слава Набиля

Если ехать от столицы Туниса на юго-восток, по асфальтированному шоссе со средней скоростью 90 километров в час, то примерно минут через 40 можно пересечь основание мыса Бон, отделяющего Тунисский залив от залива Хаммамет. У южной стороны мыса и находится город Набиль, один из двух тунисских центров керамического производства. Вторым таким центром является остров Джерба, где изготавливается неглазированная посуда. Набиль же славен своими художественными гончарными изделиями, да еще выделкой циновок из камыша.

Обжиговые печи для керамических изделий начинают встречаться уже за несколько километров на подъезде к городу. Со стороны дороги эти печи, сложенные из побеленного известкой кирпича, напоминают стены старых украинских мазанок, обращенные в огород или сад. Никаких окон и дверей. Только отверстия размером с кирпич, служащие для поступления свежего воздуха.

В эти печи помещаются керамические изделия для обжига, после того как художники нанесли на них свои рисунки. Из печей изделия поступают на базары Туниса и многих других стран. Здесь заканчивается сложный процесс превращения глины, краски и эмали в произведения ремесленного искусства, умножающие славу Набиля на Арабском Востоке и в других краях.

«Москвич» моего друга, сотрудника нашего посоль-

тани, вместе с которым мы отправились в путешествие, расположен в центре Набиля. Его главные улочки, образуемые ровными рядами светлых одно- и двухэтажных зданий, не похожи, видимо, ни на какие другие в мире. Эти здания представляют собой керамические мастерские скромных «джарраров» (горшечников), передающих свое искусство из поколения в поколение.

Белые, желтые и розовые стены мастерских с внешней стороны увешаны и под самую крышу заставлены всевозможными вариациями горшков, кружек, блюдец, ваз, керамических плиток, тамтамов, статуэток и прочих изделий всевозможных расцветок и рисунков. У этих творений народной фантазии и мастерства толпятся сотни туристов, главным образом из европейских стран, которые фотографируют друг друга на фоне полок с керамическими изделиями, торгуются кто как умеет и иногда все-таки что-то покупают.

Хотя мы и не были туристами, нас не могла не завлечь общая страсть «познания нового», проще говоря — любопытства или любознательности.

Каждая гончарная мастерская имеет две основные части: производственную и торговую. Как правило, они расположены в разных помещениях. Но бывает и так, что один, два и более гончаров и художников работают прямо в торговом зале, не обращая внимания на любопытных и любознательных.

Так, как работают гончары Набиля, работали, по всей вероятности, еще их прадеды. Иногда только вместо ножного привода гончарного круга видишь электрический моторчик да освещены мастерские лампами дневного света, а не свечами или светильниками с фитилем и оливковым маслом.

Возраст мастеров, подмастерьев и помощников колеблется, по нашим наблюдениям, от пятнадцати до семидесяти с лишним лет. Эта разница означает вековую преемственность искусства Набиля и его бессмертие. Все новые и новые поколения приходят на смену уходящим.

Следует обязательно подчеркнуть, чтобы не быть неправильно понятыми, что умельцы Набиля изготавливают не только и не столько сувениры для туристов, но в первую очередь предметы домашнего обихода (горшки, кувшины, блюда) для широких масс населения Туниса

и других арабских стран. Изготавливаемую здесь национальную посуду и другие изделия не могут заменить никакие импортные образцы, поскольку изделия Набиля предназначены для приготовления национальных блюд, кальянного курения и других целей, связанных с бытом Арабского Востока. Именно в этом заключается причина удивительной жизнестойкости и славы изделий Набиля. Если такие ремесленные промыслы, как прядение, ткачество, швейное дело, изготовление обуви и т. п., были разорены наплывом дешевых товаров из Европы, то производство керамики в Набиле не только устояло, но и переживает свою вторую молодость.

В одной из мастерских мы обратили внимание на знакомые силуэты немудреных глиняных вазочек-свечников сантиметров пятнадцати высотой с двумя цветками на стороне, противоположной ручке. Здесь их было много: десятками таких вазочек были уставлены два стола. Они только что сошли со станка гончара, работавшего здесь же, и ждали отправления в обжиговые печи.

Как было не узнать эти светильники! Всего за две недели до приезда в Набиль я посетил развалины древнеримского города Сабраты, памятника архитектуры в Ливии, где приобрел точно такой же, только черного цвета. Молодой ливиец, собиравший выброшенные приливом на берег морские губки, озираясь по сторонам, извлек ее из какого-то тайника своей одежды и с серьезным видом стал убеждать нас, что это предмет римской эпохи, найденный им случайно в развалинах. То ли ему показалось, что у нас начисто отсутствует чувство юмора, то ли он сам верил в то, что говорил, но заломил за вазу чудовищную цену. В конце концов мы сошлись — на возмещении его расходов по «откапыванию» вазочки. Продавец тут же бесследно исчез.

В этой маленькой истории примечательно, разумеется, мастерство кудесников из Набиля, восстановивших по музейным экспонатам изделия, которыми пользовались древние люди три тысячи лет назад.

С обширной номенклатурой керамики Набиля мы долго еще знакомились, путешествуя по Арабскому Востоку. Особенно запомнилась одна такая встреча, происшедшая в Ливии.

Как-то на конкурсе слайдов, проводившемся в клубе

советского посольства в Триполи, была продемонстрирована серия живописных снимков, завоевавших на этом конкурсе приз «За наиболее художественное восприятие действительности». На слайдах были изображены красочные комбинации керамических изделий, полки, на которых они были расставлены, лавки и лавочники, которые ими торговали, дети торговцев.

После конкурса счастливый лауреат приза объяснил мне, что этот самый живописный в Ливии базар находится по дороге на Гариан, расположенный в 90 километрах к югу от Триполи. Я вспомнил, что поездки в Гариан описаны в книгах наших предшественников, но каких-либо сведений о рынке керамики на пути в этот горный городок я в их книгах не обнаружил.

Следующим же воскресным утром вместе с экономистом посольства СССР в АРЕ отправляемся на поиски базара керамики, по непонятным нам причинам обосновавшегося не в столице, а где-то не доезжая Гариана.

Задувший из пустыни «гибли» несет с собою мириады мельчайших частиц песчаной пыли, и мы опасаемся проскочить мимо базара. Поэтому едем медленно. Нам помогают километровые столбы. Вот мы перевалили очередной перевал — и взору сразу открылись лавки, уже известные нам по слайдам.

Заезжаем на площадку для стоянки автомашины. Как всюду, нас, чужестранцев, сразу обступают дети самых разных возрастов. Среди них взрослыми манерами выделяется мальчик Шукри, которому на вид можно дать лет двенадцать. Но странно, тут просят не бакшиш, а пепси-колу. На наш вопрос, почему они хотят именно пепси-колу, дети не могут ответить ничего вразумительного.

Взрослых пока не видно. Мы вступаем в беседу с Шукри и с его семилетней сестрой. Из разговора с мальчиком выясняется, что он является совладельцем самой богатой лавки гончарных изделий в деревне. Главный же ее владелец — его старший брат, имеющий крупный дулян в Набиле. Поскольку тогда Набиль был для нас не более как географическое название, мы не смогли сразу по достоинству оценить гордость ребенка за свои товары. А когда Шукри называл их высокие цены и снижал их, он опять-таки добавлял к уже снижен-

ной цене требование бутылки пепси-колы. Это звучало примерно так: «Семьдесят пять пиастров и бутылка пепси». Поскольку мы так и не смогли выведать тайну местной детворы, оставалось только предположить, что в каменистой предгорной пустыне, где вода представляет собой благо, особенно ценится этот сладковатый напиток, утоляющий жажду и придающий бодрость.

Выбрав кое-какие сувениры в дукияне Шукри и в лавчонках более взрослых, но менее богатых купцов, мы попросили показать нам местные гончарные мастерские. Шукри тотчас же назначил цену за такую экскурсию — «ящик пепси». Все остальные соблазны в виде конфет и тому подобного он и его ватага решительно отвергли. Но ящика пепси (24 бутылки) у нас не было, и нам не удалось увидеть мастерские. Лишь попав в Набилю, мы поняли, что брат Шукри где-то здесь снаряжает керамикой очередной караван грузовиков в Ливию, к своему братишке. Сувениры же, которые мы считали ливийскими, оказались родом из Набиля.

В одной из лавчонок Набиля мы своими глазами увидели, как мастер в маленькой тунисской феске («шешии»), в очках, представившийся как Шадли, нехитрыми, но тонкими инструментами наносил резной арабский орнамент на глиняную кружку. Ручка ее, как и других подобных кружек, была необычна. Она имела вид рычага, перпендикулярного вертикальной оси сосуда. Внутренняя поверхность кружки покрыта голубой эмалью, внешняя — резьбой по некрашеной глине. Как раз этой резьбой Шадли и покрывал очередную кружку. На вид ему можно было дать около пятидесяти. Глиняная пыль запорошила его лоб, очки, усы. Черные веселые глаза и лукавая улыбка свидетельствовали о чувстве юмора и добром расположении духа. Видно было, что он любит свою работу и вкладывает в нее все, чем располагает его богатая фантазия народного умельца и душа художника. Сколько вносит резной узор одной кружки в благосостояние его семьи, мы не осмелились спросить, но поняли, что именно за его работу мы заплатили маленькому буржую Шукри очень высокую цену, да еще дали впридачу бутылку пепси-колы.

Мастера Набиля не отстают от века. На рисунках, которые они наносят на керамические изделия, есть и космические корабли, и космонавты в разных вариаци-

их, и архангелы, танцующие твист и шейк. Чего не сделаешь для увеличения спроса на свою продукцию!

Из Набиля в столицу Туниса мы возвращались обогащенные, с творениями подлинных мастеров своего дела, к тому же не требовавших пепси-колы в порядке надбавки к низкой цене. Навстречу нашему «Москвичу» выбегали босоногие мальчишки и предлагали радужные цикламены. Такой способ продажи цветов нам довелось наблюдать только на тунисских дорогах. При всей любви к цветам и расположению к мальчишкам — тунисским гаврошам мы остановились лишь однажды, да и то не столько для того, чтобы купить цикламены, сколько чтобы заснять грандиозный двуглавый Джебель Бу-Корнейн и отдать своеобразную дань внимания поэтической легенде местных жителей о появлении этой горы и ее спутников на равнинном основании мыса Бон. Легенда эта была мне известна еще за несколько лет до первой поездки в Тунис. Теперь я впервые видел Бу-Корнейн воочию, во всем его сонном немом величии. Легенда же такова.

В давние времена страна представляла собой обширную равнину от Тунисского моря и Хаммама (на запад) до песков юга. Но как-то однажды по всему белу свету раздался шум неслыханной силы. С запада на восток, в Мекку, шел караван гор-паломников. Среди гор, как всегда в среде паломников, были и богатые, и бедные. Богатые сами оплачивали свое путешествие, бедные были у них в услужении. Некоторые отправились в священный хадж во искупление грехов умерших гор, не сумевших побывать в Бейт-Аллах («Дом Господень»). Самые именитые и властные имели тюрбаны из облаков. Первым шел Джебель-Загуан, подобный льву, следом Рессас, за ним шагал Бу-Корнейн, имевший в ту пору только один горб, далее мерно выступали горы Бажауа, красавец Джебель-Ашкеуль. До самого горизонта растянулось величественное шествие — одна гора лучше другой. А из-за горизонта подходили все новые и новые, мудрые и великие горы.

Солнце начало садиться, и ясноликий Джебель-Ашкеуль решил освежиться купанием в Гараа. Он стал искать чистую и глубокую воду, но ее трудно было найти среди болот. Его спутники по хаджу обеспокоились, видя, что это ему не удастся. Но вот Джебель-Ашкеуль

выбрал место, где он мог напиться и совершить омовение. Освеженный и утоливший жажду, Джебель-Ашкеуль собрался догнать свое племя, но понял, что увяз в Гараа, как это случается с буйволами. Не видя никакого выхода, он принялся стонать. Горы услышали его стоны и остановились, закричали в тревоге, известная о беде весь караван. Паломники приняли решение сделать на этом месте привал, пока Джебель-Ашкеуль не будет извлечен из болотной тины. А Джебель-Загуан к тому времени тоже устал от жары и исходил потом. И один из самых богатых пилигримов — Джебель-Рессас, который вез с собой в Мекку большие сокровища металлов, тоже изнывал от зноя и походил на издыхающую рыбу, которая топорщит спинной плавник. Один Джебель Бу-Корнейн, самый неутомимый, замечтался о конечной цели путешествия.

Между тем пришла ночь, длившаяся века. Под покровом темноты демоны из полчища Иблиса нагнали такого мороза, что пилигримы замерзли в смертельном сне. Лучи солнца осветили уже окаменевших паломников: Джебель-Загуана, из боков которого струился источник, Джебель-Рессаса, сокровища которого принялись растаскивать шайки грабителей, Ашкеуля, который так и не смог выбраться из Гараа. До горизонта и далее, в том порядке, как они расположились на привал, были видны свернувшиеся во сне и прижавшиеся друг к другу силуэты гор. А Джебель Бу-Корнейн порос карликовыми пальмами и соснами и массой, подобных стрекозам, цикламенов, которые начали издавать пьянящий запах, восторгающих вас и поныне. Вдохнув полной грудью этот запах и отдав должное легенде, мы двинулись дальше по шоссе, рассекавшему блестящим от дождя клинком равнину, покрытую желтыми весенними цветами и изумрудными юными листьями виноградников.

Творения из Набиля благополучно добрались до Москвы и радуют сегодня всех, кто их видит.

Пиццария «Грот»

Неаполитанская пицца, как и спагетти, — неотъемлемое блюдо итальянской народной кухни. В него входят тесто, сыр и всевозможные пряности. Кафе, фирменным

блюдом которого является пицца, называется обычно пиццарией. Пиццарии бывают большие и маленькие, бедные и богатые. И есть они не только в Италии, но и во многих других государствах, особенно в странах Средиземноморья. Пиццы нам доводилось отвеживать и раньше, а вот в пиццарии побывать не приходилось. Такая возможность представилась нам в Тунисе в одну из вечеров суббот.

На Авеню де Пари — одной из главных улиц столицы — два соседних здания как будто немного отодвинулись друг от друга, образовав узкую расщелину. Свернув в нее и пройдя метров тридцать, мы вдруг оказались перед закрытой деревянной дверью синего цвета и с металлическим кольцом, заменяющим звонок. Дверь освещал старинный фонарь. Мы замедлили шаги и уже начали подумывать о том, не повернуть ли назад (пиццария открывается только в одиннадцать вечера), как нас обогнала стройная молодая женщина, с непокрытой головой, в темно-синем макси-пальто и золотых босоножках. Маленькой ручкой она живо взялась за кольцо и стукнула им трижды в дверь. «Наверное, сейчас скажет, — мелькнуло в сознании, — сим-сим, открой дверь. Мы все-таки на Арабском Востоке». Но дверь прекрасной брюнетке, а вместе с ней и нам открыл не сим-сим, а вполне европейского вида швейцар в униформе. Мы наступили в какой-то полумрак, и деревянная дверь сзади нас захлопнулась. Наша незнакомка куда-то исчезла, и мы попали... не в ловушку и не в притон, а в благоустроенную, приличную пиццарию, полумрак которой у входа должен создать у посетителя впечатление, что он попал в грот. Само же помещение пиццарии оформлено талантливыми художниками и архитекторами как сталактитовая пещера средней величины. Повсюду с потолка свисают сосульки, подсвечиваемые настоящими свечами на деревянных средневековых столах.

У стены, противоположной входу, над полом возвышается сантиметров на пятнадцать полукруглая сцена-дапсинг, радиусом около пяти метров, освещенная красными и синими фонарями под потолком пещеры.

В какой-то степени интерьер пиццарии напомнил нам один из дегустационных залов погребка «Нектар» в Ленинграде, также оформленного под пещеру. Только в

«Нектаре» скамьи вдоль столов покрыты медвежьими и бараньими шкурами, а в пиццарии гости сидят на темно-красных, почти бордовых, резных деревянных стульях с высокими спинками.

Мы расположились за свободным столиком, с которого удобно было наблюдать за залом и сценой. Между столиками бесшумно и быстро двигались вежливые официанты в темных смокингах. Один из них, с лицом, скорее, итальянским, чем арабским, на вид лет сорока пяти, сразу подошел к нам и предложил меню в кожаном переплете. Мы с интересом изучили ассортимент блюд и напитков. Названия даже исконно арабских блюд были написаны по-французски. Если судить по меню, окружающая нас экзотика изготовлена для зарубежного посетителя, главным образом французского. Но за большинством столиков звучала арабская речь. Может быть, потому, что туристский сезон еще не полностью вступил в свои права? Публика — в обычных европейских костюмах — была настроена особенно радостно, предвкушая хороший ужин и отдых перед выходным днем. В Тунисе выходной день — воскресенье в отличие от большинства других арабских стран, где люди испокон веков отдыхают в пятницу.

Эту тунисскую пиццарию отличало от кафе и других подобных заведений в большинстве арабских стран то, что ее гостями были не только мужчины, но и женщины без чадры, или «ассабы», как ее называют в Тунисе. Это обстоятельство особенно бросалось в глаза после соседней Ливии, о которой речь еще впереди.

Мы выбрали себе одну из многочисленных вариаций пиццы — пиццу с устрицами, учтя при этом, разумеется, что город Тунис находится на берегу Средиземного моря. Запивать экзотическое блюдо решили нежным золотистым тунисским вином «Тибар».

В зале раздались аплодисменты. Мощные светильники, спрятанные между свисавшими сосульками, осветили сцену. На сцену выходил ансамбль тунисских музыкальных инструментов из шести исполнителей. Один из артистов вышел вперед, тепло приветствовал публику и объявил первый номер — танец живота в исполнении известной танцовщицы Фатимы. На сцену под возгласы одобрения вступила наша невольная проводница в «Грот», но вместо макси-пальто на ней был уже тради-

нионный, состоящий из «национального бикини» и нескольких прикрепленных к поясу разноцветных туник наряд исполнительниц этого танца. Обuvi к этому танцу не полагается, поэтому Фатима выступала босиком.

В течение нескольких минут мы, зачарованные, восхищенно воспринимали нестареющее древнее искусство. Возможностям танцовщицы, казалось, нет предела. Она в совершенстве владела своим телом. Движения ее были безукоризненно точны, а их палитра — безгранична. В танце Фатима, видимо, олицетворяла собою «благоухающую невесту Магриба», как называют Тунис арабы. Танец завершился под восторженную овацию публики. Многие гости стоя восторженно благодарили исполнительницу. Официанты, не смеявшие двигаться во время танца, быстро засуетились с подносами, пользуясь перерывом. У нас на столе оказалась пышущая жаром пицца, обложенная жареными устрицами. Официант, обслуживавший наш столик и оказавшийся все-таки арабом, объяснил нам по секрету рецепт блюда.

На раскатанное и уложенное на противень тесто (толщиной три сантиметра) наносятся мелко нарезанные и выдержанные в растительном масле лук и чеснок, помидоры, томатная паста, соль, перец, всевозможные пряности, сыр, устрицы, стручки красного перца. Все это опрыскивается оливковым маслом и ставится в духовку, где запекается в течение около получаса. После этого блюдо готово к употреблению. Наш новый друг передавал секрет приготовления пиццы с таким знанием дела, что мы невольно усомнились, не работал ли он по совместительству и поваром. Выслушав его, мы принялись за чудесную пищу.

Ансамбль заиграл вновь. Сразу же выяснилось, что его участники не только аккомпаниаторы, но и великолепные певцы. Они исполняли народную тунисскую песню. Теперь, когда внимание зрителей было сосредоточено целиком на ансамбле, мы увидели, что обладатель наиболее красиво окрашенного тенора, сидевший в центре, — лишен зрения. Однако любовное шуточное содержание исполнявшейся песни и атмосфера веселья, господствовавшая в «пещере», захватили и его. Музыкант весело улыбался.

После первой песни прозвучала еще одна, после чего ансамбль удалился. Яркие светильники потухли, ос-

тавив сцену-дансинг под красно-синими бликами. Мы подумали было, что наступил перерыв минут на двадцать. Однако тут же мощный невидимый динамик перекрыл все разговоры за столами, обдав посетителей жаркой волной шейка. Почти все столики опустели. На сцене уместилось большинство стремившихся танцевать. Кому не хватило места на эстраде, те танцевали около своих столиков. Нам было очень интересно наблюдать за нараставшим весельем в необычных «пещерных» условиях тунисской пиццарии. Минуты через две мы различили среди танцевавших компанию из пяти человек, занимавшую соседний с нами столик. Их было пятеро: три девушки и два молодых человека. Судя по их лицам и одежде, это были тунисские специалисты, недавно окончившие вузы. Все три девушки танцевали рядом, образуя полукруг, напротив двух своих партнеров. Пятый, вернее пятая, не был лишней. Нам не сразу поэтому удалось определить, кто же эта пятая «нелишняя», так как подруги не давали ей почувствовать себя одинокой. Так они и танцевали весь вечер втроем, являя собой удивительный образец женской солидарности.

Поскольку в современном танце, как известно, благодаря его своеобразным па участники не отходят далеко от избранного ими первоначального места, масса танцующих не двигается по всей площадке, как, скажем, в вальсе. Из-за этого мы не сразу заметили и узнали нашу героиню Фатиму, оказавшуюся на другом конце сцены уже в качестве обычной посетительницы пиццарии. Она была теперь в самом модном женском наряде 1971 года, в так называемых горячих шортах, как бы соединяющих в себе идею шорт и мини-юбки.

Искусство Фатимы в танце живота не препятствовало ей лихо отплясывать современный танец, занесенный на землю древнего Карфагена ветрами XX века. Ярko-желтым «горячим» шортам и бежевым чулкам никто, видимо, кроме нас, не удивился, поскольку эта мода уже утвердилась ко времени нашего приезда в Тунис. Вскоре мы разглядели в красно-синем свете еще несколько женщин в подобных костюмах. Цвет шорт у них почти сливался с цветом чулок. Поэтому в сутолоке танца это сочетание можно было легко принять за обычные длинные брюки.

Но вот кончился и шейк. Снова вышла Фатима в

сопровождении музыкантов. На этот раз костюм ее состоял из «джуббы» — вышитой блузы, широких расшитых парчовых шаровар и красного кушака. Обуви на ее ногах опять не было. Теперь Фатима исполнила медленный и задумчивый национальный танец арабов острова Джерба.

Вечер продолжался в том же духе: арабские народные песни и танцы сменялись современными западными ритмами. А тем временем пиццы с устрицами на наших блюдах становилось все меньше. Время давно перевалило за полночь. Улучив удобный момент в перерыве между номерами, мы встали и направились к выходу. У самой двери одного из нас, Евгения Богучерского, окликнул его знакомый, деятель общества тунисско-советской дружбы, и представил ему какого-то человека в обычном европейском костюме. Оказалось, что это был местный комиссар полиции, охранявший покой и веселье посетителей «Грота». Женя быстро нашел с ним общий язык, произнеся широко распространенный в то время в Тунисе лозунг: «Народ и полиция — едины». Все были довольны и обменялись улыбками взаимопонимания.

Распахнув синюю дверь пиццарии, мы вышли под узкую полоску звездного неба, видневшегося сквозь расщелину между крышами двух домов.

Ливийское королевство

В ноябре 1968 года из Туниса мы проследовали в Ливию. Путь этот мы проделали по воздуху.

Самолету «Каравелла» ливийской авиакомпании для перелета из столицы Туниса в ливийскую столицу Триполи требуется час десять минут. Удобно, конечно, однако поездка на автобусе со всеми ее неудобствами намного интересней для путешественника. Дорожные надписи, бытовые сценки на автострадах чужой страны дают внимательному наблюдателю пищу для размышлений и сопоставлений. У нас же первое знакомство с ливийцами произошло в воздухе.

Расстояние между Тунисом и Триполи чуть меньше пути от Москвы до Ленинграда. Но за короткое время полета советские люди успели завоевать сердца новых знакомых — членов экипажа самолета и пассажиров-ливийцев. Мы разговорились с молодым человеком лет двадцати пяти, который, как оказалось, летел домой из Туниса, где проводил свой выходной день. Мухаммед работает бухгалтером в одной из иностранных компаний. Учился в Оксфорде, говорит на четырех иностранных языках. Он рассказал нам о своем интересе к Советскому Союзу, к марксизму. Во время учебы в Англии этот интерес побудил его вяться за марксистскую литературу, в частности за «Капитал», который он читал на немецком языке. Мухаммед чистосердечно признался, что «Капитал» дался ему с большим трудом.

В королевской Ливии была запрещена не только марксистская литература, но и всякая политическая деятельность. Имевшиеся здесь политические партии находились на нелегальном положении. Организация «Свободные офицеры», под руководством которой была свер-

гнута монархия, осуществляла свою деятельность в глубоко подполье.

Подлетаем к Триполи. Молодые стюардессы-ливийки по-своему выражают нам свое дружеское расположение: в благодарность за сувениры из Москвы они высыпают нам всю вкусную карамель со своих подносов.

Вот и Ливия, известная строгим паспортным и таможенным контролем, суровыми таможенными чиновниками. Однако и они не могут сдержать улыбки удивления, когда один за другим пять членов делегации советских арабистов подают им таможенные бланки, заполненные по-арабски, и по-арабски же отвечают на вопросы. И на протяжении поездки по стране наш арабский язык не раз служил основанием для недоуменного (вызывавшего уже нашу улыбку) вопроса: «Что, в Москве говорят по-арабски?»

В огромном автобусе авиакомпания, вместившем всех пассажиров самолета, мы направляемся из аэропорта в город. После часа езды — остановка в центре столицы. Поблизости не видно никакой гостиницы. Оказывается, что огромный автобус просто не может развернуться ни в одной из улочек, ведущих к нашей гостинице «Националь». Поэтому дальше мы следуем пешком, а наши чемоданы — в микроавтобусе.

Выйдя из автобуса и вдохнув воздух древней финикийской Оэи — современного Триполи, мы окончательно убеждаемся, что прибыли в страну нефти. Каждому вновь прибывающему в Ливию хочется так или иначе познакомиться с источником богатства страны, взглянуть на «истоки бума», о котором столько пишут и говорят. К сожалению, в 1968 году нам не удалось побывать ни на нефтепромыслах, ни в районах освоения новых месторождений, ни в нефтяных портах. Иностранные компании, бывшие тогда фактически государствами в ливийском монархическом государстве, не пускали советских людей в свои владения. Какая-то неведомая рука не только не пустила нас на нефтепромыслы, но и неуклонно старалась оградить от контактов с простыми ливийцами, с молодежью и студентами. Поэтому и о буме в экономике Ливии нам пришлось судить лишь по косвенным штрихам.

На 250 тысяч жителей Триполи в 1968 году приходилось 100 тысяч автомашин самых различных марок.

Примечательно, однако, что по узким улочкам старого города, где автомобиль не может проехать, бензин и керосин для мелких мастерских развозятся мулами в бочках на специальных повозках.

Однажды возле здания школы мы обратили внимание на учеников и учениц с галстуками разного цвета. На некоторых были и красные галстуки. Наше недоумение рассеялось объяснением, что цвет галстука определяет всего-навсего класс. Причем у девочек цвет галстука совпадает с цветом ленточек в косичках — дополнительное отличие.

На улицах ливийских городов и особенно за их пределами можно встретить (правда, нечасто) мужчин с полностью закрытыми лицами. На прохожих они смотрят через узкую щелку в синей или белой ткани, намотанной на лицо, голову и шею. В арабских странах ни у кого не вызовет удивления закутанная с головы до пят женщина, но мужчины... Эти мужчины — туареги, представители одного из многих национальных меньшинств Ливии, основное население которой (до 90%) составляют арабы. Считается, что туареги — потомки либо древнего населения теперешней территории Феццана, либо народа, бежавшего с побережья Средиземного моря на юг от римского или арабского нашествия. Внешне они выглядят очень эффектно: пропорционально сложенные, высокого роста, гибкие. Среди туарегов много грамотных, обученных читать и писать по туарегскому алфавиту, называемому «тифинаг». Примечательно, однако, что грамотой владеют в основном туарегские женщины и очень редко — мужчины. Женщины же передают из поколения в поколение устные легенды и были своего народа, слагают стихи. Это обстоятельство наводит многих исследователей на мысль, что общество туарегов переживает эпоху матриархата. На то же указывает и брачный обычай туарегов: у них невесты выбирают себе женихов (на своеобразных ярмарках), а не наоборот. Более того, мужчины не возражают, если женщины кроме мужей имеют любовников.

Живут туареги также в шатрах, но обтянуты они не тканью, как у арабских бедуинов, а шкурами диких животных. Во время еды туареги уединяются, стараются делать так, чтобы никто не видел их за едой, особенно арабы.

В Ливии туареги населяют главным образом оазисы Гат и Гадамес, а также кочуют по пустыне. Их численность составляет примерно пять тысяч человек. Всего же их в государствах Африки, имеющих выход к Сахаре, насчитывается до миллиона человек. В Нигере, например, 350 тысяч туарегов составляют 10% населения страны.

Издrevле туареги несли службу охраны караванов, пересекавших Сахару, а также служили в различных военных отрядах. Прекращение караванной торговли и установление мира в пустыне отняли у туарегов привычные заработки. Земледелие они презирают и предпочитают охотиться и собирать редко встречающиеся в пустыне дикорастущие плоды, ягоды и корни.

Исследователи этого народа писали, что туареги и поныне сохраняют деление на племена и кланы, объединяющиеся в конфедерации с наиболее сильными племенами во главе. Внутри каждого племени — свое деление: во главе стоит туарегская знать — «белые», ей подчинены «черные» туареги — потомки бывших рабов. Знать занимается военным делом: метает копья, фехтует на длинных средневековых мечах «такуба». Знатные женщины из трудовых навыков владеют только вышиванием. Всем необходимым «белых» туарегов обеспечивают «черные», а также ремесленники, находящиеся за пределами социальной организации туарегских племен. Как правило, это люди других народностей, связавшие свою судьбу с туарегами.

Светлокожие берберы представляют собой другое национальное меньшинство Ливии. В отличие от туарегов они коренные обитатели страны, населяющие Северную Африку с конца каменного века. Берберский язык является ветвью широко распространенной семито-хамитской группы языков, к которой относятся также древнеегипетский, коптский, сомалийский, оромо и амхарский языки. На одном из берберийских диалектов говорят и туареги. В подавляющем большинстве берберы ассимилировались с многочисленными пришельцами, но на западе Триполитании и в некоторых других районах страны они сохранили свою племенную организацию и культуру. Вместе с туарегами берберы составляют около 4% населения Ливии.

С древних времен живут в Ливии и темнокожие ту-

бу — выходцы из Чада и Нигера. Современные тубу отличаются необычайной выносливостью, а их язык (считающийся сегодня одним из суданских диалектов) арабы сравнивают со свистом птиц. Не исключено, что это тот самый народ, о котором писал в свое время Геродот, сравнивавший язык племени с «пронзительным криком летучих мышей».

Тубу — люди легкого сложения, стройные, с орлиными носами, тонкими губами и прямыми волосами. Они мусульмане, и многие из них живут в круглых хижинах с остроконечными крышами. Общая численность тубу — около трех тысяч человек.

Нет в Ливии более странного и уединенного национального меньшинства, чем давада — «червееды», которые живут и жили, по-видимому, веками в трех деревнях Западного Феццана. Известные также под названием «забытые богом», четыре сотни давада существуют главным образом за счет ловли червей в трех соленых озерах, расположенных, словно миражи, прямо между песчаными дюнами. По имеющимся свидетельствам, эти черви представляют собой в действительности разновидность креветок, из которых давада готовят пасту. Из пасты потом делают лепешки. Высушенные на солнце, лепешки готовы к употреблению.

Да, история, археология, в лучшем случае — этнография. Общение с современными ливийцами — самое беглое. Мимолетные встречи с рыбаками на городской набережной, с ткачом в его мастерской на городском базаре, с деканом университета в Триполи. На более дружеские встречи тружеников с делегацией общества советско-арабской дружбы королевские власти не пошли. Как-то мы невольно подслушали разговор шоферов, обслуживавших нашу делегацию. Один из них — грузный мужчина лет пятидесяти, в кепке и ковбойке, держа руки в карманах и опершись о крыло машины, говорил в сердцах, не подозревая, разумеется, что половина пассажиров-чужестранцев понимает его речь: «И что они пристали к этим русским? Не понимаю! Люди как люди. Так же смеются, как и мы». Встретив, таким образом, впервые в своей жизни русских, он с удивлением обнаружил их умение смеяться, как все. И этого оказалось достаточно, чтобы рухнули предубеждения, создававшиеся в течение десятилетий в сознании простых людей. А у

нас, в свою очередь, появилось свидетельство, что к нам «они пристали». Потому-то нас и водили главным образом по развалинам и музеям, где основные посетители — иностранные туристы, да по пустому университету, в котором уже не было студентов.

Улетали мы из королевской Ливии со смешанным чувством. Правда, на аэродроме нас несколько развеял здоровенный двухметровый детина лет двадцати пяти. Он говорил на правильном русском языке с американским акцентом. На четырех пальцах левой руки у него не хватало фаланг. Одет он был в серый с черными крапинками костюм и белую рубашку с черным вязанным галстуком. Оказалось, что это сын эмигрантов из Прибалтики, ныне постоянно проживающий во Франции и французский подданный. Отец его — эстонец, мать — русская. Она и научила его русскому языку. В Ливии этот молодой человек работал в одной из американских нефтяных компаний. Нас он спросил, как можно приехать туристом в Россию, посмотреть родину матери. Кто-то уже сумел его убедить в том, что как только он ступит на русскую землю, его тут же арестуют и отправят в Сибирь. Вся наша делегация, услышав это, дружно захохотала, и смех этот, как видно, больше всего поколебал прежнее убеждение нашего собеседника:

— Скажите, а это правда, что надо заполнять двадцать анкет, перед тем как приехать к вам туристом? Об этом рассказывала моя тетя, которая была в России два года тому назад.

Оживленная беседа продолжалась до сигнала на посадку.

— Ну вот,— думал каждый из нас,— техник-нефтяник из Франции и шофер из Триполи. Разные страны — разные уровни людей. Но и тот и другой — невольные жертвы сознательного одурманивания, которое, как выяснилось, быстрее всего рассеивается от простой улыбки.

Навстречу ливийской весне

Вторично в Ливию судьба привела одного из нас в феврале 1971 года. В этом месяце кончается дождливая зима и начинается яркая ливийская весна. Зацветают персики и яблони, гранаты и мушмула, на полтора-два

месяца ярко зеленеет пустыня. Как и во всем мире, в Ливии дети радостно бегают по лужам, согретым ласковым весенним солнцем. Так было всегда с приходом весны. Теперь же весна совпала с весной в жизни многострадального ливийского народа.

Два с небольшим года тому назад, в первый наш приезд, Ливия была монархией. Теперь эта страна — Ливийская Арабская Республика. Произошла не просто смена названия. 1 сентября 1969 года в стране совершилась антифеодальная и антимонархическая революция, которая повлекла за собой коренные преобразования во всех областях жизни народа. Ливия стала не только страной нефти, но и страной революции.

Одно из важнейших достижений революции — эвакуация иностранных войск.

Ликвидация громадной американской военной базы Уилус-Филд под Триполи нанесла весьма чувствительный удар по позициям империализма на Арабском Востоке и в Африке. База была не только военным плацдармом США на арабской земле. Здесь проходили подготовку американские, натовские и израильские летчики. Она служила и центром идеологических диверсий против арабов. Во время нашего первого пребывания в Ливии каждый вечер один из каналов телевидения, например, был занят передачей программы радиотелестанции на базе Уилус-Филд, составлявшейся по усмотрению американцев. В 1962 году стало известно, что на территории базы созданы склады для атомных и водородных бомб и проводятся работы по оборудованию ракетодомов. В районе базы было сконцентрировано около 20 тысяч военнослужащих США.

Монархическое правительство не могло, да по-настоящему и не хотело, ликвидировать Уилус-Филд, больше боясь собственного народа. И вот, решением республиканского правительства 28 марта и 11 июня были объявлены днями национального праздника ливийского народа. В эти дни 1970 года ливийскую землю покинули последние английские и американские солдаты.

Приготовления к празднованию нового весеннего праздника Яум аль-Джалая (День эвакуации), свидетелем и участником которого мне довелось стать, начались за несколько недель во всех городах и деревнях, в школах, государственных и общественных учрежде-

ниях и организациях ЛАР. Улицы были иллюминированы, украшены национальными флагами, праздничными плакатами и транспарантами. Наиболее активное участие в подготовке народного торжества приняла молодежь — учащиеся вузов и старших классов средних школ. Молодые люди разучивали стихи, песни, танцы, готовили театрализованные представления.

И вот праздник наступил. Главные торжества состоялись в городе Тобрук, откуда год назад были выведены английские войска. На городской площади имени Республики на массовом митинге трудящихся с большой речью выступил председатель Совета революционного командования и премьер-министр ЛАР. «Ливийский народ, — заявил он, — проявив свою решимость ночью 1 сентября, смог выдворить иностранные военные базы, спустить флаг колониализма и высоко поднять знамена свободы, республики, достоинства и престижа».

Еще днем по всей стране начались народные праздники. На постоянных и на специально построенных к этому дню сценах выступили профессиональные и самодеятельные ансамбли, почтившие память борцов, павших в борьбе за свободу ливийского народа, а затем выразившие в своих песнях и танцах радость освобождения. Учащиеся многих школ провели в этот день своеобразные воскресники, высадив в садах и на школьных дворах тысячи деревьев.

В день праздника мы вместе с советскими специалистами-нефтяниками, приглашенные министерством нефти ЛАР, выехали в летний лагерь бойскаутов, на расстоянии 33 километров от Триполи, где было организовано гулянье различных коллективов ливийской столицы (одних мужчин).

Лагерь расположен на берегу моря в сосновом лесу и прекрасно оборудован всем необходимым для отдыха. Сочетание моря и сосен напомнило нам прибалтийские края, больше всего Рижское взморье. Правда, берег здесь совсем другой. На десятки километров в обе стороны от Завии (так называется местечко) кромка берега состоит из скалистого песчаника со сплошными островами — крупными и мелкими — разломами и щербинами, которые не позволяют не только загорать лежа, но и ступать по ним босиком. В море же первая глубина (сантиметров десяти) через несколько шагов внезапно

обрывается и переходит в глубокую впадину, дна которой не видно даже в отлив. И чтобы дать все-таки бойскаутам, мальчикам и девочкам, возможность купаться в жаркие дни летних каникул, на территории лагеря построены два больших бассейна с морской водой. Один из них предназначен для плавания, другой — для прыжков с разнорысотной вышки.

Прибыв на место, мы осмотрели и другие культурные и спортивные сооружения лагеря. Особенно нам понравился миниатюрный амфитеатр на несколько сот человек, с круглой сценой-ареной. Несмотря на детские размеры театра, его акустика совершенна и не уступает акустике амфитеатра соседней Сабраты, древнефиникийского города-памятника. Есть в лагере и линейка для построения бойскаутов по утрам и вечерам. Она такая же, как у наших пионеров. Только на ее мачте два флажштока — для знамени лагеря и знамени Республики. Кое-где между соснами, главным образом на открытых местах, встречаются крупные кусты растения, цветы которого — желтые пушистые шарики — очень напоминают мимозу. Арабы называют его «тальхия» или «райский банан». Цветы кустарника настолько плотно покрывают концы веток, что те напоминают торчащие во все стороны очищенные бананы.

Пока мы знакомились с окрестностями, ливийские друзья освежались по арабской традиции барана и занялись приготовлением еды. Отдать должное их кулинарному мастерству мы смогли несколько позднее, когда на ковры, расстеленные прямо на сосновые иглы, были поданы блюда из баранины, чередовавшиеся с салатами, зеленью, фруктами, безалкогольными напитками (о строгом сухом законе в этой стране речь еще впереди). Сначала в огромной кастрюле с костра принесли нечто из бараньей печени и почек с мелко нарубленными макаронами и с приправой из томатов и красного перца. Затем последовало жаркое из баранины. После этого неподалеку от ковра разложили горячие древесные угли из костра и началось священнодействие с самыми сочными и мягкими кусками бараньего мяса. Легко можно было себе представить, что именно так лакомились бараниной бедуины много веков тому назад.

Тонкие широкие куски мяса, посыпанные солью, были выложены прямо на раскаленные угли. Через несколь-

ко минут, покрытые румяной корочкой и сажой, они были уже вполне готовы. И наши нефтяники безо всяких разногласий установили, что даже не выдержанное заранее в уксусе, без сухого вина и без хлеба, блюдо получилось великолепное.

На этом, однако, наше экзотическое пиршество не закончилось. Самый искусный из наших хозяев кулинар, господин Бакуш, приступил к приготовлению десертных напитков, известных, по его словам, только в столице и в округе Завия.

Чрезвычайно крепко заваренный чай он, сидя по-турецки, довольно долго переливал из одного чайника, высоко его поднимая, в другой, который держал низко, у самой земли. Проделывал он это до тех пор, пока жидкость не превратилась в сплошную коричневую пену. Распределяя затем напиток по крохотным стаканчикам, господин Бакуш еще добавил в него заварки и сахара и заметил при этом: «Это наша ливийская водка». Мы выпили по несколько стаканчиков-рюмок такого чая, но не заметили, чтобы кто-нибудь проявил признаки опьянения. Возможно, конечно, что уж очень крепкие мужчины подобрались в нашей компании.

За чаем-пенной последовал чай с миндалем. Этот напиток по способу приготовления был несколько проще первого, но не менее вкусным. Миндальные орехи, разваренные и очищенные, были разложены по рюмкам и залиты крепким чаем.

Праздник в лесу завершился советско-ливийской товарищеской футбольной встречей. Составленные экспромтом команды играли, как в Индии, босиком. Счет был в пользу укрепления взаимопонимания между двумя народами.

Когда мы вернулись в Триполи, уже стемнело. На главных улицах зажглись огни иллюминации, и многотысячная толпа ликовала, отмечая новый праздник, праздник жизни без иностранных оккупантов.

У источника надежды

Революция 1 сентября не только свергла короля и его клику. Она заставила распротиться со своими привилегиями и иностранные компании. Благодаря этому

советские люди смогли теперь познакомиться с истоками ливийского нефтяного чуда, посмотреть нефтяные компании иностранцев, которые со всего мира слетелись на запах ливийской нефти, как некогда на Аляску устремились золотодобытчики и авантюристы, влекомые жаждой желтого металла.

Наиболее пытливый читатель заинтересуется, конечно, тем, что же именно дало толчок этому ажиотажу, что было его первопричиной. Предвидя такой вопрос, мы в нескольких словах поведаем, как Ливия вдруг стала страной нефти.

Правда, все это произошло не так быстро, как на первый взгляд кажется. Открытие месторождения углеводородных соединений было впервые зарегистрировано в Ливии в 1914 году, во время бурения артезианского колодца в Сиди Месри, близ Триполи; на глубине 150 метров здесь были обнаружены следы метана. Интенсивные поиски запасов грунтовых вод, проводившиеся итальянцами в 20-х и 30-х годах, привели к еще нескольким открытиям, которые, однако, не имели промышленного значения.

Пионером поисков нефти в Ливии явился итальянский профессор Ардито Десио, составивший подробную геологическую карту той части Северной Африки, которая была захвачена итальянцами. В 1935 году он решил исследовать на газ и нефть артезианские колодцы, бурившиеся под его наблюдением. В 1937 году при рытье колодца близ Триполи он нашел метан и капли нефти, а год спустя наполнил нефтью целую бутылку, ставшую первым образцом сырой ливийской нефти. После обнаружения новых признаков нефти в колодцах равнины Гефара и в районе Мисураты Десио представил итальянскому правительству доклад о результатах своих работ. На его основе итальянской компанией АДЖИП вскоре была разработана специальная программа исследований. В 1940 году Десио разделил Ливию на 12 геологических зон, указав на зону Сирт как на одну из наиболее перспективных в нефтеносном отношении. Двадцать лет спустя главные нефтяные месторождения Ливии действительно были открыты именно в этой зоне. Однако в 1940 году, когда итальянцы направили в Сирт буровые установки, их технический уровень и оснастка оказались не приспособленными к суровым условиям пу-

стыни и не позволили достигнуть относительно глубоких продуктивных пластов. Правда, в ходе буровых работ признаки нефти были обнаружены и на небольших глубинах, но дальнейшие изыскания приостановили начавшиеся военные действия.

После окончания второй мировой войны результаты итальянских исследований заинтересовали компанию «Стандард Ойл». Однако в силу политической нестабильности в послевоенной Ливии разрешения на дальнейшие изыскания были выданы лишь спустя два года после получения страной независимости и принятия закона о минеральных ресурсах. В 1953 году такие разрешения получили девять крупных международных компаний. В пустыню были направлены небольшие геологические партии для составления первичных обзоров.

Начало ливийской «нефтяной лихорадке» положили два события 1955 года: была найдена нефть в алжирской Сахаре и тем самым доказано, что Северная Африка является нефтеносным регионом, а в июне в Ливии был принят закон (№ 25) о нефти. В соответствии с этим законом собственностью государства объявлялись все подземные минеральные ресурсы. Территория страны делилась на четыре зоны исследования и вводились правила и условия предоставления концессий, по которым доходы правительства должны составлять 50% прибыли от продажи сырой нефти после вычета всех расходов по ее добыче и транспортировке до порта отгрузки.

Первые концессии в соответствии с принятым законом были предоставлены в ноябре 1955 года, а в течение трех последующих лет между четырнадцатью международными нефтяными компаниями были распределены 55% ливийской территории. Следует подчеркнуть, что в отличие от большинства других богатых нефтью арабских стран Ливия не предоставила концессии какой-либо одной компании или консорциуму, и это обстоятельство позволило затем ливийскому правительству после революции 1 сентября 1969 года использовать в своих интересах противоречия между отдельными компаниями.

Исключительный интерес иностранных нефтяных компаний к Ливии объяснялся рядом причин: ее близостью к западноевропейским рынкам сбыта и отсут-

вием необходимости транспортировать ливийскую нефть через Суэцкий канал, относительной стабильностью политического режима, которую, по их мнению, гарантировало присутствие в стране американских и английских войск, и, наконец, весьма благоприятными условиями концессий. Все это и явилось причиной небывалого нефтяного бума. Только за период с 1956 по 1961 год иностранные компании вложили в разведку нефти 800 миллионов долларов.

8 апреля 1959 года геологами компании «Эссо» было открыто крупнейшее ливийское месторождение нефти Зелтен (в 300 километрах к югу от второй столицы страны — Бенгази). Из первой же скважины, известной под названием «Зелтен № 1», забил с глубины 1727 метров мощный фонтан нефти. Долгое время это была самая высокодебитная скважина Африки (до 2780 тонн в сутки). 8 апреля 1959 года считается днем начала добычи ливийской нефти. А 12 сентября 1961 года из нефтяного порта Марса аль-Брега, сооруженного компанией «Эссо» и соединенного с Зелтеном тридцатидюймовым нефтепроводом протяженностью 172 километра, отправился первый танкер, груженный ливийской нефтью. В этот день Ливия стала не только нефтепроизводящей, но и нефтеэкспортирующей страной.

К 1971 году нефтяная промышленность Ливии вступила уже во вторую декаду, и только тогда нам представился наконец счастливый случай взглянуть своими глазами на то, что в течение десяти лет было окутано покровом коммерческой тайны.

Ранним февральским утром, еще до рассвета, группа иностранных гостей, среди которых были и мы, собралась на Триполийском аэродроме, чтобы отправиться к источнику надежды ливийцев создать собственную нефтяную промышленность. Этот «источник надежды» носит название Умм-Фаруд.

Солнце озарило горизонт, и двухмоторный двадцатиместный «дуглас» (модели 1939 года), принадлежащий внутренней ливийской авиакомпания «Лавко», затарахтев как старый грузовик, разбежался и поднялся в воздух. Умм-Фаруд расположен к юго-востоку от Триполи, в глубине Ливийской пустыни. За иллюминатором, судя по всему, должны быть безжизненные пески. Но... что это за неровные зеленые полосы, вкрапленные в жел-

тое полотно? Нам объяснили, что после необычно сильных для Ливии дождей, прошедших в январе — начале февраля, зазеленели вади, куда стекла не успевшая просочиться в грунт вода. С воздуха они напоминали внезапно ожившие в пустыне бирюзовые реки, устремившиеся по своим древним руслам к морю.

Через два с половиной часа полета самолет пошел на посадку. Взлетной и посадочной полосой в Умм-Фаруде служит естественное известняковое плато, на котором кое-где возвышаются двадцати-тридцатиметровые песчаные останцы самой причудливой формы, издалика напоминающие величественные развалины древних храмов.

У самолета нас встретила группа рабочих и техников нефтепромысла во главе с его директором Баширом Гранатом, энергичным загорелым человеком. Баширу 36 лет. Всю свою сознательную жизнь он проработал на ливийских нефтяных месторождениях. Башир не получил специального образования, но благодаря своему живому уму он на практике сумел освоить большинство технических специальностей, связанных с разведкой, добычей и первичной обработкой нефти. В Триполи у него жена и четверо детей, он иногда навещает их, приезжая в столицу дня на три-четыре. Но не дай бог узнать, что на промысле что-нибудь не в порядке: тогда он тут же прервет свой короткий отпуск и возвратится на Умм-Фаруд. Башир правильно считает, что таких людей, как он, в Ливии пока мало. Он и гордится этим и понимает всю меру своей ответственности: именно от таких, как он, зависит сейчас, быть или не быть ливийской национальной нефтяной промышленности. Заработок директора высок, но, влюбленный в свою профессию, в свое дело, он согласился бы работать на Умм-Фаруде и за меньшую плату.

С посадочного поля направляемся прямо в столовую — в один из десяти вагончиков, где живут и отдыхают труженики промысла. Общий стол накрыт, видимо, скатертью-самобранкой, столько на нем всевозможных кушаний, приправ, напитков, и нечего, конечно, рассчитывать, что можно отведать хотя бы треть из всего этого обилия. Сухой закон избавил от необходимости произносить тосты и здравицы. Потекла оживленная, дружеская беседа. Напоследок Башир Гранат, ус-

мехнувшись, предложил на выбор «американский кофе» или «английский чай». Ирония его вполне понятна: несмотря на обилие тепла, солнца и на плодородие почв во многих районах страны, Ливия до сих пор не производит ни собственного чая, ни кофе.

После обеда осматривали поселок нефтяников. Правительство молодой республики проявляет заботливое внимание к людям, добывающим из недр страны черное золото. Каждый из комфортабельных вагончиков серовато-белого цвета оборудован кондиционной установкой, имеет душевую комнату с холодной и горячей водой и прочие удобства; каждая из двух жилых комнат примерно по 15 квадратных метров обставлена современной мебелью. Один вагончик отведен под клуб с бильярдной. Из Триполи на Умм-Фаруд регулярно доставляются продовольствие, питьевая вода, свежие газеты и журналы.

Из поселка на промысел нас ведет гостеприимный Башир Гранат, свои объяснения обильно пересыпающий шутками на арабском и английском языках. Он рассказывает, что до 1971 года промысел в течение семи лет принадлежал американской компании «Филлипс Петролеум», добывшей 12,3 миллиона баррелей нефти. В ночь с 4 на 5 января 1971 года он был национализирован и перешел в ведение ливийской национальной нефтяной компании ЛИНОКО.

4 января семь человек, инженеров и техников «Филлипс Петролеум», покинули промысел, а 5 января сотрудники ЛИНОКО не обнаружили на складе промысла запасных частей, исчезнувших вместе с прежними хозяевами. Как позднее выяснилось, «Филлипс Петролеум» заранее распродала все другим иностранным фирмам. Из шести генераторов промысла четыре не работали, и, как назло, в отпуске находились все ливийские механики, которые могли бы их отремонтировать. Но все эти трудности быстро удалось преодолеть благодаря энтузиазму ливийского персонала промысла. 6 января Умм-Фаруд снова стал давать нефть, но уже не иностранным хозяевам. И особенно большой вклад в решение неожиданно возникших технических проблем внесли Башир Гранат и молодой ливийский механик Мох Гет. Гету 25 лет. Он закончил техническое училище в Триполи и вот уже семь лет работает на Умм-Фаруде.

К моменту нашего посещения промысла там эксплуатировалось шесть скважин. Самая близкая из них находилась примерно в 500 метрах от конторы, до самой дальней — 10 километров. По словам сотрудников промысла, нефть Умм-Фаруда — самая высококачественная в Ливии. Отделение нефти от сопутствующих газа и воды производится автоматически. После первичной очистки нефть Умм-Фаруда по трубопроводам уходит на север к морю, к нефтяному порту Рас-Лануф. Здесь «черное золото» Ливии перекачивается в танкеры и отправляется в другие страны, главным образом Европы.

После того как Башир Гранат закончил свой интересный рассказ об Умм-Фаруде, а у гостей иссякли, казалось, бесконечные вопросы, мы вернулись в поселок. В центре квадрата, образованного жилыми вагончиками, рядом с баскетбольной площадкой, были установлены столы для гостей, а на них — кувшины, полные прохладного апельсинового сока. Утолив жажду знаний, мы смогли утолить теперь жажду в самом первом, основном смысле этого слова. После этого мы разместились в микроавтобусе, за руль сел Башир. На пути к взлетной дорожке автобус обогнал молодого верблюда, который пытался было бежать рядом, но скоро отстал и свернул в сторону. Башир крикнул ему по-английски: «Не бойся!», а потом, обернувшись к пассажирам, отрекомендовал: «Это мой верблюд». — «Но он не понимает по-английски», — возразил кто-то. — «Ничего подобного, он читает и пишет на этом языке», — заверил Башир.

Перед отлетом мы подошли к нескольким песчаным останцам, чтобы сфотографировать их на память. Природа изваяла из песчаника причудливые фигуры, похожие не только на обломки колонн или купола соборов, но и на человеческие лица, головы животных. «Вот эту махину мы называем Ноевым ковчегом», — объяснил Башир Гранат. Приглядевшись, мы действительно обнаружили в нерукотворном изваянии сходство если не с ковчегом, то с фрегатом XVIII века. Соответствующие имена жители Умм-Фаруда присвоили и другим останцам. В качестве сувениров каждый из участников этой увлекательной поездки прихватил с собой по несколько хорошо сохранившихся ракушек, найденных у подножия «Ноева ковчега», в доисторические времена находившегося на дне моря, теперь же поднявшегося над его уров-

нем на 254 метра. Именно на этой высоте и находится нефтепромысел Умм-Фаруд — первое предприятие создающейся нефтяной промышленности Ливийской Арабской Республики.

Марса аль-Брега — колыбель нефтяного чуда

О Марса аль-Брега мы уже говорили. Ныне это город-порт, центр нефтяной и газовой промышленности Ливии. Как населенный пункт Марса аль-Брега известен со времен Римской империи. До второй мировой войны он насчитывал около 1600 жителей. В 30-х годах возле городка итальянцы соорудили концентрационный лагерь для пленных бойцов ливийских сил Сопротивления, боровшихся против итальянских фашистов под руководством легендарного Омара аль-Мухтара. В лагере под Марса аль-Брега содержалось около 90 тысяч человек, большинство которых погибло от голода, жары и болезней. Во время второй мировой войны городок был полностью разрушен и покинут жителями. От прежних времен сохранились лишь развалины мечети недалеко от порта.

В 1959 году Марса аль-Брега был избран в качестве места для строительства нефтяного порта, обслуживающего месторождение Зелтен, инженерами американской нефтяной компании «Эссо Стандарт Либиа Инкорпорейтед» (сокращенно «Эссо»), филиала рокфеллеровской «Стандард Ойл Компани оф Нью-Джерси». В настоящее время город расположен в 810 километрах восточнее Триполи, на 240 километров южнее Бенгази, и насчитывает более полутора тысяч жителей тринадцати национальностей (ливийцы, американцы, канадцы, представители многих западноевропейских стран). Ко времени нашего визита здесь проживало 320 семей, из которых каждая занимала отдельный дом, и около 600 холостяков, населявших специальные кварталы. В городе есть поликлиника, торговый центр, ресторан, бюро путешествий, салон красоты, театр на 300 мест, яхтклуб, площадки для гольфа, клуб верховой езды и другие спортивные сооружения. Завод по дистилляции морской воды ежедневно производит для нужд города 2,5 мил-

лиона литров пресной воды. В городской школе обучаются более ста учащихся.

Таковы самые краткие данные о Марса аль-Брега, куда корреспонденту ТАСС в Триполи Юрию Тыссовскому и представлявшему газету «Анба Моску» («Московские новости») автору этих строк посчастливилось попасть 9 марта 1971 года в составе большой группы местных и иностранных журналистов. Поездка была организована общественным отделом «Эссо» по случаю предстоящей отправки первой партии ливийского сжиженного природного газа на танкере-газовозе «Эссо Брега» в Испанию. Из Триполи в Марса аль-Брега и обратно журналистов доставили на турбовинтовом самолете компании «Эссо». Мы с Юрием оказались среди первых советских людей, которым довелось осмотреть «чудо в пустыне». Во всяком случае, нигде — ни в литературе, ни в советской периодической печати — нам не встретилось до этого описание самого современного индустриального нефте-газового комплекса, имеющего свой порт, оборудованный новейшими средствами загрузки танкеров нефтью и газом.

Наше знакомство с Марса аль-Брега началось пресс-конференцией. Состоялась она в клубе при центре отдыха. Журналисты расположились в широких кожаных разноцветных креслах. Стены клуба обиты коричневой тканью с сине-зелено-фиолетовыми цветами. На потолке — фены. Официанты разносят кофе и соки со льдом, бисквиты и пончики.

Представители «Эссо» рассказывают краткую историю деятельности компании в Ливии, которую мы уже знаем. Затем следует демонстрация нескольких рекламных цветных фильмов. После этого с докладом о разработке компанией «Эссо» ливийских месторождений газа, о его переработке и экспорте выступает ливиец Ибрагим Хависа.

Ибрагим — один из наиболее популярных в Ливии нефтяников. Его портрет (в полный рост) был помещен в брошюре о нефтяной промышленности Ливии, которая раздавалась посетителям IX Международной триполиийской ярмарки 1971 года. В 1960 году Ибрагим окончил геологический факультет Каирского университета. Теперь ему около 40 лет. Он спокоен, уверен в себе. Не смущают его и самые остроумные и нескромные вопросы

журналистов. После конференции он — один из главных гидов в нашей поездке по Марса аль-Брега.

Солнце беспощадно к гостям. В воздухе постоянно ощущается запах гари от сжигаемого газа. Снимаем джемперы, надетые в дождливом Триполи, развязываем галстуки. Каждый что-то быстро записывает, фотографирует, снимает. Много интересного услышали мы в этот день о колыбели нефтяного чуда Ливии.

В настоящее время в Марса аль-Брега по нефтепроводам с месторождений поступает более 700 тысяч баррелей нефти в сутки. Нефть эта направляется в нефтехранилище (общей емкостью 4,3 миллиона баррелей), расположенное над портом и состоящее из 16 емкостей по 268 тысяч баррелей каждая. Из нефтехранилища через систему счетчиков нефть поступает в танкеры.

Загрузка танкеров (до 600 в год) нефтью производится с пяти специально оборудованных причалов, удаленных на расстояние до двух километров от берега. Три обычных причала оснащены бакенами, образующими полукруг, к которому пришвартовывается танкер. Шланг, присоединенный к концу подводной линии нефтепровода, поднимается на поверхность в центр полукруга и соединяется с системой трубопроводов танкера. Четвертый причал имеет так называемое дуговое причальное устройство. Он сооружен для загрузки танкеров в условиях быстро меняющихся свое направление ветров и бурного моря, характерных для залива Сирт, в котором расположен порт Марса аль-Брега. Танкеры пришвартовываются здесь к стальной опоре, находящейся в центре дуги. Благодаря вращающемуся загрузочному рукаву они, производя погрузку, могут совершить полный круг под сильным ветром. Погрузка из-за этого не прерывается. Пятый причал подобен по конструкции четвертому. Он был сооружен специально для загрузки крупных танкеров — водоизмещением до трехсот тысяч тонн.

Экспорт сырой нефти по-прежнему является основной функцией города-порта Марса аль-Брега. Основной, но не единственной. Имеющийся здесь нефтеперерабатывающий завод производит два сорта бензина, керосин и различные масла для сбыта на местном рынке. Завод в течение нескольких лет был единственным предприятием подобного рода в Ливии. Построенный в Бельгии,

он был привезен в собранном виде на железобетонной барже и доставлен на место теперешнего расположения предприятия по специально прорытому каналу. Здесь баржа была затоплена, образовав фундамент завода, а канал засыпан.

После обеда, который проходил в полном молчании, мы продолжили осмотр города. Вновь зазвучал гимн современной технике, опять мы окунулись в хитросплетения технической мысли империалистических компаний.

Именно в Марса аль-Брега находится крупнейший в мире завод по сжижению природного газа. Процесс сжижения газа ливийских месторождений чрезвычайно сложен, но мы не собираемся утомлять читателя техническими описаниями. Остановимся только на нескольких любопытных особенностях этого производства и предприятия.

В процессе сжижения газ проходит через четыре изолированных теплообменника, каждый из которых имеет высоту 60 метров и весит 215 тонн (содержит более 840 километров полудюймовых трубок). Для перевозки каждого такого теплообменника из американского штата Пенсильвания, где они были изготовлены, в порт Нью-Йорка потребовалось пять железнодорожных платформ, так что пришлось выпрямлять некоторые участки железной дороги. Эти агрегаты явились самым дорогостоящим и самым крупногабаритным оборудованием завода в Марса аль-Брега и самым крупным из когда-либо отправлявшегося из нью-йоркского порта. Только три судна в мире могли их транспортировать.

Из Марса аль-Брега сжиженный газ будет перевозиться в Испанию и Италию четыремя специально спроектированными танкерами-газовозами.

Во время нашего посещения газового завода там шли съемки фильма для триполийского телевидения. Два популярных в Ливии комических актера выступали в роли средневековых мудрецов-шейхов, перенесенных в XX век и рассуждающих об окружающем с позиций мировоззрения эпохи Арабского халифата. Нечто вроде Ходжи Насреддина в сегодняшней Средней Азии. Только в ливийском фильме два героя, и они могут вести смешной диалог. Средневековые мудрецы вместе с кинооператорами поднимаются на один из теплообменников. Что они говорят там, на высоте, нам не слышно, но опреде-

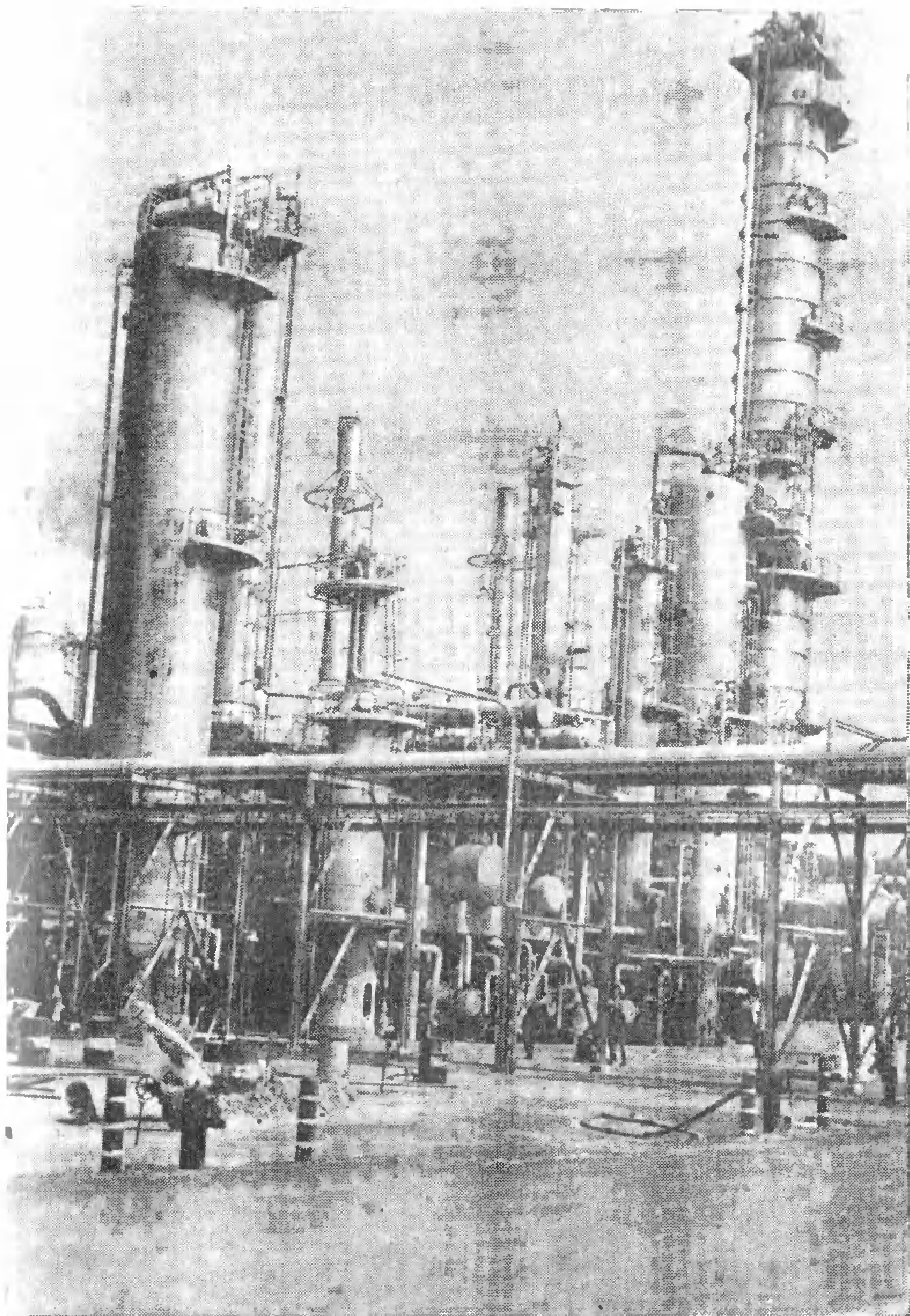

ленно что-то очень смешное: мы видим, что телеоператоры — первые зрители — все время смеются.

Нам показали, кажется, все. Подвели даже к огороженной сеткой системе автоматических счетчиков, охраняемой автоматчиком. Счетчики невозмутимо отсчитывают, сколько нефти и газа прибывает из пустыни в Марса аль-Брега и сколько погружено на танкеры. Не были мы только в жилых помещениях — ни холостяков, ни 320 разноязыких семейств. На нашу просьбу о разрешении заглянуть к кому-нибудь, посмотреть, как здесь живут люди, управляющие новейшей техникой, последовал вежливый, но твердый отказ: «Такие визиты программой поездки не предусмотрены». Зато нам показали пустующий днем кагельбан и городской театр. Перед отлетом — еще раз в клубе, последние вопросы и последние ответы.

Пока продолжалась наша экскурсия, самолет уже несколько раз слетал в Триполи и обратно. Когда мы вернулись на аэродром Марса аль-Брега, он только что вернулся из очередного рейса. По трапу спускались сотрудники компании со своими одетыми по последней европейской моде женами и детьми. Некоторые, видимо, летали в Триполи отдохнуть, другие — впервые прибыли в Марса аль-Брега. Представители «Эссо» сообщили в порядке комментария, что перевоз одной семьи из США в Марса аль-Брега обходится в десять тысяч долларов. В этом одна из причин заинтересованности компании в том, чтобы сотрудники оставались здесь как можно дольше. Ради этого же в Марса аль-Брега для них создаются максимальные удобства, как жилищные, так и в отношении снабжения и отдыха. Все здесь как будто предусмотрено и рассчитано. Однако, по словам жителей города, чувство изолированности от внешнего мира не покидает их. Куда бы они ни ехали — утром на работу или обратно, — вокруг все та же безжизненная пустыня да на горизонте однообразного залива Сирт маячат игрушечные фигурки танкеров.

Размышляя на обратном пути об увиденном и услышанном, мы пришли к выводу, что поставка газа в Испанию — всего лишь удобный предлог для приглашения журналистов в самый разгар нового тура переговоров ливийского правительства с иностранными нефтяными компаниями. Ливийцы требовали нового значительного повышения цен на свою нефть в соответствии с ее вы-

**Крупнейший в мире завод
по сжижению природного газа**

сокими качествами и положением на мировом рынке «Эссо» же, крупнейшая оперирующая в Ливии нефтяная компания, использовала момент, чтобы через прессу, радио и телевидение продемонстрировать свои достижения и показать, как много она сделала и делает для ливийцев: так много, что у них не может быть к ней никаких претензий. Однако не прошло и месяца со времени нашего визита в Марса аль-Брега, как весь мир облетело известие, что новая, так называемая справочная, цена ливийской нефти возросла за баррель с 2 долларов 55 центов до 3 долларов 45 центов. Компании, в том числе и «Эссо», были вынуждены пойти и на другие уступки. Наряду с важным экономическим эффектом апрельские соглашения 1971 года с иностранными компаниями явились новой победой ливийского народа над империализмом, вкладом в антиимпериалистическую борьбу арабских и африканских народов в целом.

Западная независимая

«Оксидентл» по-английски означает «западный». Такое наименование избрала себе американская нефтяная компания, которая действует самостоятельно, независимо от международного нефтяного картеля, объединяющего большинство остальных оперирующих в Ливии компаний. Проникновение «Оксидентл» и других независимых компаний в ливийскую нефтяную промышленность стало возможно благодаря упоминавшемуся закону № 25.

За последние несколько лет компания «Оксидентл» добилась больших успехов и стала одной из ведущих в нефтедобыче Ливии. Вывоз нефти из страны она осуществляет через собственный нефтяной порт Зуэтина, один из пяти нефте-газовых портов ЛАР. Зуэтина расположен в 160 километрах южнее города Бенгази. К ней ведут нефтепроводы от группы месторождений Интисар и Ауджила, находящихся в ведении «Оксидентл».

Зуэтину мы посетили с руководителем советских консультантов-нефтяников в министерстве нефти ЛАР по приглашению ливийских друзей. Произошло это вскоре после поездки в Марса аль-Брега. В один день с нами, но на другом самолете в Зуэтину прибыла нигерийская

делегация из трех человек, так что наш визит принял интернациональный характер.

Принимали нас не ливийцы, а два англичанина и два американца. Судьба столкнула нас лицом к лицу если не с самими империалистическими хищниками, то с верными исполнителями их воли. Все четыре наших хозяина — фигуры колоритные, своими глазами видевшие чуть не весь белый свет. Их трудно чем бы то ни было удивить.

Пожилой, но стройный и сухощавый англичанин отрекомендовался как Джон. Загорелое лицо с правильными чертами. Спокойные глаза. Черные с проседью красиво причесанные волосы. Говорит мягко, неторопливо. Одет очень просто: серая рубашка апаш, коричневый джемпер, башмаки на толстой подошве. До Ливии он 18 лет проработал в Кувейте. Видимо, он главный инженер Зуэтины, лучше всех разбирающийся в технике подачи нефти в порт и загрузки ее в танкеры, поскольку все это объясняет гостям именно он. На территории порта 12 нефтехранилищ емкостью 560 тысяч баррелей каждое и одно — 316 тысяч баррелей.

Мы стоим на небольшом холме, с которого хорошо виден весь порт с его сооружениями, поселок нефтяников, бухта с несколькими танкерами под погрузкой. Солнце направляет свои утренние лучи нам в спину и в лицо Джону. Он достает темные очки и неторопливо надевает, продолжая рассказ.

Через систему счетчиков нефть поступает по трубам к пяти причалам для перекачки в танкеры. Погрузка на причалах может производиться, как в Марса аль-Брега, независимо от условий погоды. Ежегодно нефтью загружаются три-пять танкеров. В течение 1970 года через Зуэтину было вывезено более 30 миллионов тонн нефти (пятая часть всей экспортируемой из Ливии).

Начинаем задавать вопросы. Наши нигерийские коллеги интересуются системой счетчиков. Они хотят знать, что случится, если счетчик где-нибудь на линии выйдет из строя. Джон невозмутимо отвечает, что в таком случае вся линия перекрывается, а на пульте управления загорается красная лампа.

Садимся в машины и направляемся к двухэтажному в стиле модерн зданию управления портом. Здесь осматриваем «контрол рум» («контрольную комнату») — серд-

це и мозг Зуэтины, откуда автоматически ведется управление всеми операциями по перекачке и погрузке нефти. На табло каждую минуту фиксируются данные о ходе загрузки танкеров. Отсюда можно связаться по радио с промыслами и танкерами. Светло-синие стекла больших окон защищают от солнца двух операторов. Операторы — за пультами. Это бородачи средних лет, один в белых, другой в синих шортах. Оба курят трубки. Тихо гудят кондиционеры. Время от времени включается радиосвязь. Не выпуская изо рта трубок, бородачи отвечают что-то в зеленые микрофоны на непонятном жаргоне. Нас они удостаивают только короткого взгляда и кивка приветствия.

Экскурсия продолжается уже около трех часов. Один из сопровождающих нас американцев, похлопывая себя по животу, предлагает сделать перерыв и пообедать. Мы не возражаем — время обеденное. Подъезжаем к одноэтажному зданию клуба нефтяников. В клубе — просторные помещения для игры в бильярд, пинг-понг, ресторан, бар. Бар, как везде в Ливии, закрыт вследствие сухого закона. К нам присоединяются любезный и застенчивый господин Нами, начальник протокольного отдела министерства нефти ЛАР, и еще какой-то высокий ливиец в темных очках. Господин Нами — один из организаторов нашей поездки в Зуэтину. По образованию он литератор и юрист. Литературу он изучал в ФРГ, а юриспруденцию в Триполийском университете. Кроме арабского знает английский, итальянский и немецкий языки.

Столы, накрытые белым пластиком, поставлены в виде буквы «Г». Здесь действует так называемый шведский стол: нефтяники сами выбирают себе еду и собственноручно доставляют ее на свое место. Безалкогольные напитки, соки, вода и приправы уже расставлены равномерно возле приборов. Кухня отличная. Блюда французские, английские, американские, арабские. Шеф-повар ресторана приехал в Зуэтину из Бейрута, где научился удовлетворять вкусы представителей разных народов.

За столом завязывается общий разговор. Мы узнаем, что главный администратор здесь — Джеймс Бастин, тот самый, что предложил нам пообедать. На его визитной карточке значится: «Помощник вице-президента по операциям». Джеймс — среднего роста человек, лет тридцати семи, с широким лицом. Когда он снял шляпу, стало

ясно, что расческа ему уже ни к чему. На нем были шерстяная рубашка болотного цвета и светлые брюки. Носки ног его развернуты, из-за чего он ступает как бы переваливаясь. Говорит Джеймс на отчаянном тexasском диалекте. Второй американец, Дан, жалуется: «Я из Калифорнии, где говорят совсем по-другому. Поэтому я не всегда понимаю Джеймса. Нет-нет да и приходится переспрашивать». Дан — высокий и молодой, с римским носом и массивным золотым кольцом, занимающим половину безымянного пальца на левой руке. По своей ли воле или по желанию нефтяных монополий он работал до Ливии на Аляске и в Венесуэле. По его словам, Венесуэла еще более дорогая страна, чем Ливия: цены на продукты питания и предметы ширпотреба забрались там на недостижимую высоту.

Второй англичанин, Майкл, встречал нас на аэродроме. Это невысокий подвижный человек, седой, с черными пронизательными глазами. Он был в светлом кепи и светлой рубашке. Говорил меньше других — в основном отвечал на вопросы.

Попадая в медвежьи уголки чужой страны, невольно хочешь почувствовать себя первооткрывателем. «Мы, наверное, первые русские в Зуэтинне», — делимся мы с Майклом. И неожиданно получаем отрицательный ответ: «Нет, год назад здесь уже были пятеро русских». Оказывается, в прошлом году Зуэтину посетила делегация советских нефтяников из Госплана. Разговор продолжается. Говорим о себе, о Москве, о своих впечатлениях от Зуэтины. Обед близится к концу. Подали (официанты все-таки есть!) кофе. Прозрачные сахарницы закрыты светлыми металлическими крышками. Пытаюсь отвинтить крышку, чтобы достать ложкой песку. Дан улыбается, да и сам чувствую, что делаю что-то не так. И верно, в крышку вмонтирован прямоугольный клапан с колпачком. Если придержать колпачок, сахар легко посыплется. Очень удобно. Радуюсь, что не успел отвинтить крышку.

После обеда едем осматривать объекты Зуэтины, строительство которых еще не закончено. Рядом с нефтяным портом на капиталовложения «Оксидентл» строится второй в Ливии завод по сжижению природного газа и специальный газовый порт. Джеймс, который снова надел шляпу, говорит, что строительство должно бы уже

быть завершено, но после революции 1 сентября строительные и монтажные работы приостановились из-за ухода ряда специалистов, а также из-за переговоров о ценах на нефть с республиканским правительством. Сбыть продукцию завода «Оксидентл» собирается на международных рынках. Местный ливийский рынок газа к моменту запуска завода, по словам Джеймса, уже будет захвачен компанией «Эссо». Мы ходим между уже установленными гигантскими теплообменниками, подобными тем, которые видели в Марса аль-Брега. Стучат молотки монтажников в специальных серебристых касках, работают лебедки, бульдозеры, подъемные механизмы. Того и гляди, что-нибудь сверху упадет. Темные громадины то и дело озаряются вспышками сварочных работ. Идет активный процесс созидания. Но для кого и во имя чего? Джеймс Бастин говорит, как бы характеризуя размах строительства: «Мы строим, чтобы остаться здесь». Но только беспристрастная история выявит, кому и где оставаться. Ведь и создавая на ливийской земле гигантскую военную базу Уилус-Филд, американцы тоже, наверное, не думали уходить.

Среди всей этой современной могучей техники мы увидели вдруг с десяток ливийцев в одежде феллахов, которые обычными штыковыми лопатами рыли неширокую канаву для кабеля. «Как это у вас уживаются вместе новейшие механизмы и ручной труд?» — спросили мы у Майкла. «Видите ли, — ответил он, — правительство, стремясь решить проблему занятости населения, обязывает нас предоставлять работу неквалифицированным рабочим». Мы подошли к землекопам, которые нас дружески приветствовали. Из разговора с вчерашними бедуинами и феллахами выяснилось, что компания платит им установленный республиканскими законами минимум — один ливийский фунт в день. Это не так уж и много, но позволяет сводить концы с концами. Революция 1 сентября сделала, таким образом, для них то, чего не в состоянии было сделать королевское правительство: обеспечила прожиточный минимум, заставив раскошелиться нефтяные компании.

Покидая строительную площадку, мы задумались еще над одним вопросом: почему за весь день в Зуэтине нам не встретила ни одна женщина? Оказалось, что здесь работают одни только холостяки, настоящие или

временные. Семьи специалистов находятся в Триполи. Мужья и отцы летают туда на неделю после каждых двух недель работы в Зуэтинe. Можно поступать и иначе: после четырех недель работы взять сразу три недели отпуска и провести его в краях, где кроме солнца есть также и снег и лес. После такого объяснения мы и сами не захотели осматривать холостяцкий поселок.

У обитателей Зуэтины чувство изолированности от внешнего мира должно быть еще сильнее, чем в Марса аль-Брега. Здесь популярны фразы, приписываемые впервые сюда прибывающим. «Как красива просыпающаяся пустыня в Зуэтинe!» — говорят они утром, сойдя с самолета, и вечером: «Когда будет следующий самолет из Зуэтины?». Мы, правда, об этом не спрашивали, потому что точно знали, что какой-нибудь да будет.

Местный аэродром расположен в углублении между песчаных холмов, и вид на него открывается лишь после того, как их перевалишь. Когда наши машины начали спуск, мы увидели на взлетной полосе нечто среднее между диковинным планером и истребителем. Хозяева развеяли наше недоумение: перед нами стоял красавец «фальконе», восьмиместный реактивный самолет, на котором нам предстояло вернуться в Триполи. Позднее авиаторы разъяснили нам, что «фальконе» относится к специальному классу машин, предназначенных для «деловых полетов». Руководство «Оксидентл» вызвало самолет из Парижа, где находится главная контора компании, на время переговоров с ливийским правительством для обслуживания своей делегации.

Однако нам недолго пришлось восхищаться техникой. Заслышав шум подъезжающих автомашин, в дверях самолета показалась (впервые в Зуэтинe) женщина, и у сыновей разных народов, собравшихся в этот момент на взлетной полосе, перехватило дыхание. Жизель — стюардесса «фальконе» — приветствовала нас с мягкой, доброй улыбкой на красивом лице. Она была не в летной форме, а в светло-сиреневом мини-платье. Черные, ниспадающие до плеч волосы и ровные белые зубы. Небесного ангела все собравшиеся тотчас единогласно провозгласили «Мисс Зуэтина». Жизель объявила посадку, и мы, быстро поблагодарив любезных хозяев, устремились к самолету. В обычном трапе не было необходимости, так как фюзеляж самолета почти касался земли.

Вполне достаточной оказалась металлическая лесенка с тремя ступеньками. Джеймс Бастин объявил, что летит с нами. В восьмиместном плюшевом салоне неожиданно оказалось девять человек: его хозяйка Жизель, трое нигерийцев, двое русских, Джеймс Бастин, господин Нами и ливиец в темных очках. Кому-то надо было остаться. Дин предложил: «Оставьте с нами девушку», но пассажиры запротестовали в один голос. В конце концов выйти пришлось высокому молодому человеку, так и не снявшему темных очков.

«Фальконе», оправдывая свое название (по-итальянски — «сокол»), взвился в небо почти вертикально. Мы отстегнули ремни, и Жизель приступила к исполнению своих обязанностей. Она назвала высоту и скорость полета и затем предложила большой выбор безалкогольных и спиртных напитков. «Не ослышались ли мы? Разве мы не в стране сухого закона?» — «Нет, нет», — улыбнулась Жизель. Господин Нами, вероятно, из уважения к ливийскому законодательству, выбрал грейпфрутовый сок, нигерийцы — виски с содовой, русские — джин с тоником, Джеймс — коньяк «Мартель», и все, по предложению кого-то из нигерийцев, с удовольствием выпили за здоровье Жизель. После первого же тоста сразу исчезла некоторая скованность, не оставлявшая и гостей и хозяев в Зуэтинне, все сразу заговорили. А чародейка Жизель продолжала нас угощать. Она предлагала вафли, крохотное соленое печенье с тмином, сигареты. Мы же, вознаграждая себя за невозможность фотографировать в Зуэтинне («Запрещено полицией!»), достали свои камеры и без конца снимали очаровательную хозяйку «фальконе». К сожалению, полет был слишком коротким: наш реактивный микролайнер проделал обратный путь в Триполи менее чем за час. Не верилось, что уже пора выходить. Кто-то даже предложил: «Не полететь ли нам обратно в Зуэтинну?» Но ничего не поделаешь. Благодарим пилотов и, конечно, Жизель за незабываемый полет, обещаем прислать снимки.

Джеймс предлагает довезти нас до города в своей машине. На время поездок по Ливии он оставляет ее на стоянке перед зданием аэровокзала. Расстояние от аэродрома до города — немалое, около тридцати километров. Джеймс умело ведет машину со средней скоростью 120 километров в час. Стараемся не отвлекать

его, переговариваемся лишь изредка, больше смотрим в полуоткрытое окно.

Не нужна большая фантазия, чтобы представить себе, что едешь по дорогам Подмосковья, а не по Африке, до такой степени отдельные отрезки пути напоминали мне среднерусский пейзаж, а белые эвкалипты со склонившимися ветвями — наши ивушки.

Подъезжая к Триполи или покидая его, вы обязательно пересечете пояс «бидонвилей», непременно принадлежность африканских городов. Но ведь Ливия теперь — самая богатая страна на континенте (по доходу на душу населения). Как же объяснить это нагромождение старых ящиков, бочек и прочей тары, среди которых ютятся люди? Когда налетает резкий ветер из пустыни, конуроподобные жилища только чудом не разваливаются под песчаными шквалами, отчаянно цепляясь за грунт.

Причина появления «бидонвилей» — в уродливом, одностороннем развитии страны. Это результат деятельности здесь нефтяных компаний, таких, как «Эссо», «Филлипс Петролеум», «Оксидентл» и многие другие. Бум в нефтяной промышленности имел не только положительные, но и отрицательные последствия для экономики страны. Началась миграция сельского населения в города, на нефтепромыслы — за заработком. Миграция эта привела к сокращению производства сельскохозяйственных культур и в то же время к резкому повышению спроса на продовольствие и к повышению цен на него. Вчерашний феллах превратился из производителя продовольствия в потребителя. Быстро начал сокращаться экспорт сельскохозяйственных культур, резко возрос импорт продовольствия. Миграция же ливийского населения вызвала перенаселение городов, так или иначе связанных с нефтяной промышленностью, и породила «бидонвили». Вслед за повышением цен на продовольствие и стройматериалы стала быстро расти арендная плата за земельные участки, жилые и прочие здания.

Ливийцы, которым удалось все-таки устроиться на работу в нефтяную промышленность, не имели, как правило, никаких специальных знаний и должны были довольствоваться положением разнорабочих или обслуживающего персонала. С такими рабочими мы и познакомились в Зуэтине...

Миновав пояс «бидонвилей», въезжаем в пригород

Триполи, протянувшийся вдоль моря. Стараемся переключиться с «бидонвилей» на другие темы. Спрашиваем у гостеприимного Джеймса, откуда он родом. Оказывается — из Далласа. У большинства наших современников Даллас ассоциируется с неразгаданным «убийством века» — гибелью президента Кеннеди. Спрашиваем Джеймса, любил он или ненавидел покойного президента. Следует уклончивый ответ: «Когда убили Кеннеди, я находился в Венесуэле. Смерть его весьма меня опечалила. А вообще Даллас — очень красивый город». С этим мы, собственно, не можем спорить, так как никогда в Далласе не бывали. Относительно же убийства Кеннеди наш водитель придерживается официальной точки зрения в соответствии с докладом комиссии Уоррена, тогда как мы больше согласны с гипотезой прокурора Гаррисона, изложенной в книге профессора Н. Н. Яковлева «Преступившие грань». Взгляды у нас, таким образом, разные, и не только на убийство Джона Кеннеди, но и на многие другие вещи, в частности на деятельность иностранных нефтяных компаний на Арабском Востоке. Мы считаем, что природные ресурсы арабских стран должны принадлежать их народам, а не иностранным компаниям, пусть независимым.

До Триполи домчались быстро, учитывая скорость «Форда», и, несмотря на разногласия, расстались добрыми знакомыми. Джеймс обещал пригласить нас на чашку кофе, но встретиться нам больше не пришлось: видимо, он уехал в Венесуэлу, а может быть, в Даллас.

Жемчужина в песке

Есть в Ливии такое место, посетив которое, человек уже не в состоянии его забыть. Оно навсегда остается в сознании и сердце наряду с самыми яркими впечатлениями юности.

Называется это место Лептис Магна или Лептис Великая (по-финикийски — Лепки, по-латински — Лепсис). Происхождение первой части названия точно не установлено. Имеется три версии. Согласно одной из них, слово «лептис» произошло от наименования древнего ливийского племени лаута, трансформировавшегося в «либатэ», «либадэ». Сторонники второй версии считают,

что слово произошло от финикийского «либада», где «ли» — предлог, а «бада» — «пустыня» (вместе означают «город в пустыне»). По третьей версии, «лептис» того же происхождения, что и «либиа», по древнему ливийскому племени лебу, или ребу, упоминающемуся в древнеегипетских записях II тысячелетия до нашей эры.

Когда-то Лептис Магна была оживленным, прекрасным городом. Теперь она — археологический памятник, в камне которого навсегда застыли бушевавшие в течение многих веков страсти и мысли многих поколений. Откопанные из песка остатки сооружений являют собой жемчужину человеческой фантазии — архитектуры и инженерного искусства. Несомненно, Лептис относится к величайшим архитектурным памятникам древности, известным нашим современникам.

Руины Лептиса расположены в трех километрах от современного ливийского города Хомс и в 123 километрах к востоку от Триполи. Через два часа езды на автобусе по ровному шоссе, разрезающему однообразную полупустыню, прибываем на огороженную, посыпанную гравием площадку, дальше которой проезд запрещен. Огромные транспаранты на пяти языках перечисляют множество правил, которые не следует нарушать посетителям. На территории бывшей Лептис продолжаются археологические изыскания.

Гид, любезный как все его коллеги во всем мире, покупает билеты для нашей делегации и предлагает пройти в навек уснувшее царство. Молодого гида зовут Тахи. Он историк. Чувствуется, что он очень любит Лептис и историю своей страны вообще. Рассказ его жив, красочен и очень конкретен. Говорит он попеременно по-арабски и по-английски, предупреждая вопросы, которые читает в наших глазах.

Финикийцы основали свои поселения, подобные Карфагену, на всем Средиземноморском побережье Африки. На территории современной Ливии таким постом финикийцев и была Лептис Магна, расположенная в укрытом устье реки, доступном морским приливам. Историки предполагают, что Лептис был одним из самых древних финикийских поселений. С течением времени она превратилась в крупную торговую колонию. В римскую эпоху город долгое время пользовался полунезависимостью от Рима, однако за полвека до нашей эры стал

такой же частью Римской империи, как все другие ее провинции. После поражения Помпея в гражданской войне с Юлием Цезарем Лептис Магна, поддержавшая Помпея, в 46 году до нашей эры была обложена в качестве наказания тяжелым налогом: ежегодно она должна была поставлять Риму миллион литров оливкового масла. Найденные археологами римские прессы для производства оливкового масла, которые мы видели уже в археологическом музее в Триполи, свидетельствуют, что такое масло производилось здесь когда-то в больших количествах. Однако употреблялось оно не в пищу, а для освещения и смазки.

Тахи подвел нас к остаткам некогда могучих колонн и погладил их рукой. Интонация его выдавала душевную боль. Он рассказывал, что на строительстве в Лептисе использовались в основном два вида камня — твердый светло-коричневый или желтоватый известняк и мягкий песчаник. Известняк шел на сооружение монументальных зданий (постройки главным образом I века нашей эры), в частности украшенных резьбой и скульптурой, а также на фасады и те части строений, которые подвергались наибольшему давлению. Песчаник использовался для всех прочих строительных нужд. Мрамор, обычно цветной, вошел в широкое употребление в Лептисе во II веке. Из него изготавливались колонны, скульптуры, облицовка, антаблементы. Мрамор привозился в Лептис в качестве балласта в обратные рейсы судов, доставлявших Риму оливковое масло. Кирпич и бетон использовались очень редко, преимущественно для сооружения арок и сводов.

Наибольшего расцвета Лептис Магна (и вся Ливия) достигла в годы правления Септимия Севера, памятник которому украшает сейчас одну из центральных площадей Триполи. Септимий Север был уроженцем Ливии. Он родился в 146 году в Лептис Магне и превратил свой родной город в один из главных в Римской империи. Откопанный недавно из песка Большой африканский порт города, своеобразное отражение сплава культур римской Африки, Европы и Азии, — образец достижений Севера в области архитектуры.

Поздние архитектурные работы, выполненные в Лептис Магне, намного опережали свою эпоху. Новые для того времени идеи были использованы и в скульптуре.

«Авангардистские» панели Арки Севера, в спешке сделанные и установленные в честь визита в город римского императора (в 203 г.), предвосхитили византийский стиль. Скульпторы, работавшие над аркой и пилястрами Базилики Севера, благодаря глубокой резьбе по мрамору достигли особой выразительности в соотношении света и тени, приблизившись к классической и средневековой скульптуре.

Украшенная колоннадами улица, которую Септимий Север сделал главной артерией новой Лептис Магны, напоминает улицы римских городов в Сирии. Форум Севера и Базилика — великолепные образцы поздней, уже декадентской римской архитектуры. Гавань Лептиса защищалась колоссальным каменным волнорезом. Суда водоизмещением до тысячи тонн разгружались у причалов, где были сооружены доки, украшенные колоннами. Ночью дорогу в порт указывал судам тридцатиметровый сигнальный маяк.

Септимия критиковали за архитектурные излишества при строительстве Лептис Магны, города не такого уж большого и богатого, чтобы он мог претендовать на звание «маленького Рима», чего добивался Север. Но Север оставил свои следы не только в архитектуре.

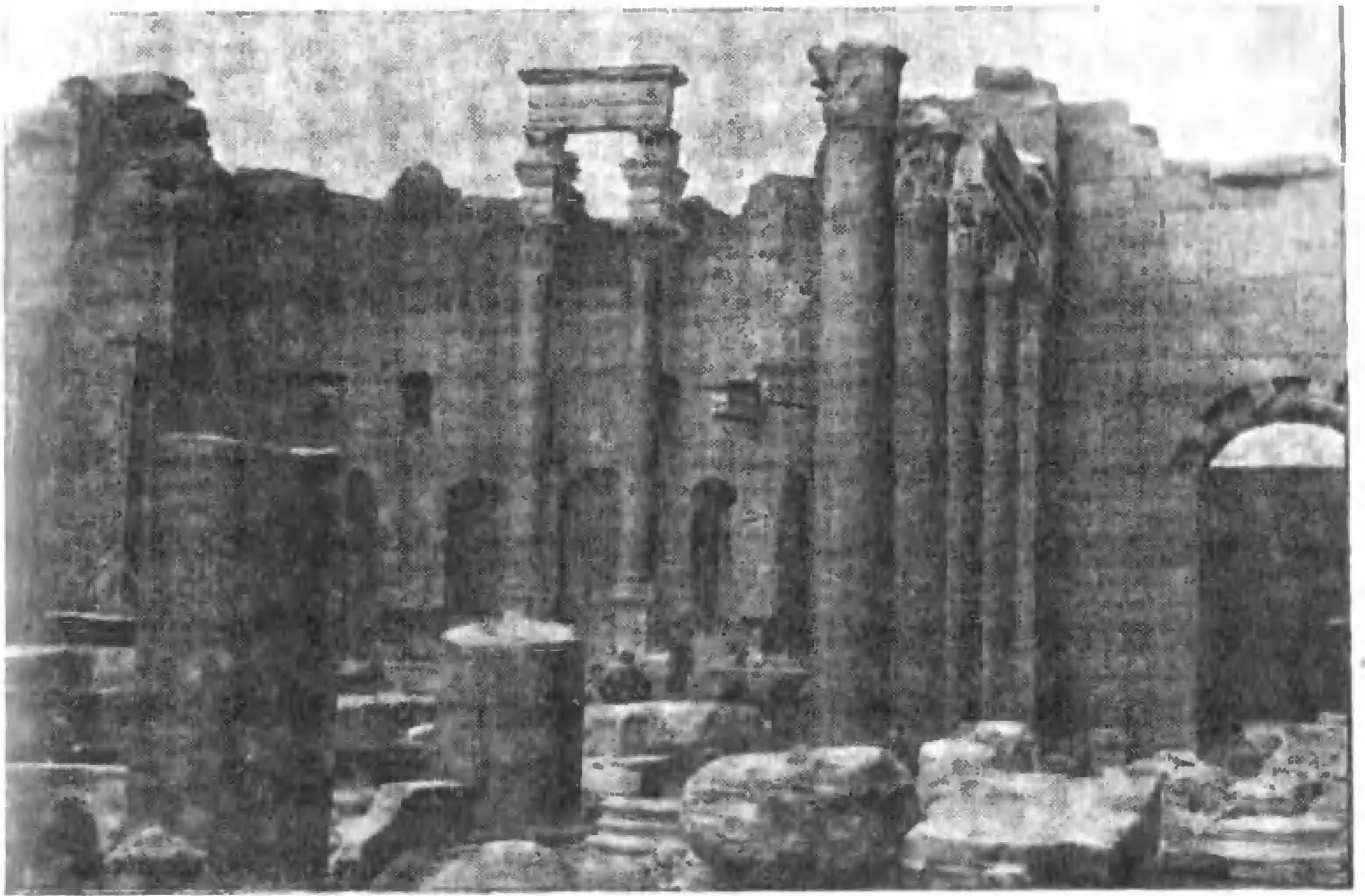
Летописцы донесли до нас, рассказал Тахи, что в начале нашей эры римляне вывезли из Аравии верблюда, которого считали одним из семи чудес света. Септимий, как африканец, быстро оценил необыкновенные качества верблюдов и организовал их разведение. Скорее всего, именно при нем купцы Лептис Магны первые в Африке начали использовать верблюжьи караваны для транспортировки товаров через Сахару и далее в глубь континента.

Золотой век Севера кончился для Магны со смертью его преемников — Каракаллы и Александра Севера. В результате внешних нашествий и внутренних неурядиц, связанных с упадком рабовладельческого хозяйства, страна испытала серьезные экономические трудности. И больше всего от них пострадала Лептис Магна. Общественные здания приходили в запустение из-за отсутствия средств для поддержания их в порядке, и к 300 году многие из них превратились в руины. В 363 году Лептис подвергся нашествию варварских племен австурриан, которые, правда, не смогли преодолеть высокие

стены города, но зато опустошили все его предместья. Горожане обратились за помощью к командующему римскими силами в Африке Роману. Тот направил к Лептису свои войска, но за избавление города от австуриан потребовал большое количество припасов и четыре тысячи верблюдов. Горожане не смогли выполнить этого требования, так как стада верблюдов угнали австурианс, и Роман бросил Лептис на произвол судьбы и варваров. Обращения за помощью к самому императору остались без ответа. Казалось, само небо разгневалось на Лептис Магну за ее прошлое величие и роскошь. Сильное землетрясение 365 года причинило городу непоправимый ущерб.

Летом 366 года австуриане вновь подступили к Лептису. На своем пути они вырубали оливковые деревья и финиковые пальмы, опустошали виноградники. Осада города продолжалась восемь дней, и вновь его спасли мощные стены. Однако главный источник доходов — оливковые деревья — был уничтожен. В результате в городе, население которого насчитывало во времена Септимия Севера 100 тысяч человек, осталось всего несколько тысяч жителей. Опустошенные варварами поля и плантации превратились в полупустыню, городские здания и сооружения ветшали и рушились. Обрушилась и отводная плотина в Вади-Лебда, и сдерживаемые ею воды залили центр города, неся с собой огромные массы ила, гальки, булыжника. К концу IV века Лептис Магна превратилась, по свидетельству очевидцев, в «полуварварский город».

В 455 году остававшиеся до сих пор целыми стены города были разрушены новыми пришельцами — вандалами, которые нанесли сокрушительный удар всей Римской империи. Вандалов сменили византийцы. Целый век бесконечных набегов и войн превратили Лептис в город-тень, где продолжали влачить жалкое существование всего несколько сот нищих — в руинах, окруженных песками. Аналогичная судьба постигла и другой некогда цветущий город — Сабрату. При византийском императоре Юстиниане I (527—565) были предприняты попытки восстановить оба этих города, хотя бы частично расчистив их от песков; были воздвигнуты новые стены, ограждавшие небольшую часть прежних центральных кварталов городов-горемык.

Лептис Магна. Базилика Севера

Во время нашей экскурсии по Лептису за нами всюду следуют три загорелых сотрудника города-музея, одетые в синие форменные костюмы с серебряными пуговицами и бордовые фески. Один из членов нашей делегации, художник, машинально поднял кусок белого мрамора, пытаясь разглядеть его поближе. Тотчас раздались предупреждающие свистки и окрики сторожей. Художник поскорей отбросил злополучный камень. Мы, конечно, почувствовали неловкость, но утешились мыслью, что сокровища Лептиса надежно охраняются.

Византийские стены Лептиса построены из цементных блоков и булыжников, взятых из руин эпохи Севера. Охватывая всего только Старый Форум, Форум Севера и район порта, византийская Лептис представляла собой на деле уже не город, а сильно укрепленную морскую верфь с небольшим гражданским населением. Для защиты от нападений пиратов с моря был укреплен восточный мол порта. Для восстановления зданий внутри крепости также использовали кирпичи и камни развалившихся старых построек. Архитектурное и инженерное выполнение восстановленных зданий свидетельствует о спешке.

Лучшими творениями архитектуры и инженерного искусства в Лептисе византийской эпохи являются интерьеры зданий, доставленных целиком из Константинополя.

Великолепная, вызывающая изумление Базилика Севера, давно переставшая уже служить как общественное здание, была расчищена от песка и мусора и восстановлена как церковь Богоматери. Под церкви были переделаны и еще четыре бывших общественных здания Лептиса. Новая Лептис Магна представляла собой, однако, лишь тень былого великолепия, созданного в период расцвета торговли и рабовладения. По-прежнему она подвергалась нападениям племен пустыни. Транссахарская торговля приходила во все больший упадок: караваны не могли уже быть защищены должным образом, а некогда богатые промежуточные торговые центры были разрушены.

После смерти Юстиниана, проявлявшего личный интерес к восстановлению городов Триполитании, власть над ними Константинополя и соответственно его поддержка стали чисто номинальными. В результате к концу VI века почти вся страна (включая Лептис Магну) оказалась под властью кочевых племен пустыни, не имевших ни навыков, ни средств для строительства городов или хотя бы для поддержания прежних в состоянии, пригодном для жизни в них. Когда в Ливию в 642 году пришли арабы, Лептис выглядела уже не более как маленькая деревня. В ней новые завоеватели держали некоторое время небольшой гарнизон для охраны дороги от набегов местных племен. Окончательный удар по Лептис Магне был нанесен в XI веке разрушительными рейдами двух арабских кочевых племен — бени-сулайм и бени-хилаль. Песок завершил опустошение. Жемчужина погрузилась в него на века.

Новое знакомство с Лептисом началось для Европы в средние века — с грабежа и мародерства. Произошло это следующим образом.

В 1693 году турецкие власти дали разрешение французам на проведение раскопок в Лептис Магне. Выкопанные по этому разрешению статуи и 600 мраморных колонн по распоряжению Людовика XIV пошли на строительство Версальского дворца и церкви Сен-Жермен де Пре в Париже. В дальнейшем предметами, откопанными в Лептисе, были обогащены многие английские кол-

лекции, а колонны оттуда были использованы британским королем Георгом IV при строительстве бутафорских «руин» в Вирджиния Вотер.

Процесс разграбления Лептиса особого размаха достиг в XVIII веке. Коллекции предметов искусства из Лептиса попали тогда в Лувр и в церковь Св. Джона на Мальте.

Раскопки с целью восстановления исторической ценности города, а не грабежа начались лишь в нашем веке. В мае 1970 года ливийская газета «Баргин» сообщила, что Лептис откопан всего на десять процентов. Но и этого достаточно, чтобы потрясти воображение современного человека: ипподром, общественные туалеты из мрамора, городской рынок с многочисленными специализированными рядами и прочее. Сохранившиеся остатки прилавков рыбного ряда, например, украшены каменными изваяниями рыб, как бы подвешенных на леске за хвосты. Прилавки зернового ряда из мрамора и гранита снабжены специальными углублениями с задвижками, соответствующими по величине определенной мере сыпучих тел. Когда задвижка подымалась, зерно оттуда сыпалось в тару покупателя, поставленную под прилавок...

Мы медленно продвигаемся вперед. Слушаем Тахи, фотографируем. И всякий раз в кадр непременно попадает один из трех синих мундиров или бордовая феска. Ничего не поделаешь! Рассказ Тахи уже убедил нас в необходимости сторожей.

Большое впечатление оставляет осмотр развалин городских бань и системы центрального отопления Лептис Магны. Особенно поражает умение древних людей обходиться без металлических труб.

В римскую эпоху бани в городах империи помимо своего прямого назначения выполняли и роль своеобразных клубов, где собирались, чтобы обсудить текущие события, узнать или сообщить новости. Бани были горячие, теплые и холодные. Делились они и по социальному признаку: для патрициев, плебеев и рабов. Бани патрициев, разумеется, значительно превосходили все остальные своей отделкой и оснащением.

Чтобы натопить горячие бани, дать им горячую воду и пар, древние ливийцы, как и римляне, поступали следующим образом. В скале вырубалась большая яма,

которая заполнялась затем водой. Рядом на костре раскалялась добела огромная каменная глыба. В нужный момент камень сталкивался в яму. Вода мгновенно становилась горячей и поднималась, заполняя трубы и расходясь в отделения бани. По тому же принципу действовала и система городского центрального отопления.

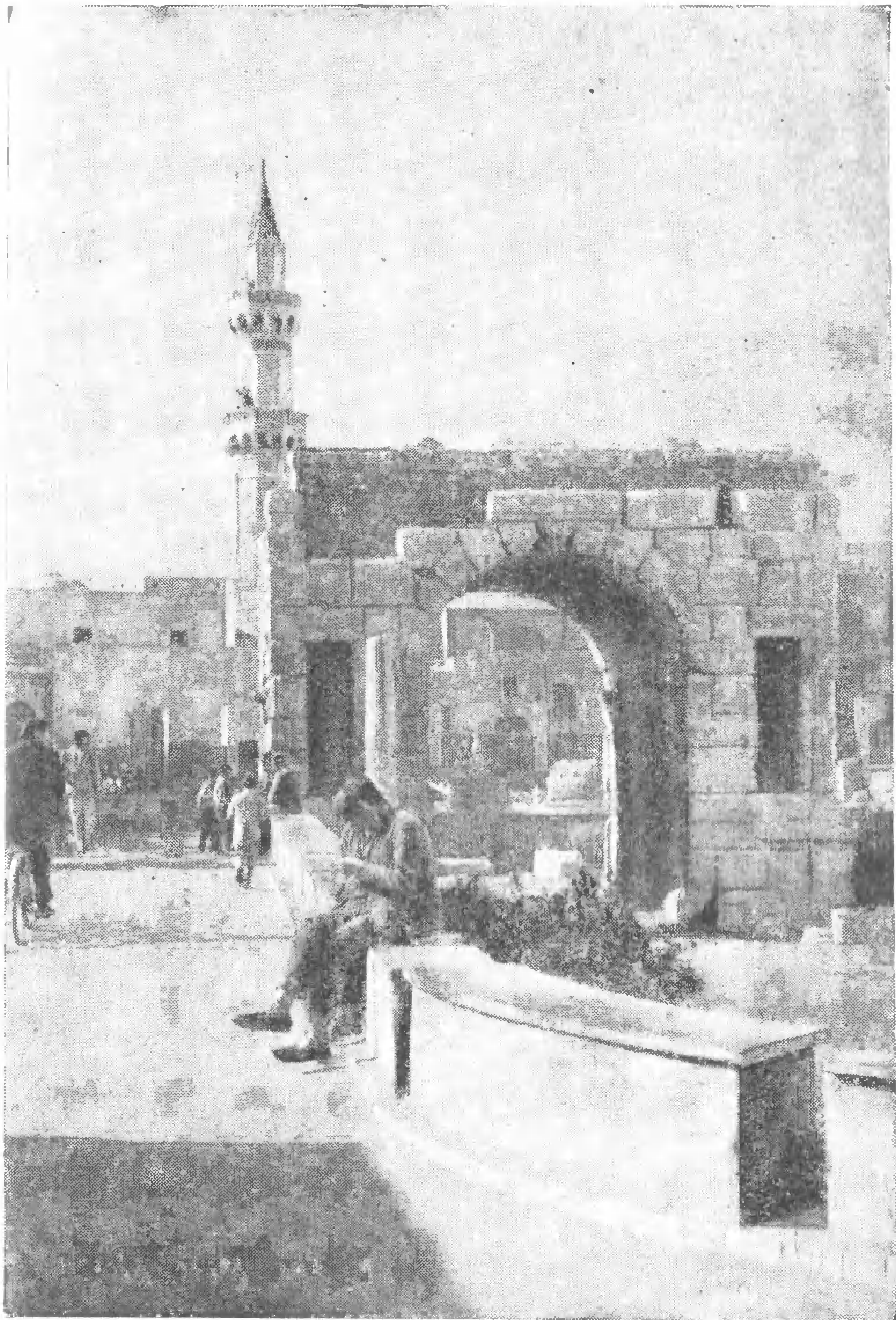
Амфитеатр Лептиса рассчитан на пять тысяч зрителей и превосходит размерами театр Сабраты. Артисты, бывшие в составе нашей делегации, вышли на античную сцену с импровизированным диалогом. Мы, сидя «на галерке», без труда улавливали все нюансы их речи. Неспроста древние обходились без микрофонов и динамиков. Но не только актеры выступали на этой сцене двадцать веков назад. Не на жизнь, а на смерть сражались здесь гладиаторы-рабы. Звон мечей и копий, стоны раненых и предсмертный хрип так же хорошо были слышны во всех рядах амфитеатра.

Многие колонны мертвого города увенчаны головами медуз, и не случайно. В море возле Лептис Магны — целые колонии этих животных, существующие здесь не одно тысячелетие. Мы это почувствовали в полном смысле «на своей шкуре», когда отправились купаться после осмотра руин. Медузы оставили на нас свои «сувениры», очень напоминающие следы крапивы. Обычный свой вид наша кожа приняла только спустя два часа, когда мы уже вернулись в Триполи.

Триполийские будни

Поездки по стране занимали далеко не все время нашего пребывания в ЛАР. В основном мы работали в Триполи, где довольно часто, нередко днем, но больше вечерами, с друзьями, работающими в ливийской столице не один год, отправлялись на прогулки по городу, стремясь обнаружить что-нибудь новое в примелькавших уже улицах и площадях, в заполняющих их людях. И иногда, несмотря на то что острота первых впечатлений притупилась, нам удавалось выявить забавное в обыденном, необычное в уже привычном.

Вот на дороге, идущей вдоль триполийской набережной, по которой мы ходили и ездили десятки раз,

Триполи. Арка Марка Аврелия

прохожие останавливаются возле чего-то. Подходим ближе к небольшой толпе. Четыре колышка, возвышающиеся примерно на метр над мостовой, обтянуты бело-зеленым полотном. Это могила паломника, совершавшего хадж в Мекку. Нигде нет ни таблички с именем, ни хотя бы названия страны, из которой он следовал. На этом месте, у тротуара, он упал и тут же был похоронен, как полагается в таком случае поступать с пилигримами. Не исключено, что когда-нибудь его будут чтить как человека, на которого снизошла «барака» — божественная благодать. Но традиция похорон возникла во времена, когда еще не было оживленного движения транспорта. Что скажет триполийский муниципалитет, когда перед незапланированным препятствием начнут вдруг возникать пробки из сотен машин? Во всяком случае, месяц спустя (накануне нашего отъезда из Ливии) двухцветное полотно продолжало вынуждать водителей сбавлять скорость.

Попав как-то по делам в электрическую компанию города Триполи, мы разговорились там с египтянином Халилем, разговаривающим по-русски. Халиль — кандидат технических наук, бывший аспирант Московского энергетического института. По контракту он должен отработать в Триполийской электрической компании два года, затем вернется на родину. Халиль доволен своим пребыванием в Ливии. Сетует он только на одно обстоятельство — на трудность ливийского диалекта: «Нам, египтянам, очень трудно объясняться с ливийскими коллегами, особенно по техническим вопросам».

Если уж образованным арабам приходится с трудом преодолевать диалектный барьер, то каково же нашим арабистам? Постоянно работающие в Ливии советские арабисты рассказывают, что к местному диалекту они начинают привыкать только спустя полгода по приезде. Но если с ливийцами, получившими высшее или хотя бы среднее образование, как-то все-таки можно объясниться — на литературном языке, то, чтобы разговориться с неграмотным феллахом или с городским рабочим, требуется большая изобретательность.

Однажды бригада ливийских рабочих отремонтировала гараж дома, в котором мы жили. У нас возникло несколько вопросов и я обратился к бригадиру, — ес-

тественно, на литературном арабском. Он несколько смущенно ответил: «Мы понимаем только по-ливийски». Чтобы понять друг друга, пришлось нам прибегнуть к языку жестов.

Когда ливийцы чем-то довольны, они произносят слово «бахи» — «хорошо». На литературном же арабском «хорошо» звучит «хасанан» или «тайиб» — ничего похожего, одно и то же понятие выражают совершенно разные слова. Разумеется, и в других диалектах достаточно своеобразия, но в ливийском его особенно много. И объяснение этому следует искать в истории арабского завоевания Магриба (по-арабски Запада).

Магрибом арабские географы называли в VIII веке страны, расположенные к западу от Египта. Когда в VII—VIII веках Магриб был завоеван арабами, они, отбросив коренное население в глубь континента, обосновались в прибрежной зоне. На территории современных Туниса, Алжира и Марокко выросли арабские города. В Ливии же арабы в своем неудержимом движении на запад не задержались. Лишь в XI веке, когда фатимидский султан Египта послал в Магриб для подавления восстаний кочевников-бедуинов, одно из племен последних — бени-сулайм — осело в Ливии и на юге Туниса. Тогда и было положено начало ливийскому диалекту, который до сих пор, даже в крупных городах, сохраняет свою «бедуинскую специфику».

К этой специфике вынуждены приобщаться и ливийское радио и телевидение: ежедневно по несколько часов они ведут свои передачи на диалекте, чтобы их могли слушать и неграмотные ливийцы.

Несмотря на жилищный кризис, многие здания в стране пустуют. Пустуют целые современные поселки в глубине страны — поселки, называемые сооружавшими их болгарскими и польскими строителями «идрисовки», поскольку построили их еще при короле, до революции 1 сентября. Объясняют это тем, что якобы бедуины, для которых поселки предназначались, не хотят менять кочевой образ жизни на оседлый.

Пустуют и дома и роскошные виллы в столице — это уже из-за высокой арендной платы. Так, пустует новая двухэтажная вилла на тихой улице в центре Триполи. Из-за массивного, каменного забора видны

круглые зеленые купола, напоминающие башни обсерватории. Инкрустированные кусочками золота, они принимают в течение дня самые разные оттенки в зависимости от угла падения на них солнечного луча. Вилла пустует уже давно, так как хозяин заломил за ее аренду неслыханную сумму — более тысячи фунтов в месяц.

Деревя в Ливии так же мало, как и в Тунисе. Поэтому и здесь полы большинства зданий выложены каменной плиткой, которая удобна еще и тем, что в период страшного зноя даже днем сохраняет ночную прохладу. На сохранение прохлады направлены все помыслы архитекторов. Окна, а иногда и весь корпус здания защищены от испепеляющих лучей солнца специальными навесами или галереями. В результате таких мер температура в помещениях, действительно, на несколько градусов ниже, чем на улице. Поэтому зимой жилые комнаты требуют дополнительных источников тепла в виде каминов, калориферов или электрических рефлекторов.

На этот раз я прожил в Ливии два месяца.

Невольно обращала на себя внимание одна странная закономерность. Пустынный ветер «гибли» (в Египте он называется «хамсин», в Италии — «сирокко», на юге Франции — «мистраль») дул в эти два месяца обычно по воскресеньям. Ветер этот повышает температуру примерно на десять градусов по Цельсию и наполняет воздух мириадами мельчайших песчинок — красноватой песчаной пылью, которая неотвратимо проникает даже в самые закрытые помещения, не говоря уже об открытых лавках купцов, где она толстым слоем садится на выставленные товары. Людей эта всеподавляющая пыль окутывает с головы до ног, затрудняя дыхание, хрустя на зубах, заполняя все складки одежды. Невольно по аналогии приходили на память дожди в Подмосковье, которые вечно норовят выпасть именно в субботу и воскресенье, в будни, как нарочно, уступая место радостному летнему солнцу.

Магазины и лавки на городских улицах и на суке открываются для покупателей около одиннадцати часов утра. Около часа дня они закрываются на обед,

который продолжается самое жаркое время—часов до пяти,— а затем примерно до восьми вечера они снова открыты. В это время в них и устремляются покупатели, которые уже вернулись с работы и отдохнули от полуденного зноя. Набравшись сил, и купцы и покупатели начинают оживленно торговаться.

Предприимчивость купцов и их поставщиков не знает границ. Рынок насыщен всеми товарами, которые только можно изобрести и на которые можно вызвать хоть какой-нибудь спрос. Тут и мечи африканских племен, которыми они отражали первые нашествия европейцев, и первые мушкеты, и гербы испанских городов, рыцарских орденов и отдельных семей, изготовленные из тисненой кожи или крашеного дерева, и кенийская резьба и подделки под нее, мавританские люстры и китайские фонарики с Тайваня, новейшая итальянская облицовочная плитка и мексиканские пончо. Торговцы спекулируют на всем, чем можно, даже на популярности покойного американского президента Джона Кеннеди: они выставили для продажи его маленькие белые бюсты и кольца с его барельефным изображением.

Купцы понимают, насколько важно для завоевания клиентуры знать иностранные языки. Помимо английского и итальянского языков, которыми почти все они владеют довольно свободно, многие из них заучивают необходимые им слова и фразы на русском, болгарском, сербском и других языках.

Торговец, закупающий у наших внешнеторговых организаций продовольственные товары, рассказывал, что ливийцы очень привыкли к европейским продуктам. Стоит на прилавке появиться какой-нибудь новой, невиданной ранее банке, как ее тотчас покупают на пробу. Понравившийся товар входит в обиход, и его потребление становится привычкой.

Например, чай, который здесь подается посетителям кафе и сотрудникам и гостям в учреждениях, будет непременно английского происхождения — в пакетке из мелкопористой, но не расходящейся от кипятка бумаги. После достижения желаемой крепости чая пакетик вынимается из чашки за ярлычок. Ароматный и терпкий напиток готов.

Весной 1971 года в различных частях Триполи и других городов были расставлены новые современные книж-

ные киоски. До этого в первой столице страны газеты и журналы продавались в четырех книжных магазинах и еще в нескольких местах, где они раскладывались прямо на тротуарах.

К нашему удивлению, в книжных лавках Триполи не только продается, но и красуется в их витринах «Майн Кампф» Гитлера. И в то же время еженедельная газета «Амба Моску» на арабском же языке попадает на прилавки киосков довольно редко. Если уж цензура не разрешит пустить в продажу один какой-нибудь номер, она обязательно запретит и следующие два-три номера. Официальная причина всегда одна — «обилие коммунизма». Как-то удалось сговориться с одним купцом, чтобы он взял на себя регулярную торговлю «Амба Моску». Но цензура ухитрилась побить собственный рекорд, запретив подряд четыре номера, так что отважный купец вынужден был отказаться от попытки самому разорить себя.

В банках, на почтамте, в электрокомпании, строительных и других организациях, которые так или иначе связаны с обслуживанием населения, за стеклянными перегородками и окошечками, там, где наш глаз привык видеть только женщин, в Ливии сидят цветущие мужчины. Об официантах и говорить нечего: их профессия считается сугубо мужской. Один из них, когда мы с четой Тыссовских зашли как-то вечером поесть в ресторан «Либиян Палас», принял нас за испанцев. Он очень было растерялся, узнав о своей ошибке (еще бы — такие неожиданные посетители!), но быстро поправился, поборов удивление: «Весь арабский народ — и взрослые, и дети, и парни, и девушки — все любят русских».

Приветствия в честь нашей страны нам доводилось слышать от простых людей неоднократно. Вот и продавец из магазина продовольствия на улице Республики (Джумхурии), услышав, что мы из Москвы, заулыбался радостно: «Русия — бахи» («Россия — хорошо»).

Из всех видов спорта у ливийцев наиболее популярен футбол. В него играют всюду: на дворе и стадионе, на пустыре и просто на улице. Ливийские команды участвуют в розыгрыше кубка Магриба. Свою страсть к футболу ливийцы продемонстрировали в дни, когда в столичном кинотеатре «Фатх» демонстрировался фильм

о всех матчах мексиканского футбольного чемпионата мира 1970 года под названием «Мир на их ногах». Обычно попасть в этот кинотеатр совсем не трудно, но речь идет о футболе... У билетных касс выстроились огромные очереди. Зал был набит до отказа. Наиболее страстные болельщики приходили смотреть фильм по нескольку раз. Судя по реакции зала, зрители особенно переживали за команду Марокко, представлявшую на чемпионате Магриб, хотя обычно, когда против марокканцев играет сборная Ливии, ливийские болельщики, конечно, на стороне своей команды.

Ярмарка в Триполи

В мае 1971 года в Триполи открылась очередная IX международная ярмарка. Ярмарка работала в течение двадцати дней, и в ней приняли участие 39 стран. Территория ее, равная по площади нескольким городским кварталам, расположена в центре Триполи. Главный вход находится на улице Омара аль-Мухтара. Кроме нескольких десятков павильонов различных стран здесь есть и павильоны основных отраслей ливийской экономики (нефтяной промышленности, Института аграрной реформы и другие), открытая площадка для демонстрации крупной техники, несколько больших базаров и специализированных магазинов, рестораны, кафе, кофейные павильоны, киоски по продаже местного мороженого «Аляска». К ярмарке примыкают секция всевозможных аттракционов, включая «американские горы», и зверинец. На площадках между павильонами бьют фонтаны. Вечерами ярмарку украшает иллюминация. Главный вход подсвечивается прожекторами.

На торжественную церемонию открытия ярмарки прибыли руководители ливийской экономики, дипломатический корпус, мусульманское духовенство, делегации стран-участниц, журналисты и многочисленная публика. Для почетных гостей перед главным входом сооружен специальный деревянный навес, устланный красными коврами. В парадных мундирах выстроены солдаты, полиция, оркестранты.

С речью, посвященной знаменательному событию, выступил член Совета революционного командования, за-

меститель председателя Совета министров по производственному сектору, министр экономики и промышленности майор Абдель Салам Джеллуд. Он выразил надежду на то, что предстоящая ярмарка продемонстрирует возросшие возможности национальной ливийской промышленности и сельского хозяйства, укрепит экономические связи молодой республики с дружественными странами. Оркестр исполнил гимн Ливийской Арабской Республики. В небо взлетели выпущенные пиротехниками в специальных капсулах государственные флаги стран — участниц ярмарки. А после этого началась пальба, словно на войне: четыре ракетницы, установленные прямо на земле, как маленькие минометы, били не переставая. Флаги медленно спускались на маленьких парашютах, рассеиваясь по территории ярмарки. Джеллуд медленно перерезал ленточку у главного входа—IX Триполийская ярмарка открыта.

Мы следуем в общем потоке из павильона в павильон. Чего только не выставили страны в своих павильонах! Личные самолеты в павильоне ФРГ, портреты Чан Кай-ши в павильоне Тайваня, кустарные изделия палестинских беженцев и драгоценные камни Мальты, суданская замша и индийская серебряная чеканка. Величествен павильон Советского Союза. Здесь представлены десятки наших внешнеторговых объединений: мощное оборудование для тяжелой промышленности и тончайшие медицинские инструменты, книги и туркменские ковры... Джеллуд и руководители ливийских министерств и ведомств входят в наш павильон. Их сопровождают, прикрывая со всех сторон, парашютисты в беретах и комбинезонах, пестро-пятнистых, как леопардовая шкура, с автоматами наизготовку. Личный телохранитель Джеллуда — негр двухметрового роста в полицейской форме. Посетители внимательно осматривают стенды. У одного из них Джеллуду вручают как сувенир копию Корана IX века, хранящегося у нас в Самарканде. Второй в государстве человек весьма удивлен и тронут подарком. Он благодарит нашего посла и директора павильона. А на выходе уже выстроились шпалеры полицейских в голубых мундирах, протянувшиеся до входа в соседний павильон. Джеллуд прощается с нашими товарищами и быстро проходит по живому коридору. Живописное окружение следует за ним.

У нас, естественно, наибольший интерес вызывают экспонаты ливийских национальных павильонов. На стендах ЛАР можно было видеть продукцию лакокрасочной, табачной, пищевой, деревообрабатывающей и некоторых других отраслей промышленности. Пищевая промышленность республики выставила, например, консервированные оливки, зеленый горошек, фасоль, стручковый перец, очищенные томаты, апельсиновый джем, оливковое масло и многие другие товары.

Плодородная ливийская земля, если ее оросить, дает самые разнообразные плоды как южных, так и северных широт: на стендах соседствуют капуста и грейпфрут, артишоки и апельсины, лук-порей и лимоны.

Характерная черта Триполийской ярмарки, отличающая ее, скажем, от выставок, проводимых в Москве, состоит в том, что «копии» экспонатов всех павильонов тут же и продаются. Выставители считают желательным и целесообразным продать и сами экспонаты — пусть не все, но как можно больше. В нашем павильоне, например (кстати, одном из самых популярных), в первые дни работы ярмарки были распроданы все имевшиеся в наличии охотничьи ружья. К концу же павильоны стояли полупустые.

За три недели работы ярмарку посетило более 500 тысяч человек. Это означает, что каждый второй взрослый ливиец нашел время, чтобы полюбоваться красочными павильонами и приобрести заморские товары и сувениры. Ярмарка стала поистине общенациональным событием.

Хадба аль-Хадра набирает силы

В павильоне Института аграрной реформы на IX Триполийской международной ярмарке внимание посетителей привлекал макет опытного государственного хозяйства Хадба аль-Хадра (в переводе с арабского — «зеленое плоскогорье»). Стол, на котором был выставлен макет, постоянно окружали ливийцы из сельских местностей, одетые в колоритные национальные костюмы. Заинтересовались и мы первым в республике государственным хозяйством, использующим сточные воды столич-

цы. Ливийские друзья обещали показать нам его в натуре.

И вот мы приближаемся к желанной цели. Хозяйство расположено в пяти километрах от Триполи. Его общая площадь, предусмотренная проектом, составляет 1000 гектаров. Такие размеры позволяют сравнить Хадбу аль-Хадра с нашими крупными колхозами и совхозами. В настоящее время хозяйством уже освоены 650 гектаров, из которых 300 гектаров отведено под овощи, 200 — под цитрусовые, по 50 — под груши и абрикосы, и 50 гектаров занимают питомники.

Радужным хозяином-гидом во время нашего осмотра Хадбы аль-Хадра был Мустафа Мухаммед Алейш, заведующий отделом почвы и воды Института аграрной реформы. В прошлом году он окончил сельскохозяйственный факультет Триполийского университета и, несмотря на молодость, сумел уже завоевать авторитет среди рабочих и техников госхоза. Это сразу чувствуется по их манере обращаться и говорить с Мустафой, хотя многим из них — бывших феллахов — он годился бы в сыновья.

Мустафа рассказал нам, что госхоз состоит из 100 ферм, по шесть гектаров каждая. Вода после очистки в отстойниках подается на поля с помощью пяти насосов, перекачивающих около 200 литров в секунду. Протяженность ирригационной сети хозяйства — 25 километров. В четырех водохранилищах Хадбы накоплено около четырех миллионов литров воды. Скоро в одно из них будут запущены пресноводные рыбы, и, хотя пока рыбы еще нет, морские чайки, от внимания которых не ускользнула широкая водная гладь, пытаются все-таки нырять в нее, надеясь на добычу. В госхозе есть и восемь артезианских колодцев, подающих питьевую воду.

Как в любом другом большом деле, в становлении первого крупного государственного хозяйства не обходится без трудностей. Для Хадбы серьезную проблему представляет борьба с ветром и песком. Одной из задач Мустафы и является создание преград на пути этих двух разрушительных сил. Значительная часть плантаций хозяйства уже огорожена защитными полосами из кустарника, прокладываются траншеи для новых полос.

Руководство Института аграрной реформы в будущем году ожидает первый урожай с плантаций Хадбы.

На память о визите в крупнейший госхоз республики Мустафа подарил нашим товарищам виноградную лозу, которая посажена во дворике советского посольства.

Ливийская новь

Происшедшие в Ливии значительные и принципиальные изменения внутреннего порядка отразились и на внешней стороне жизни. Изменений внешних, доступных любому наблюдателю, очень много. Они встречаются буквально на каждом шагу.

Как только наш «ИЛ-18» замер на поле Триполийского аэродрома, мы увидели в иллюминаторы громадные и маленькие надписи на зданиях аэровокзала — только на арабском языке. Такого раньше не было. Входим в помещение пограничного контроля. На стенах также — только арабская вязь. Вдоль дороги от аэропорта до города установлены рекламные щиты с надписями на арабском языке. Привычные названия компаний «Пепси-кола», «Филлипс», «Нэйшнл» и других переделаны на арабский лад.

Наша старая гостиница «Националь» (в ней мы останавливались два года назад) называется теперь по-арабски — «Мархабан» (буквально: «простор», в сочетании с другими словами означает «добро пожаловать!»). На вывесках, где раньше наряду с арабским был и английский или итальянский текст, латинские буквы стерты или замазаны. Кое-где, правда, январские дожди смыли краску, и латинские названия вновь проступили на обозрение прохожих.

Волна арабизации не обошлась без крайностей: в музеях и мертвых городах-памятниках одно время были даже сняты все надписи на европейских языках, что крайне затруднило иностранным гостям и туристам знакомство с памятниками культуры прошлого. Через некоторое время, правда, надписи эти восстановили. Единственно, где остались все старые надписи, — и на арабском, и на английском языках — это денежные королевские купюры разного достоинства ¹.

---

¹ С 1 сентября 1971 года в Ливии введена новая денежная единица — динар.

В городах переименовано много улиц и переулков. В Триполи, например, появились улицы имени 1 сентября, Республики, Гамаль Абдель Насера. На многих улицах новые названия еще не обозначены, так что они временно пребывают в безымянном состоянии. Наряду с этим сохранились и многие старые названия. Например, есть в столице улица Гаити. В честь чего названа так оживленная улица, можно только гадать: в честь «папы Дока» или многострадального гаитянского народа?

В стране введен строгий «сухой закон». Эти два слова вызывают у нас в памяти Соединенные Штаты Америки после первой мировой войны, яркий фильм «Судьба солдата в Америке» и некоторые ассоциации, в основном морального плана. Для сегодняшнего же ливийца этот закон — приятная или суровая реальность — в зависимости от его склонностей. Один из крупных ливийских чиновников так объяснил мне необходимость «сухого закона»: «У нас прекрасная страна, отличный климат, и нам не нужен допинг в виде спиртного». Но весьма ярко отношение к этому закону в Ливии продемонстрировала, на наш взгляд, изощренная, помещенная в середине марта 1971 года в одной из центральных газет ЛАР. Она изображает сурового полицейского с недовольным взглядом, который ведет в участок пьяного. У пьяного — мутный и веселый взгляд, заплетающиеся ноги. В левой руке пьянчужка держит недопитую бутылку. Именно к этой руке и к этой бутылке осторожно подходит прохожий и вкрадчиво, чтобы не заметил полицейский, спрашивает у пьяного: «Где достал?». Таким образом, новое государство — в лице полицейского — на страже закона, ливийцы же, обретшие вопреки мусульманским традициям склонность к спиртному, и теперь интересуются, где его можно достать. Менее состоятельные ливийцы рассказывают, что их более состоятельные соотечественники обходят «сухой закон» очень просто. Они снаряжают грузовики и отправляют их в соседнее государство. Грузовики пересекают границу не там, где с обеих ее сторон есть таможенные посты, а подальше от дороги и загружаются ящиками, наклейки которых свидетельствуют, что в них везут соки, воды, компоты — все что угодно, только не то, что на самом деле. В ливийских городах эти ящики развозят по богатым домам, где в состоянии заплатить шоферу «плату за

страх». Но, разумеется, большинство ливийцев, склонных к размачиванию «сухого закона», не в состоянии снаряжать экспедиции в соседние страны. Им остается только спрашивать: «Где достал бутылку?»

В кинотеатрах такая категория зрителей кричит, например, когда на экране разливается шампанское: «Не выливай все! Оставь мне!» — и тому подобное. Многие мусорщики в знак протеста против «сухого закона» отказываются убирать пустые бутылки со дворов иностранцев, на которых действие закона не распространяется.

В городах и поселках нефтяников закрылись бары: продажа соков и кофе не оправдывает их содержания. Без работы остались тысячи рабочих и мастеров винодельческой и пивоваренной промышленности. Но, как говорят в таких случаях, «лес рубят — щепки летят». «Щепки» же с винных и пивных заводов разлетелись по деревням и пригородам и приступили... к самогоноварению. Благо цены на сахар в Ливии низкие.

Только прожив некоторое время в новой Ливии и прочувствовав атмосферу «сухого закона» начинаешь понимать, почему ливийские таможенники, искавшие раньше в багаже прибывающих недозволенную литературу, теперь ищут бутылки со спиртным.

После революции 1 сентября большого размаха в стране достигла борьба «за высокую нравственность». В накидки закутались даже те женщины, которые раньше никогда не ходили иначе, как с открытыми лицами. Беловато-розовые накидки закрывают теперь фигурки ливиек с головы до пят. На прохожих испуганно глядит лишь один глаз. С открытыми лицами по ливийским улицам ходят только европейские женщины, а из арабских — только приезжие из других стран: из АРЕ, Ливана, Туниса.

Молодой ливийский специалист Ибрагим, окончивший два года назад Триполийский университет, на вопрос, почему он не женат, ответил: «Видите ли, мне и моим сверстникам очень трудно подобрать невесту: глядя на закутанную женщину, мы видим один только глаз, неизвестно даже, черная она или белая». Однако это лишь одна сторона проблемы в изображении предста-

вителя молодой интеллигенции, получившего образование в университете, где преподают в основном иностранные профессора.

Другая состоит в очень большом калыме за невесту, который платит жених ее родителям. Необходимая сумма достигает, как нам сказали, одной-двух тысяч фунтов. Не каждый жених может собрать такие деньги сразу. Пока он (со своими родителями) собирает такую сумму, проходит немало лет.

Новое ливийское руководство, люди сами все молодые (в пределах 20—30 лет), пошло навстречу своим сверстникам, разрешив им жениться на девушках из других арабских стран. Это разрешение вызвало ликование женихов и недовольство отцов дочерей. Еще бы! Отец, имеющий, допустим, трех дочерей, мог рассчитывать раньше на целое состояние. Теперь же вероятность получения такого состояния значительно уменьшилась.

Борьба «за высокую нравственность» приобрела любопытные формы. В стране по-прежнему продаются все западные журналы, большинство которых, как известно, не прочь злоупотребить изображением женщин в разных вариациях. При этом доминирует «пляжная тематика». Ливийская цензура оказывает журнальной волне секса ожесточенное сопротивление. Любое изображение обнаженного женского тела тщательно замазывается (кроме лица) черной краской или вырывается, будь то в середине журнала или на его обложке. Достается и журналам других арабских стран. Вспоминается верхний кусок обложки ливанского журнала с головой женщины на фоне бейрутского пляжа. Бедная женщина, видимо, рекламировала очередной модный купальный костюм. И вот в Ливии от нее не осталось даже «ножек» — только «рожки».

В Ливии нельзя также фотографировать женщин на улице с близкого расстояния — только издалека. Об этом постоянно напоминают вам полицейские в форме и в штатском, если вы случайно забудетесь. Нельзя на улице и поцеловать женщину — даже свою жену.

Как-то вечером мы с друзьями возвращались из одного гостеприимного дома. На перекрестке, расцеловавшись, попрощались. Вся компания проследовала дальше, а Юрий Тыссовский с женой Таней свернули к своему дому. Но не успели они к нему подойти, как их

догнал полицейский фургон. Безмятежную пару попросили сесть в машину, чтобы отвезти в полицейский участок, так как она нарушила законы ливийской нравственности, целуясь на улице. Только поняв, что перед ними иностранцы, представители власти оставили Тыс-совских в покое.

Цензура нравственности не оставляет своим вниманием и кино. В кинотеатрах Ливии преобладают итальянские ленты самого различного содержания. Фильмы на английском языке демонстрируются в кинотеатре «Фатх», названном так в честь одной из организаций палестинского движения сопротивления (прежний «Люкс»), и иногда в «Уаддане», лучшем кинотеатре столицы. В «Уаддане», например, шел английский вариант нашего фильма «Война и мир». Судя по тому, что многие фильмы снабжены арабскими и французскими титрами, можно полагать, что Ливия обменивается лентами с другими странами Магриба. И вот любой фильм со средней продолжительностью два часа, если в нем есть сцены хотя бы с намеком на нарушение нравственности, сокращается на 30—40 минут за счет изъятия недозволенных сцен. Нередко они вырезаются таким образом, что теряется нить сюжета, нарушается логика.

Борьба «за нравственность» объяснила нам и то обстоятельство, что во второй наш приезд в Ливию нам уже нигде не удалось повстречать тех размалеванных и взлохмаченных девиц, о которых А. А. Чистов писал в своих очерках «По Тунису и Ливии» и за которыми, по его словам, «плетутся лысые коммивояжеры из Италии и интенданты с американской военной базы». Теперь, кстати сказать, нет ни тех, ни других, ни третьих.

В Ливии не осталось ни лысых, ни кудрявых итальянцев. В свое время Р. Г. Ланда констатировал в книге «У арабов Африки»: «В европейских кварталах Триполи иногда создается впечатление что город населен по преимуществу итальянцами, хотя они составляют не более десятой части его жителей». И у нас тоже создалось такое впечатление в 1968 году. А в июле 1970 года был объявлен указ Совета революционного командования ЛАР о национализации итальянского имущества в качестве компенсации за оккупацию Ливии в период с 1941 по 1943 год. У итальянцев были конфискованы зе-

мельные участки, здания, транспортные средства, скот. В связи с этими событиями наши старожилы рассказали мне следующий случай. В сорока километрах от Триполи процветала итальянская свиноферма. Когда хозяева ее бежали после национализации, им было не до свиней. Оставшись без присмотра, свиньи, теперь никому не нужные, быстро отощали, одичали и разбежались по окрестным лесам.

Одновременно с указом о национализации был издан другой — о запрещении выдавать или возобновлять итальянским гражданам лицензии на занятие коммерцией, промышленной или какой-либо другой деятельностью в Ливии без особого на то разрешения.

Лишенная средств к жизни, итальянская колония в Ливии перестала существовать. Все итальянцы покинули страну. Теперь в Ливию итальянские специалисты могут приезжать, только заключив контракты, как все другие иностранцы, если в этом возникнет необходимость.

Конфискованная итальянская собственность была распределена среди ливийцев. Еще один след колониального прошлого был искоренен. Образовавшийся после отъезда итальянцев вакуум в разных сферах экономической и культурной жизни постепенно заполняется.

В основном из музыкантов-итальянцев состояли раньше оркестры и инструментальные группы, игравшие в ресторанах. После отъезда итальянцев места для оркестров некоторое время пустовали. Но вот менее чем через полгода все ливийские газеты известили, что с 1 марта 1971 года в столичном казино «Ваддан» выступит первый национальный ливийский оркестр. И очевидцы говорят, что оркестр пока не очень сыгран, но музыканты подают большие надежды.

Количество автомашин в Триполи ко второму нашему приезду еще больше возросло. По данным на март 1971 года, оно составило около 140 тысяч. Увеличилось за два с половиной года и население города, правда в меньшей пропорции. Оно составило к этому времени 303 тысячи человек. Таким образом, получается, что одна машина приходится в среднем примерно на два человека, или две машины на семью из четырех человек.

Но много, и очень ощутимо на улицах города. Машины уже не вмещаются в один ряд и образуют второй, в котором разрешается стоять не более пяти минут. За превышение времени стоянки — крупный штраф. Квитанцию с зеленой полосой полицейский наклеивает прямо на ветровое стекло машины нарушителя, если того не оказалось в кабине. Но несмотря на все эти строгости, друзья, как это нередко случается, вполне могут остановить водителя даже второго ряда и, стоя посреди улицы, завести с ним беседу, не обращая никакого внимания на застопорившееся движение.

Помимо десятков тысяч личных автомобилей город наполнен транспортом министерств, ведомств, муниципалитета, частными такси, конкурирующими с фаэтонами. Части города связаны между собой автобусными линиями. Бордовые автобусы — единственный вид общественного транспорта в Триполи. Свои микроавтобусы имеют городские школы. Эти автобусы в половине восьмого утра собирают ребят, чтобы везти в школу, а после занятий развозят их по домам.

Зима 1970/71 года была особенно дождливой. Дожди шли иногда целыми сутками. Размыло дороги. На некоторых появились огромные лужи глубиной в автомобильное колесо. Преодолевавшие водные препятствия машины казались со стороны медленно плывущими амфибиями. Но дороги все время улучшаются. Ради удобств сегодняшних и завтрашних автомобилистов ведется перепланировка города. Многие кварталы сносятся, и на их месте возникают новые широкие автострады. Современная двусторонняя магистраль прокладывается к аэродрому. Закрепляются вдоль нее (квадратами растительности) дюны.

Новое и старое нередко сосуществуют в Триполи. Так, два раза в день, утром и вечером, автомобили последних моделей, принадлежащие богатым ливийцам и иностранным дипломатам, вынуждены дрейфовать вместе со стадами овец. Дело в том, что многие состоятельные семьи, проживающие в привилегированных кварталах, зеленых и тихих, предпочитают не покупать баранину, а сами разводить овец. Поэтому ежедневно на пустыри и в пригороды кто-нибудь из молодых членов такого семейства или специально нанятый пастух гонит, не торопясь, небольшое стадо барашков и овечек

нагуливать вес на свежей травке. А так как стадо занимает всю проезжую часть улочки, то «шевроле» или «мерседесу» надо либо остановиться, чтобы пропустить идущих на него овец, либо двигаться вместе с ними.

Путешествуя по Арабскому Востоку, мы нигде не видали, чтобы пастухи приезжали на стойбище на собственных автомашинах. В Ливии же подобные «пасторальные» сцены нам случалось наблюдать неоднократно: у дороги пасется стадо овец, и тут же стоит пастушеский «фольксваген» или «фиат».

В различных министерствах, банках, на таможне и в других ливийских учреждениях стены коридоров, приемных и кабинетов пестрят желтыми, голубыми, зелеными, белыми листовками с призывами к различным категориям ливийских граждан трудиться на благо народа. Вот некоторые из этих лозунгов, призванных мобилизовать массы. Зеленая листовка взывает:

«Служащий! Каждую минуту каждое усилие — на благо народа!» Желтая обещает: «Приложи усилия — удостоишься чести!» Голубая зовет: «Все на службу республике!» Аналогичные призывы и обещания — и в других листовках. Мы тоже хотели бы пожелать гражданам молодой республики приложить все усилия для блага своего народа.

Три Нила

В течение целого месяца не надо думать о том, какая будет завтра погода. Для северного жителя, да еще в декабре-январе, это сначала непривычно. Но и на востоке и на западе Судана, самого большого по территории государства Африканского континента, от рассвета до заката нам светило с безоблачного неба яркое солнце.

В Хартуме каждое утро солнечные лучи пробивались к нам в комнату через щели зеленых деревянных ставен. Рассвет приветствуют пением петухи и мелкие пестрые птахи в густых темно-зеленых кронах деревьев.

Солнце поднимается выше — и под его отвесными лучами Голубой Нил становится серебряным. Течение реки как бы застывает в послеполуденном зное. Движение и жизнь не замирают лишь в густой тени прибрежных деревьев. Да в небе парят черные крестики коршунов. Затем солнце быстро катится вниз и исчезает в тусклом розовато-желтом закате, чтобы завтра начать все сначала. И каждый день, без колебаний, наш термометр показывает постоянную зимнюю температуру $+35^{\circ}$.

Однако северному жителю, истомленному дневным зноем, не следует забывать о времени после заката. Ночью становится прохладно, а в западных и континентальных районах Судана — просто холодно: температура от $+35^{\circ}$ резко падает до 15° ночью. Если вы легкомысленно выйдете налегке перед заходом солнца посидеть в кинотеатре или в клубе (а они все в Судане ус-

---

¹ Описываются впечатления от пребывания в Судане зимой 1969/70 г.

траиваются под открытым небом), вы можете продрогнуть и даже простудиться.

Иногда однообразие погоды нарушает ветер. Тогда на зубах начинает скрипеть песок, а тонкий слой пыли покрывает все предметы даже в закрытых помещениях.

Солнце распределяет и распорядок дня человека. Рабочий день на промышленных предприятиях начинается, как правило, в шесть часов утра и заканчивается в два часа дня. В государственных учреждениях работают с восьми до двух. После пяти часов вечера город оживляется: снова открываются магазины, зажигаются огни клубов и рекламы кинотеатров. Сумерки приносят прохладу и отдых.

Хартум по-арабски значит «хобот» и получил, видимо, такое название благодаря характерному изгибу нильского русла. Шляпы полицейских Хартума украшает серебряный значок с изображением головы слона с поднятым хоботом.

В средние века столиц в Судане было много. Каждый султанат имел свою столицу. Хартум же был небольшой деревней, расположенной у места слияния Голубого и Белого Нила. В начале XIX века, после покорения суданских султанатов египетскими хедивами, эта деревня понравилась одному из наместников, и с 1821 года Хартум стал суданской столицей. В 1885—1898 годах во время антиколониального восстания махдистов столицей повстанцев был Омдурман. Сейчас над Омдурманом возвышается огромный белый купол мавзолея Мухаммеда Абдаллаха аль-Махди, предводителя этого широкого народного движения. Вокруг мавзолея, на огороженной территории с садом и новыми домиками, живут правнуки вождя. Неподалеку расположен дом Махди («бейт аль-халифа» — «дом мессии»), где устроен государственный музей. Белые купола мавзолеев святых (и земных правителей) можно видеть во многих городах и поселках Судана. Высокие и узкие, они устремлены прямо вверх, в голубое небо. «Наши суданские ракеты!» — шутят хартумцы.

В настоящее время Хартум разросся и слился с Омдурманом, расположенным ниже слияния Белого и Голубого Нила, и с Северным Хартумом (на правом берегу Голубого Нила). Так суданская столица стала городом «трех Ниллов».

Спрашивать у жителей нильского побережья про крокодилов — все равно, что спросить москвича или ленинградца о белых медведях или волках, хотя, конечно, память о крокодилах несколько более свежая. Живых крокодилов в Хартуме можно увидеть лишь в зоопарке. Их доставляют сюда из экваториальных провинций, с самых верховьев Белого Нила и его притоков.

По спокойной глади Голубого Нила и по волнам Белого плывут теперь прогулочные катера с пестрыми тентами и блестящими медными колесами. Под таким тентом на середине реки прохладно даже в знойный полдень. Выше моста на Голубом Ниле находится яхтклуб. В ветреный день по голубой поверхности скользят легкие яхты с желтыми и алыми парусами. И каждый день с раннего утра обе реки бороздят большие деревянные лодки рыбаков. В Ниле много рыбы: карп, сом, нильский окунь. Нильская рыба очень вкусна в жареном и тушеном виде. Наш искусный повар Камаль несколько раз кормил нас прекрасными нежными рыбными котлетами.

Незадолго до нашего приезда в сеть к рыбакам вместе с рыбой попали-таки два маленьких (около 20 сантиметров длиной) крокодиленка. Их доставили на государственную научно-исследовательскую станцию по изучению и разведению рыб и поместили в небольшом стеклянном аквариуме рыбного музея. Трехмесячные малыши агрессивно бросаются на любой предмет, опущенный к ним в аквариум. Нам посоветовали быть осторожными: этим «крошкам» ничего не стоит откусить палец.

Хозяйство станции располагает бассейном для мальков, лабораториями и, как уже говорилось, музеем, где выставлены чучела и скелеты нильских рыб и животных. В задачи станции входит изучение возможности заселения Нила новыми породами рыб.

Станция находится близ берега Белого Нила. Окрестности ее следовало бы назвать «место отдыха жителей столицы». Большие деревья с длинными колючками и густой кроной отбрасывают прохладную тень. Кое-где среди песка — заросли травы и зеленого горошка. Вдоль воды тянется полоска тонкого белого песка. Сюда приезжают отдохнуть хартумцы всем семейством на машинах и велосипедах. На земле расстилаются коврики,

одеяла, вытаскиваются гермосы и всякая снедь, режутся длинные арбузы. Детвора возится в песке.

Вода Белого Нила имеет светло-бежевый оттенок, и у места слияния обоих Ниллов на протяжении нескольких километров видна четкая граница между водами Белого Нила и темно-синим потоком Голубого. В прежние времена жители левого берега Нила специально ездили за более чистой водой на правый берег.

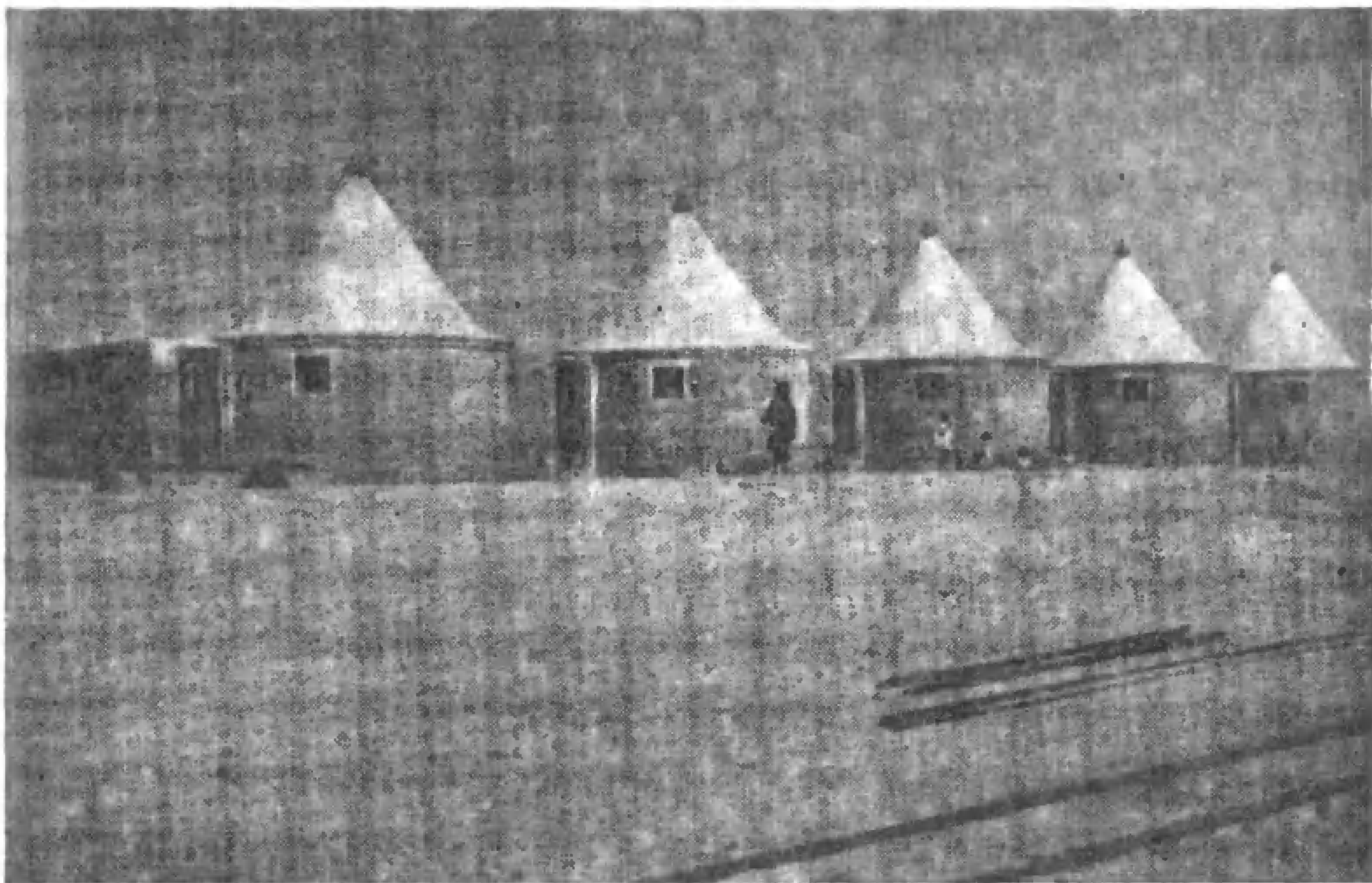
Голубой Нил уже и глубже, чем Белый. Глубина Голубого Нила достигает 60—80 метров, а Белого — 20—25. Начиная от города Вад-Медани Голубой Нил имеет живописные берега, поросшие короткой зеленой травой, белые песчаные отмели. Ватаги мальчишек и подростков резвятся на песчаных пляжах, совсем как на наших среднерусских речках.

Заливные берега обоих Ниллов засажены кормовыми травами, земляным орехом, помидорами. Зимние месяцы в Судане — сезон помидоров. Среди зеленых грядок мелькают длинные белые рубахи крестьян — галабийи. Кое-где на зеленые луга выпускают пастись буйволиц и местных коров — светло-рыжих с небольшим горбом на спине.

Козы и овцы кормятся сами, бродя по городским и деревенским улицам и подбирая все, что можно ухватить: от арбузных корок до обрывков афиш. Сено и траву запасают в основном в период дождей. Зеленый корм представляет здесь большую ценность. Тюки зеленой травы продаются на базаре наряду с овощами и фруктами. В городских садах и скверах рабочие, вручную пропалывая траву, собирают ее в большие мешки, не выбрасывают ни травинки.

Ниже места слияния Нил имеет лишь один приток (справа) — реку Атбара. Дальше Нил катит свои воды на север через древнюю Нубию в Египет, до самого Средиземного моря, сохраняя почти одинаковую ширину.

У слияния Атбары и Нила в темной зелени утопает город Атбара. Это город железнодорожных рабочих, центр цементной промышленности. Почти примыкает к Атбаре небольшой город Дамер, где на отвоеванных у пустыни участках поднимаются пышные сады с зелеными лужайками и малиновыми ползучими цветами, опутывающими живые изгороди и кустарники.

Атбара. Новый поселок

Берега Нила обжиты очень давно — более 250 тысяч лет назад. Древние цивилизации возникли здесь одновременно с древнеегипетской и в тесной связи с нею. Земли по верхнему Нилу были известны в Древнем Египте как «страна Куш», богатая золотом, слоновой костью, черным деревом.

Жители древнейших государств Напаты, Мероэ, Нубии, Мукурры и Алоа имели высокую культуру земледелия, обработки металла и ремесла. Они оставили после себя мавзолеи, пирамиды, храмы, не уступающие египетским. Христианские государства сменялись мусульманскими, султаны — египетскими и английскими наместниками.

Восстания и политические выступления против колонизаторов привели к тому, что 1 января 1956 года Судан обрел национальную независимость. Плотины и оросительные системы, железные дороги и порты и многие предприятия стали собственностью молодого государства.

Недалеко от Белого Нила, у хартумского шоссе, звенят лопаты. Окруженная грудями песка и кирпича вы-

растает стена здания. Эта стройка необычна. Молодежь городского района аш-Шаджара под руководством районного отделения Союза суданской молодежи (ССМ) на общественных началах строит поликлинику. Энтузиасты отдают строительству все свободное время: утром и вечером, в выходные дни. Проект здания разработан бесплатно молодым строителем-архитектором. На стройке работают служащие государственных учреждений, учащиеся, учителя.

Узнав, что перед ними гости из Советского Союза, молодые люди окружают нас тесным кольцом. Сверкают улыбки, раздаются веселые приветственные возгласы: «Ахлян ва сахлян!» («Добро пожаловать!»). Бригадир, представитель ССМ, рассказывает краткую историю стройки: району нужна поликлиника, стоимость ее сооружения обошлась бы государству в 20 тысяч суданских фунтов. Прогрессивная молодежь района решила взять на себя ответственную задачу — построить поликлинику на добровольных началах. На призыв передовых откликнулись многие. В течение нескольких месяцев был заложен фундамент и возведены стены. Пока что все строительство обошлось в одну тысячу суданских фунтов. Только рабочие инструменты — казенные. Сейчас районное отделение ССМ проводит среди населения района сбор добровольных пожертвований на строительные материалы... Велико и воспитательное значение строительства. Завершение его покажет роль нового отношения к труду.

Юноши и подростки, учащиеся средних школ, расспрашивают меня о вузах Советского Союза, интересуются, можно ли приехать к нам учиться, спрашивают, куда и через кого надо посылать заявления и документы. Большую радость доставляют ребятам советские значки, особенно с портретом В. И. Ленина.

Тепло расстаемся мы с представителями нового уклада на издавшей виды африканской земле... Отраднее сознавать, что эта стройка и ее участники — не единственные в стране. В разных ее уголках нам удалось видеть еще такие стройки и другие подобные мероприятия, знаменующие новый этап в развитии тысячелетних цивилизаций.

У самого Красного моря

Мягкий влажный ветерок и легкие бегущие тени облаков встречают нас на аэродроме Порт-Судана.

Порт-Судан — морские ворота страны. Его население — около 150 тысяч человек. На берегу, по дороге в город, высятся белые башни элеватора, сооружаемого при содействии советских специалистов. В гавани — вывески клубов: для моряков, для офицеров, для иностранных моряков и т. п. На главной улице — гостиницы, рестораны, магазины. На вывесках много греческих и армянских имен. Дальше тянутся виллы, окруженные пальмами и цветущим кустарником.

Чем больше удаляемся мы от приморского центра, тем все более скученными становятся кварталы, улицы кажутся все более унылыми и пыльными. Исчезают зеленые садики и каменные ограды. Маленькие дома, сложенные из досок, собранных в разное время и в разных местах, серые от солнца и пыли. Это кварталы портовых рабочих.

В таких маленьких домиках часто всего одна комната, отделенная от внутреннего дворика просто ситцевой занавеской. Во дворике под навесом расположено все небольшое хозяйство семьи: печурка, обмазанная глиной, обычная керосинка, несколько чашек и глиняных сосудов с водой, жестяные банки с кофе и сахаром. Тут же — частью под навесом, частью под открытым небом — железные кровати с ситцевыми одеялами и подушками. Здесь хозяйничают женщины, посторонним мужчинам входить сюда не принято. Сама хозяйка, ее родственницы и подруги могут выйти к гостям в парадную комнату, пожать им руку, поприветствовать, угостить чашечкой кофе.

Однажды меня пригласили на женскую половину, во двор, посмотреть, как готовится кофе.

Из какого-то уголка Хадиджа (хозяйка) вытащила... о нет! не яркий медный кофейник с узким гордым горлышком и восточным орнаментом, какие продаются на всех восточных базарах для иностранцев, но всего-навсего консервную банку, сплюснутую в одном месте в виде носика и с приклепанной длинной ручкой. Потом мы часто видели целые гирлянды таких «кофейников» в хозяйственных лавках на базарах. Часто они произ-

водятся тут же, на месте, из пустых консервных банок, как в обувном ряду мастерятся сандалии и шлепанцы из разрезанных на полоски автомобильных камер.

В кофейник плеснули воды из глиняного кувшина, разожгли керосинку. Когда вода закипела, в нее бросили несколько ложек кофе и сахара. Еще немного подержав кофейник над огнем, хозяйка достала (теперь уже действительно африканский) круглый сосуд из красной сбожженной глины с ручкой и длинным горлышком. Она перелила в него кофе, а отверстие горлышка заткнула пучком сухой травы, «чтобы не выдыхался». После этого появились маленькие фарфоровые чашечки без ручек, и кофе вынесли гостям. Несмотря на кажущуюся прозаичность приготовления, вкус и аромат кофе были превосходны. Секрет, видно, заключался в опыте хозяйки. Во дворе продолжалась беседа женщин. Скромный дворик без единой травинки и цветочка оживлен живописной группой: нежно-розовое покрывало, черное с белыми звездами, алое и белое с цветной каймой. Суданские женщины очень изящно носят свое длинное покрывало («тоб»). Оно окутывает всю фигуру женщины, один конец прикрывает ее голову. Такой костюм сглаживает все недостатки фигуры, которые не скрыть коротким открытым платьем.

Сейчас в гостях у хозяйки студентка педучилища из Хартума, учительница начальной школы в Порт-Судане, служащая городского телеграфа. Все они члены и активистки Союза суданских женщин. Рассказывают о своей общественной работе: ликвидация неграмотности и санитарно-гигиеническое просвещение женщин квартала, организация детских садов, интернатов при школах...

Вечером мы приглашены на большой митинг-собрание портовых рабочих по случаю национального праздника страны.

На просторной площадке, обнесенной высоким забором, установлены трибуна и ряды скамеек. Народу очень много. Те, кому не хватило места на скамьях, теснятся вдоль забора, некоторые даже залезают на него. На митинге присутствуют директор порта и его заместитель, руководители профсоюза, представители рабочих организаций.

Выступающие говорят о международном положении: о роли Судана в антиимпериалистической борьбе стран

Ближнего Востока и Африки, о последовательной политике дружбы и помощи братским арабским странам, о значении помощи социалистических стран и Советского Союза. Основные мысли ораторов поддерживаются возгласами одобрения и хлопками. Рабочие говорят о насущных нуждах портового района: необходимо произвести очистку гавани у жилых домов, снести старую гниющую дамбу, провести санитарно-гигиеническое благоустройство рабочих кварталов: надо добиваться у городских властей выполнения обещаний, во многих мероприятиях примут участие и добровольцы. Выступления по злободневным вопросам воспринимаются участниками митинга еще более оживленно.

* * *

Берег Красного моря — свидетель многих событий: собраний трудящихся, молодежныхстроек на общественных началах (например, здания для городского отделения Союза суданской молодежи), дружественного визита советских военных кораблей, строительства элеватора. Вместе с тем он сохраняет и очарование своей природной красоты.

В окрестностях Порт-Судана нет крутых скалистых берегов. Плоская песчаная суша почти незаметно смыкается с морской поверхностью. Когда на море бывают волны, кажется, что они поднимаются над берегом, что вода стоит выше суши, каким-то чудом не заливая ее.

Открытое море (с акулами) отделено от нашего пляжа песчаными отмелями на плоских коралловых рифах и мелководными лагунами, перемежающимися с глубокими голубыми впадинами. Даже этих впадин достаточно, чтобы поплавать, понырять с маской и насладиться подводной красотой моря.

Выпросив у кого-нибудь маску «на минуточку», вернуть ее трудно себя заставить. Настолько притягательна красота красноморского дна.

Плоские берега резко обрываются в воде, и здесь их склоны покрыты бледно-сиреневыми, оранжевыми и лиловыми кустиками кораллов. На солнечных выступах подводных скал неподвижно застыли или чуть-чуть шевелятся звезды и какие-то яркие, подозрительные существа — не то животные, не то растения. Из темно-синей

глубины, как пички, выпархивают серебристые рыбы с радужными боками. Еще красивее — небольшие рыбки канареечного цвета с черными плавниками и черным раздвоенным хвостом.

В воду погружаешься без всякого содрогания. Это самое теплое море в мире. Даже зимой его температура $+25^{\circ}$ на поверхности и $+21^{\circ}$ в глубине, и в то же время это море самое соленое: если вода попадает в глаза или нос, долго не можешь прийти в себя от боли.

Царапаясь об острые края прибрежных кораллов, выбираюсь на отмель. На горячем песке блестят большие раковины и выбеленные солнцем обломки кораллов. По мелководью бродят розовые фламинго. Неподалеку от меня маленькая серая цапля вылавливает из теплой лужи мелкие ракушки. Знойную тишину разрывают лишь крики чаек. Шлепаю дальше по мелководью. С запоздалым отвращением отдергиваю ногу от места, с которого только что сорвался черный плоский треугольник ската. К счастью, он исчез в противоположном направлении, подымая за собой мутную полосу песка и ила.

Пересекая отмели и мелководье, можно добраться до открытого моря. Ветер здесь гонит невысокие рыжеватые волны, песчаное дно усеяно острыми ракушками и кораллами. Кто-то вспоминает про акул, и мы возвращаемся в свою спокойную заводь. Кроме нас на берегу никого нет: зима! Наш шофер даже поеживается от холода, не представляя, как мы могли купаться сейчас в море.

Если углубиться в городские улицы, уходящие от моря, можно попасть в странные кварталы. Тростниковые ограды, дощатые жиденькие домики. Под тростниковыми навесами торгуют жареными семечками, арахисом, кусками мяса и запыленными кучками помидоров и лука. На столбиках и под навесами развешаны изделия из сыромятной кожи: пояса, сбруя, седла, ножны для ножей и длинных мечей. Как объясняют нам городские жители, здесь живут полукочевые племена, создающие во время своего пребывания в городе целые кварталы.

С приморскими кочевниками-бедуинами племени беджа мы встретились на пути из Порт-Судана в Суакин.

Песчаная дорога идет по плоской прибрежной равнине. Ее красноватая поверхность покрыта голубовато-зеленым пушком: подрастает зимняя травка. Мелькают жирные кактусы и небольшие деревья с белесыми стволами и крупными мясистыми листьями. На западе вдоль горизонта — цепь голубовато-сиреневых остроконечных гор. Вдали слева сверкает под солнцем поверхность Красного моря. С равнины встречный ветер доносит аромат свежей зелени. В зимний сезон к этой зелени и спускаются с голубых гор со стадами овец, коз и верблюдов кочевые племена.

Между островками густого колючего кустарника и зонтичных акаций мелькают черные шатры бедуинов. Они сделаны из черной шерсти или плетеных циновок в виде односкатного навеса. Иногда это просто шалаши из хвороста.

Перед жилищем устроен небольшой очаг из камней, обмазанных глиной. Около очага — несколько металлических котелков. Кое-где по пересохшим руслам ручьев видны всходы сорго. Спутники объясняют, что такие временные посевы кочевники делают, пока живут на побережье в зимний сезон.

Среди кустарника пасутся стада светлых одногорбых верблюдов с верблюжатами, черные овцы и лохматые козы. Все выпрыгивают из машин, чтобы сфотографироваться на фоне верблюда и верблюжьей колючки. А вот и хозяйка. Навстречу нам на верблюде едет бедуинка. Она с головой закутана в темное покрывало, лицо до самых глаз закрыто плотным платком с вышитым геометрическим рисунком, украшенным блестящими металлическими кружочками и монетами. Многие из нас хватаются за фотоаппараты, но женщина делает энергичные предостерегающие знаки руками и головой. Ну что ж, нельзя так нельзя!

Затем показываются мужчина и дети. Останавливаемся и весело приветствуем друг друга. Язык этого племени отличается от арабского, поэтому наш разговор ограничивается общими приветствиями и фразами типа: «Зеййик?» («Как дела?»), «Квойес» («Хорошо»).

У высокого мужчины на поясе висит длинный меч. Заметив наш интерес, бедуин вытаскивает меч из ножен и начинает размахивать им над головой. Наши суданские друзья объясняют, что он может продать нам этот

меч. Однако желающих волочить такой меч по московским улицам не находится. Зато все просят разрешения сфотографировать его самого и детей. Бедуин охотно соглашается. Девочки (десяти-двенадцати лет) украшены пестрыми бусами и медными браслетами. Лица их тоже закрыты, но они охотно пристраиваются к группе.

Сцена продолжается недолго. Скоро девочки подбирают свои охапки хвороста, мужчины гонят стада на водопой. Мы же продолжаем свой путь в Суакин — город джиннов.

Суакин — старейший суданский порт на Красном море. Уже в XIV веке он упоминается у арабского путешественника и географа Ибн Батуты. В те времена городом правил один из сыновей мекканского эмира. Порт-крепость располагался на острове, соединенном с побережьем дамбой.

В красноморских легендах основание Суакина связано с древнейшими временами. Когда-то царь Соломон построил на острове неприступную крепость и заточил в ней непокорных джиннов. Первоначальное название крепости («саваджин» — «тюрьма») стало названием порта. Позже это название превратилось в более реальное (и более понятное) — «савакин» («жилье, поселение»).

В XIX веке выгодное положение порта явилось причиной многолетней борьбы за него между египетскими правителями и Османской империей. Позднее порт был соединен железной дорогой с городами долины Нила и с Хартумом. После первой мировой войны город потерял свое исключительное значение. Его место в жизни страны занял Порт-Судан.

Под жгучими лучами солнца на берегу ярко-голубой бухты белеют, как кости, остовы каменных зданий. Кровли и внутренние перекрытия уже обвалились, но стены еще держатся. Наш гид — местный житель, старик — смотрит на эти дома, как на своих, уже ушедших ровесников. Он еще помнит, как вот в этом большом доме были почта и телеграф, там — аптека, здесь — таможня и здание карантина. Одно уцелевшее здание города служит местным городским музеем: у его ворот грозно таращатся на пришедших жерла двух пушек. Внутри двора две полукруглые лестницы ведут на площадку второго этажа под резным, раскрашенным деревянным навесом

В полутемных полупустых комнатах второго этажа выставлены образцы местной утвари и оружия, несколько пожелтевших фотографий с видами прежнего Суакина.

По окраинам умирающего каменного города лепятся дощатые и тростниковые хижины немногочисленного местного населения, большинство которого составляют выходцы из восточносуданского племени хадендоа. Они живут здесь рыбной ловлей. Некоторые имеют небольшое хозяйство: несколько грядок с зеленью, немного коз или овец.

На острове, по-прежнему соединенном с берегом дамбой, виднеются новые корпуса зданий — приют для африканских паломников в Мекку, продолжающих пользоваться портом старого Суакина.

Проулок между домами отгорожен от улицы пестрым занавесом. Из-за занавеса доносятся звуки джаза и гул голосов. Снаружи суетятся вездесущие мальчишки и любопытные прохожие. Мальчишки приседают и заглядывают под пеструю ткань, взрослые выискивают щели и дыры, чтобы прильнуть к ним глазом. Заглянем и мы вместе с ними: здесь празднуется суданская свадьба.

Просторное помещение, ограниченное занавесами и коврами, ярко освещают гирлянды электрических лампочек. Большая часть его заставлена рядами стульев, на которых расположились гости.

Сейчас городская молодежь в Судане празднует свадьбу в течение трех дней: первый день — в доме родителей жениха, второй — родителей невесты, на третий день невесту приводят в дом жениха. Мы попали на третий день свадьбы.

Жених, молодой человек лет двадцати трех, в черном костюме и белой рубашке, выходит к нам навстречу. В ожидании невесты гости развлекаются музыкой и танцами. Несколько друзей жениха образуют джаз-оркестр. На небольшой площадке в центре помещения молодые люди темпераментно танцуют шейк. Кажется, что этот танец вновь вернулся к своим истокам. Танцуют в основном мужчины. Суданские женщины и девушки степенно держатся в сторонке, разглядывая танцоров и

публику. В круг выходят лишь две гречанки — полные девушки с пышными волосами в светлых летних платьях и с длинными золотыми серьгами в ушах.

Все женщины принарядились и приятно оживляют темные мужские ряды. Мелькают разноцветные покрывала: красное с мелкими черными цветочками, желтое, белое с ажурной каймой. Ногти женщин окрашены ярко-оранжевой краской, ладони разрисованы темными узорами. В руках у многих — лакированные сумочки, на ногах — лакированные босоножки. Ступни ног и пятки тоже в черных разводах.

Хозяева и родственники делают последние приготовления к встрече невесты. Они очищают свободное место в середине зала, застилают его циновками, выносят и устанавливают в центре широкую тахту. Рядом ставят небольшой столик, на котором в специальном глиняном сосуде (вроде открытой вазочки) курятся благовония. Здесь же ставят кувшин с молоком.

Снова появляется жених, одетый уже в длинную белую галабийю и белую чалму. В толпе у входа возникает оживление: в окружении родственниц и подруг входит невеста. Невеста завернута в белый полосатый тоб, лицо она закрывает раскрашенными руками. Женщины выводят невесту на середину площадки, отнимают от лица руки и снимают с нее покрывало. На циновке, ярко освещенная, оказывается крупная девушка в голубом шелковом платье до колена и с короткими рукавами. На вид ей можно дать лет восемнадцать, но, говорят, ей всего четырнадцать. Она смущенно улыбается, потом сбрасывает босоножки и под замечания и подсказки пожилых женщин и старших подруг (молодежь теперь уж ничего не знает!) исполняет «танец невесты». Танец исполняется на одном месте и состоит из плавных движений шеи, плеч и рук. Затем невесту и жениха усаживают на тахту и подносят им кувшин. Они набирают молока в рот и под одобрительные возгласы присутствующих брызжут им друг другу в лицо. Оба смеются, от этого брызги еще сильнее. Обряд этот — своеобразное пожелание молодым светлой и сладкой (как молоко) жизни.

Жених и невеста остаются сидеть на тахте, а гости возобновляют танцы. Время от времени друзья и знакомые жениха приближаются к нему и, подняв вверх

соединенные руки, помахивают кистями, этим выражая свое восхищение невестой.

Мимо меня протискиваются две девочки десяти-двенадцати лет.

— Когда же будет ваша свадьба? — спрашиваю я их.

— Мы еще будем учиться, — смеются они.

— А потом?

— Потом мы поступим в университет, — задорно отвечает новое поколение.

В стране форов

Наш самолет летит над красной равниной, усеянной темно-синими крапинками растительности. Кое-где видны квадратики полей.

Неожиданно в знойном тумане, скрывающем горизонт, вырисовывается громада горы Джебель-Марра (3088 метров). Джебель-Марра — потухший вулкан, но живое сердце Дарфура, западной провинции Судана, страны форов, местной африканской народности. На вершине горы крутые коричневые скалы окружают холодное неподвижное синее озеро. Ступенчатые уступы горы одеты густым кустарником и тенистыми лесами. Климатические и растительные пояса Джебель-Марры многообразны — от тропического у подножия горы до умеренного на вершине. Иногда зимой, правда очень редко, озеро на вершине горы подергивается пленкой льда. Гора изобилует источниками и хрустальными, звонкими ручьями. В окрестностях жители круглый год выращивают плоды манго, апельсины и овощи, которые на машинах и на верблюдах отправляют в главный город Дарфура — Эль-Фашер.

Эль-Фашер — бывшая столица султаната Дарфур. Страна форов дольше других земель Судана оставалась самостоятельным государством. Последний султан, Али Динар, правил до 1916 года, когда страна была захвачена англичанами и присоединена к остальному Судану.

Сейчас во дворце султана находится резиденция губернатора провинции. На старом месте, в углу, стоит трон последнего султана — позолоченное кресло с высо-

кой спинкой, обтянутой красным бархатом. В небольшом застекленном шкафу хранятся одежда и личное оружие султана. Напротив — большой письменный стол, заваленный бумагами. За ним-то и принимает нас губернатор. Сзади него на стене большая карта всей провинции, между деревянными балками высокого потолка — люминесцентные лампы и электрический вентилятор.

Губернатор рассказывает о перспективах развития провинции: об орошении с помощью артезианских колодцев государственных опытных сельскохозяйственных участков, улучшении пород скота (Дарфур славится лучшими арабскими лошадьми), об организации водоснабжения города (в Эль-Фашере нет постоянного источника воды, и город пользуется водой из двух водохранилищ, собирающих дождевую воду). Район горы Джебель-Марра правительство намерено превратить в зону отдыха и туризма.

Машина от Джебель-Марры до Эль-Фашера идет четыре часа, караван верблюдов — четыре дня. Раз в неделю в Эль-Фашере бывает большой базарный день — «сук эль-хамис» («четверговый базар»). Утром этого дня в город прибывают караваны с плодами Джебель-Марры. Целый день на базарной площади высятся горки золотистых апельсинов, алых помидоров, розового продолговатого картофеля, зеленых плодов манго. Грудой лежат белые арбузы. Белые они внутри, а снаружи — обычные зеленые. Белая мякоть их не сладкая, но сочная, ее едят с солью, как овощи. На соседних с базаром улицах толкуются разгруженные верблюды и ослики. К вечеру пустые караваны отправятся обратно, чтобы через неделю снова прибыть в Эль-Фашер.

Базарная суতোлка продолжается до вечера. Среди белых галабий мужчин мелькают покрывала и платья женщин из племени динка, фор, из нигерийских племен. На непокрытых головах они держат большие плетеные корзины, подносы из разноцветной соломы и глиняные кувшины с водой или молоком. Приходят они сюда из деревень, примыкающих к городу.

Деревни эти уже совсем «африканские»: круглые хижины с коническими крышами из сухих стеблей. Каждый двор огорожен плетнем. Во дворе — несколько таких хижин. Каждая из них представляет как бы отдельную комнату квартиры: одна с кроватями и шкафчика-

ми служит спальней, другая — для детей, третья — для хозяйственной утвари. Во дворе копошатся куры, в углу, над охапкой зеленых стеблей, хрустит коза. Под навесом — небольшой очаг, рядом — кувшины с водой. Все хозяйство охраняет маленькая собачонка. Нам объясняют, что много представителей центральноафриканских племен приходят в Дарфур на заработки.

В день нашего приезда население города и окрестных деревень собралось на городской площади, чтобы приветствовать первую советскую делегацию.

Под стук длинных барабанов группа мужчин из племени динка в галабийях, исполняет военный танец с мечами и палками. Напевая, они подпрыгивают и двигаются друг за другом по кругу. Поодаль, в пестром кругу женщин, исполняется «танец шеи»: несколько женщин становятся полукругом и медленно, плавно двигают шей и плечами.

В толпе шныряет детвора, протискивается крестьянин, таща за длинное ухо своего осла.

У дверей гостиницы собрались девочки — ученицы городской школы, одетые в белые платица и белые носочки, с букетами цветов. Под руководством своей учительницы они хором скандируют приветствия нашей делегации: «Добро пожаловать, дорогие друзья!»

Суданские женщины играют серьезную роль в общественной жизни страны. Нам не раз приходилось встречаться с представительницами Союза суданских женщин и бывать на их собраниях. На одном из таких собраний при большом стечении народа (как женщин, так и мужчин) председательница местного комитета Союза сделала большой доклад о роли суданской женщины в развитии национально-освободительного движения. Приводились имена народных поэтесс, патриотические поэмы которых расходились по всей стране, имена народных героинь, участниц восстания махдистов.

Во всех городах и поселках страны встречались мы с преподавательницами женских школ и с их ученицами.

В Хартуме нам как-то довелось переночевать в общежитии студентов университета. Женское общежитие находится на отдельной территории, обнесенной неприступ-

ной высокой стеной. Вдоль ее верхнего края протянута еще колючая проволока. Сторож в проходной строго спрашивает сопровождающего и только затем распаивает ворота перед девушками нашей делегации.

В большом тенистом саду разбросано несколько новых четырехэтажных корпусов с наружными лестницами. По санитарным нормам для тропических стран каждая комната рассчитана на двоих: две кровати, стол, полки с книгами, стенные шкафы, вентилятор. На каждые две комнаты — санузел с душем. Здесь живут студентки с запада и севера, с востока и юга страны, из Порт-Судана и Дарфура, из Вади-Хальфы и из Вади-Медани.

В городе Вад-Медани, на Голубом Ниле, находится большой педагогический центр: женское педучилище, средняя школа и детский сад, где проходят практику студентки училища. На территории учебного комплекса расположены столовая, медпункт и общежития. Девушки в белых платьях со стопками книг и тетрадей толпятся у дверей читального зала библиотеки.

Молодежь Судана все увереннее становится на новый путь, полный труда, ведущий к свободе и прогрессу.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
ЕСЛИ ВОДА ВСЕГО ДОРОЖЕ	4
ЙЕМЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ	20
Земля двух лун	22
Первый свободный удар (репортаж с площади Жертв)	26
Маленькие этюды	28
Золотые руки	54
ИОРДАНИЯ МНОГОЛИКАЯ	59
Невоспетая Пальмира	61
Мертвое море	63
В долине Иордана	67
На Горе олив	70
Овечьи ворота	74
Голгофа	79
Новый город	83
Искусство человека	86
В гостях у писателя	90
ТУНИССКИЕ ВСТРЕЧИ	92
Слава Набиля	96
Пиццария «Грот»	102
В СТРАНЕ НЕФТИ	108
Ливийское королевство	108
Навстречу ливийской весне	113
У источника надежды	117
Марса аль-Брега — колыбель нефтяного чуда	124
Западная независимая	130
Жемчужина в песке	138
Триполийские будни	146
Ярмарка в Триполи	153
Хадба аль-Хадра набирает силы	155
Ливийская новь	157
ПОД СОЛНЦЕМ АФРИКИ	165
Три Нила	165
У самого Красного моря	171
В стране форов	179

*Анна Григорьевна Григорьева,
Владимен Иванович Гусаров*

**ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ
АРАБСКОГО ВОСТОКА**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

•

*Редактор Т. К. Гарушянц
Младший редактор Ю. М. Сабсай
Художник А. Т. Яковлев
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Р. Ш. Чемерис*

•

*Сдано в набор 31/III 1972 г.
Подписано к печати 30/VI 1972 г.
А-05808. Формат 84 × 108^{1/32}. Бум. № 1
Печ. л. 5,75. Усл. п. л. 9,66. Уч.-изд. л. 10,53
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3008
Заказ № 446. Цена 41 коп.*

•

**Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2**

**3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4**

Цена 41 руб.